

ПРИЕМШИЙ ОГНЬ

Жизнь, страдания, подвиги преподобного Феодора Санаксарского

Автор-составитель
игумен Венедикт (Кулешов)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, настраивающийся ко внимательному прочтению книги о святом старце Феодоре, должно быть, уже заметил, что она обозначена нами не как *Житие*, но имеет подзаглавие проще и реалистичнее. Признаемся, это сделано сознательно и вот почему.

Два повествования доступны были к 1999 году, когда в Саранской епархии готовилось прославление сего великого подвижника. Это «Жизнь отца Феодора и Краткие его поучения», составленное монахом Оптиной пустыни Порфирием (Григоровым) и изданное в Москве в 1847 году, а также «Жизнеописание старца иеромонаха Феодора (Ушакова), восстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря», печатавшееся в Тамбовских епархиальных ведомостях за 1886 год, где составитель игумен Тихон (Ципляковский), вполне учтя Оптинскую редакцию, ещё значительно дополнил как жизнеописание, так и наставления Преподобного отца. На основе этих публикаций и был подготовлен житийный тридцатистраничный текст, достаточно стилизованный, как того требуют традиция и условия жанра.

Затем началась работа в архивах – и со временем стали выявляться документальные свидетельства, не вмещающиеся в стилизованную традицию и как бы не желавшие соблюдать заповеданный агиографам жанр. И возникло печальное понимание, что в том виде, в каком житие преподобного Феодора существует, нам предоставлена для чтения некая недосказанность, даже *полуправда*, – но будет ли она поучительна для нас, в должной ли мере будет нас назидать?

Вот причина, по которой начата работа над книгой.

Составитель не скрывает, что у него было немалое искушение подключить опыт и навыки *художественного* построения текста, но, кажется, удалось этого избежать. Книга почти вся состоит из отобранных цитат (дословных либо в пересказе, не меняющем смысла, переданных), которые мы постарались расставить и соединить в нескучном для читателя порядке. Лишь в двух-трёх случаях мы позволили себе смелость домыслить то, о чём совершенно никому не известно; это касается персонажей, в чей внутренний облик профессиональное чутьё составителя легко проникло: две Императрицы, один губернатор в чине генерал-поручика, ещё кое-кто, – но, во-первых, наши домыслы всякий раз логично

обосновываются сопутствующими свидетельствами и документами, а во-вторых... мы (простите) как-то не сомневаемся, что у этих исторических персонажей *тогда* могло быть именно так!

И только всё прямо относящееся к личности преподобного Феодора, его внешним поступкам и, тем более, его душевной жизни было раз и навсегда запретным для домыслов. Возможно, по этой причине образ Старца недостаточно яркое, недостаточно убедительно? Но здесь мы не имели права позволить себе и малейших *художеств*. Во всяком случае, в этом совесть составителя чиста.

Перед нами была задача: восполнить жизнеописание Преподобного отца, сказать о нём всё ставшее известным, не утратив ни подробности. Святой человек, по самому содержанию внутренней жизни всегда удаляющийся компромиссов с падшим окружающим миром и свои поступки согласовывающий с учением Евангелия и святых Отцов, в любую эпоху – что XVIII-го, что XXI-го века – доставляет причину, по крайней мере, внимательного, неравнодушного разбирательства его земного пути, на котором урезывания и недомолвки кажутся нам недопустимыми.

ПРИЕМШИЙ ОГНЬ

Огня приидох воврещи на землю,
и что хочу,
еще уже возгореся!

Евангелие от Луки. 12, 49

Суров и тяжёлый был год 1718-й. Великое переустройство претерпевала Россия. Царь Пётр Алексеевич решительными действиями реформировал веками собиравшийся уклад Московской Руси. Заложен в чухонских топях новый град – Санкт-Петербург – и скоро объявлен столицей. Упразднено Патриаршество – Царь не желает видеть власть духовную равной власти Государевой. Спешно укрепляется армия, строится флот, второе десятилетие ведёт Россия изнурительную Северную войну. Основан в Санкт-Петербурге монастырь – в честь Святого князя Александра Невского. И все Царские подданные: духовные и светские, знатные и простые, богатые и немощные, ревнующие о преобразованиях и противленцы, и кто бы то ни был – под страхом немедленных наказаний и не щадя живота обязаны отдать себя на созидание государственной мощи. Царь Пётр, вне сомнения, желал блага Отечеству, и безбожником он не был, но привлекало его более устройство западное, протестантское, нежели традиционное древнерусское благочестие. И резок, противоречив, безмерен был Царь, способен к кощунствам:

так, об учреждении им «всешутейшего и всепьянейшего собора» *срамно нам и глаголати*. Потому и противников его начинаниям было немало. Знал это и сам Самодержец. Но поступиться ни в чём не пожелал. Мера его решимости вполне сказалась, когда он принёс в жертву реформам единственного законного сына-наследника – Царевича Алексея, заподозренного им в возглавлении мятежа. Царевич был приговорён к казни и умучен в каземате Петропавловской крепости.

Да, зело грозен был начавшийся XVIII век, Россия действительно была как бы *вздёрнута на дыбы железною уздою*¹...

А в это время в Ярославской провинции близ уездного города Романова, что на левобережье Волги, в небольшом сельце Бурнакове у потомственного дворянина Игнатия Васильевича Ушакова и жены его Ирины Васильевны родился третий сын, наречённый в крещении Иоанном.

Род Ушаковых, хотя и происходил *не от славных бояр*, но и безызвестным не был, по древности не уступая многим и знатым. Начало своё брал в XI веке от князя Касожской орды Редеди, которого сразил в поединке князь Мстислав, по прозвищу Удалый – один из двенадцати сыновей святого равноапостольного Владимира, посажённый отцом на княжение в Тмутаракани, близ пролива из Азовского моря в Чёрное. Вот как повествуют об этом «Сказания о Русской земле»:

Когда Мстислав и его дружина сошлись с Касожскими полками, то их князь Редедя, богатырь по своей силе, предложил Мстиславу: «Для чего будем губить свою дружину, лучше сойдёмся сами и поборемся. Если ты одолеешь, то возьмёшь всё моё: имение, жену, детей и всю землю. Если я одолею, то возьму всё твоё». «Да будет так», – ответил ему Мстислав. Тогда Редедя добавил, что бороться будут не оружием, а в рукопашную. Крепко схватились два богатыря. Редедя был силен и велик, и Мстислав стал уже изнемогать. «Пресвятая Богородица, помоги мне!» – молитвенно воскликнул он, и помыслил: «Если одолею, построю церковь во имя Твое». Как только он это сказал, то в ту же минуту ударил Редедю о землю, после чего вынул нож и заколол его. Затем, согласно уговора, Мстислав вошёл в Касожскую землю, забрал её и наложил дань, а вернувшись к себе в Тмутаракань, построил обещанную церковь.

Вот этот-то Мстислав Владимирович, взяв в полон сыновей Редединых, крестил их и за старшего, названного Романом, отдал дочь свою, а от них имел внука Василия. Родоначальник фамилии Ушаковых – Павел, по прозвищу Ушак, был потомком Василия Романовича в шестом колене.

Как жили в то переломное петровское время на ярославщине? Как и везде в России: народ изнемогал от податей, старое дворянство роптало, всеобщая переделка на *немецкий* лад будоражила умы. Впрочем, приверженцы новизны повсюду имели первенство. Мы не намерены живописать в подробностях эпоху (отсылаем читателя к достойным и надёжным трудам историков²). Наша тема и задача иные. Дадим лишь два-три

¹ А. С. Пушкин. «Медный всадник».

² Перечень литературы, которую мы прочли и отчасти воспользовались, приводим в конце книги.

документальных штриха; так же будем поступать и впредь. Игнатий Васильевич Ушаков, отец Иоанна, как и все, нёс повинность Государеву: по Высочайшему повелению определён был в Ярославской провинции к *соляным сборам*. Должность ответственная, давала в казну немалые доходы. Энергичные предприятия Царя требовали и средств чрезвычайных; так, в инструкции всесильного тогда князя Александра Даниловича Меншикова к Ярославскому обер-коменданту сказано: «стараться размножить винную, табачную и *соляную* продажу и для того строить больше кабаков – как в городах, так и в уездах, по волостям, и на погостах, и в сёлах, и на проезжих больших дорогах, а особливо, где бывают ярмонки и иные какие съезды и промыслы и работы, и в прочих пристойных местах». Жизнь духовная взаимосвязана с нравами человеческими; митрополит Димитрий³, прибывший на кафедру Ростова Великого, нашёл сию древнюю епархию в положении печальном: духовенство пребывало в глубоком невежестве – и чему же оно могло научить народ? Притом, что сильны были здесь старообрядцы, строго соблюдавшие в быту благочестие. В одной из проповедей святитель Димитрий с болью восклицает: «Окаянное наше время, в которое так пренебрежено сеяние слова Божия, и не знаю, кого прежде надобно винить: сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает. Иереи небрегут, а люди заблуждаются. Иереи не учат, а люди невежествуют. Иереи слова Божия не проповедуют, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны. Иерейские жёны и дети многие никогда не причащаются. Иерейские сыновья приходят ставиться на отцовские места. Мы их спрашиваем, давно ли причащались, а они отвечают, что и не помнят, когда причащались. О, окаянные иереи, нерадящие о своём доме! Как могут радеть о Святой Церкви люди, домашних своих к святому Причащению не приводящие?» А позже пишет другу своему, митрополиту Рязанскому Стефану (Яворскому; †1722), местоблюстителю Патриаршего Престола: «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо, и возбуждают гнев и отмщение Божие!...» Это уже по поводу общецерковных и общегосударственных дел. Да и было же отчего пошатнуться, было отчего прийти в óторопь: следующий архиерей Ростовский и Ярославский Досифей (Глебов; †1718), взятый по делу Царевича Алексея, – и вовсе был казнён *отсечением головы*, яко противник реформ великого Самодержца... Пройдёт два, три, четыре десятилетия, нравы на ярославщине да и повсюду в России если и изменятся к лучшему, то ненамного, и, например, митрополиту Арсению⁴ (от Императрицы Екатерины II – тоже Великой – умученному, и тоже за противление её антицерковным реформам) придётся решать в 40–50 годах схожие духовные неустройства.

Но думается, что уклад жизни семейства Игнатия Васильевича Ушакова был крепок и действительно благочестив: свидетельством тому явились не только земной путь его

³ Святитель Димитрий (Туптало; †1709), митрополит Ростовский и Ярославский, память 28 октября.

⁴ Священномученик Арсений (Мацеевич; †1772), митрополит Ростовский и Ярославский, память 28 февраля.

третьего сына Иоанна, но, в дальнейшем, и жизнь одного из внуков – Феодора⁵. Исполнилось по слову Писания: *Аще корень свят, то и ветви*¹⁶.

Детские годы Иоанна прошли вблизи Богоявленского мужского монастыря, который был в трёх верстах от родового имения. Нам почти ничего не известно об этих годах; но где-то ведь должен был напиться духовно Иоанн и укорениться в желании монашеского жития?

Богоявленский монастырь стоял на просторном берегу Волги, близ воды и напротив небольшого острова в середине речного русла – отчего получил название *Островского*. Известен был с XVI века, владел вотчиной, подтверждённой по грамоте Царя Михаила Феодоровича в 1623 году: до трёх десятков деревень и починков с крестьянами, да пустоши, пожни, мельницы, лес... (Впрочем, теперь, через сто лет после грамоты той – каково сохранялась вотчина? а дальше – и вовсе упразднят обитель.) Но замечателен был возведённый в 1701 году каменный двухэтажный и пятипрестольный храм с шатровой колокольнею, с которой протяжный гул колоколов далеко разносился окрест. Ушаковы были ревностными прихожанами храма; да и вкладчиками: известно, что в ризнице значился серебряный потир – дар «господина Силы Игнатьевича Ушакова» (один из старших братьев Иоанна). А в «Синодике церкви Богоявления Островского монастыря» (сохранившемся до сего дня в Ярославском архиве) находим запись имён «рода Силы Игнатьева сына Ушакова», среди которых – схимонах Антоний и схимонах Вассиан. Для нас весьма важная подробность: ведь монахи эти родственны Иоанну. Монашествующей братии в Богоявленской обители было не много, и приписан был к монастырю белый причт (в годы детства Иоанна возглавляемый попом Димитрием Ивановым), ради совершения многочисленных треб для окрестных прихожан: отпеваний, венчаний, крестин... Здесь же, на погосте, лежали (и лежат, хотя давно уж в безымянных могилах...) все Ушаковы – из тех, кто здесь и закончил земную жизнь. Но и тут же, кстати (вспомним инструкцию *светлейшего* князя Меншикова), была «под Богоявленским Островским монастырём кабацкая тёплая изба для продажи в зимнее время вина и пива». Таких изб не одна была в Романовском уезде, и когда приходили они в ветхость – их перестраивали.

В шестилетнем возрасте Иоанн лишился матери, умершей от послеродовой болезни; сестрица Анна, не прожив и двух недель, тоже скончалась. Полгода спустя отец женился на овдовевшей помещице Параскеве Ивановне Кузьмичёвой. Мы не знаем, были ли у 30-летней вдовы дети от первого брака; но то, что она вполне заменила Иоанну родную мать, очевидно хотя бы из того, что во всех дошедших до нас житийных списках имя матери Преподобного указывается (наверняка же, со слов самого Старца): Параскева, и всегда с любовью. О злой мачехе – так не вспоминают.

Каким было обучение Иоанна? Известно, что в 1714 году вышел указ Царя Петра, обязывающий дворянство к учёбе, и велено было завести по губерниям при архиерейских домах и в знатных монастырях *цифирные* школы «для науки молодых ребяток». Но дело это двигалось медленно. Да и был ли так уж *знатен* Богоявленский Островской монастырь? Вероятнее всего, получил Иоанн начальное образование дома и, кажется,

⁵ Праведный воин Феодор Ушаков (†1817), память 23 июля и 2 октября.

⁶ Эту и все последующие отсылки к Священному Писанию даём в конце книги.

весьма основательное: пытливость его ума, убедительность мысли, умение вникнуть и изъяснить разнообразнейшие явления жизни, глубина познаний в Священном Писании и святых Отцах – ещё не единожды напомнят нам по ходу повествования об этих первых годах *домашнего воспитания*, ибо в детстве закладывается многое.

Когда Иоанну исполнилось семь лет, отец представил его на первый смотр у герольдмейстера, где определён был отрок к службе в Лейб-Гвардии Преображенский полк (в журнале полковой канцелярии отмечено: «28 мая 1725 года по доношению написан в гвардию Иван Ушаков из шляхетства»)⁷. Когда же достиг семнадцати – то и кончились: и детство, и отрочество, и вольная домашняя жизнь. Напутствуемый благословением родительским, Иоанн 18 июня 1735 года прибыл в Санкт-Петербург. В полку к тому времени уже служили его старшие братья – Сила и Фёдор. Иоанн был зачислен мушкетёром в 11 роту. Преображенские гвардейцы помещались на обывательских квартирах по билетам, выдаваемым полицией. Квартиры эти были в районе Литейной улицы и Лиговского канала, достаточно близко от Дворца. Старшие братья, конечно же, взяли под свою опеку прибывшего новобранца; возможно, что и квартировали вместе. – А Петербург задыхался от дыма – горели окрест леса. Императрица жаловалась генерал-полицеймейстеру: «Здесь во Дворце так дымно, что окошка открыть нельзя, а всё оттого, что по-прошлогоднему горит лес; нам то очень удивительно, что того никто не смотрит, как бы оные пожары удержать, и уже горит не первый год». И приказывала: «Вели осмотреть, где горит и отчего оное происходит, и притом разошли людей и вели как можно поскорее, чтоб огонь затушить»...

Это было время в России, названное историками *засильем немцев*. Анна Иоанновна, призванная на Российский престол из Курляндии и лишь за то, что была племянницей Петра Великого, оказалась совершенно неспособной к управлению огромной Империей. Привезённый ею *фаворит* Эрнст Иоганн Бирон, бывший когда-то сыном конюха, а ныне ставший герцогом и вторым лицом Русского государства (вторым по наименованию, но – первым по влиянию на государственные дела), всеми и всюду ненавидимый и всех утравивший, воспринимался не иначе как оскорбление национальному достоинству. Постыдным знаком их правления станет известный своей уродливостью *Ледяной дом*, в коем Императрица, потехи ради, устроила свадьбу своих шутов. Она имела три страсти: верховая езда (что было очень даже понятно, учитывая происхождение *фаворита*), игра на бильярде, особенно же стрельба по живым мишеням, – и для полнейшего удовлетворения её последней прихоти придворцовый парк был заполнен самой разнообразной дичью, в которую Анна Иоанновна стреляла не выходя из комнат, чрез растворённые окна. (Газеты публиковали отчёт об охотничьих подвигах во Дворце: сколько и каких убито диких свиней, оленей, волков или медведей, или той или иной птицы... А чтобы для *потехи* не оказалось недостатка в животных, подданным запрещено было под страхом жестокого наказания охотиться вокруг столицы ближе ста вёрст на

⁷ Год рождения Иоанна 1718-й не вызывает у нас сомнений; приписка его к полку именно в мае (учитывая *наикрепчайшие подтверждения* к исполнению петровских указов) – не даёт ли нам право принять с большой вероятностью и *месяц* его рождения?

любую, даже мельчайшую дичь, вроде зайца, куропатки или какого-нибудь болотного кулика.) Для расправы же с инакомыслием был воссоздан, упразднённый после смерти Петра I, Преображенский приказ – и назван: *Тайная розыскных дел канцелярия*, – где теперь инквизиторствовал генерал-аншеф и дальний родственник Андрей Иванович Ушаков. Об Андрее Ивановиче историк пишет: «Управляя Тайной канцелярией, он производил жесточайшие истязания, но в обществах отличался очаровательным обхождением и владел особенным даром выведывать образ мыслей собеседников». Начиная карьеру рядовым гвардейцем при Петре I, но исправной службой и преданностью достиг многого: вот уж он офицер, адъютант Царя, главный *фискал*, а вот уж и начальник следственной канцелярии и ведёт следствие по делу Царевича Алексея... Известен отзыв Петра Великого: «Если б я имел много подобных офицеров, то мог бы назвать себя совершенно счастливым». В 1735-м, в год прибытия в полк Иоанна Ушакова, в казематах *Тайной* томились монахи Саровской пустыни, в их числе и сам отец основатель и первоначальник иеросхимонах Иоанн, взятые за хранение и переписывание неких сочинений, в коих власти – и синодские, и правительственные – усмотрели *сумнительство*. Позже, после восшествия на Престол Елисаветы Петровны, один из архиереев так отзовется об этом диком десятилетии: «Догматы христианские в басни и не во что поставили, святых угодников Божиих не почитали, предания Апостольские и святых Отец отвергали, архиереев, священников, монахов мучили, казнили, расстригали... И тем так устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповедники слова Божия молчали и уст не смели о благочестии отверсти».

Лейб-Гвардии Преображенский полк, в котором прошла юность Иоанна, был создан Царём Петром (равно как и полк Семёновский) в развитие своих *потешных* отроческих забав и в подражание отборным воинским частям Европы. Это мыслилось как элитное надёжное войско, которому Царь мог безбоязненно доверить свой драгоценный «Leib», своё тело. Основателю и первому *преображенскому полковнику* гвардия служила верно, и уже под Полтавой, в день *великой виктории*, он обращался к ним «сыны Отечества, чада Мои возлюбленные!»; но впоследствии, при тех или иных продолжателях, гвардия сия имела резоны то и дело свержать того, кому ещё недавно присягала, и возносить на Престол и целовать Крест тому, в ком видела для себя *шефа* более привлекательного. Преображенский полк (мы будем говорить только о нём) всегда имел первенство и пред Семёновским, и, тем более, пред всеми остальными гвардейскими полками, расплодившимися в последующие два столетия, ибо каждый из Царствующих особ имел желание, подражая Петру Великому, заводить себе ещё хотя бы один *Лейб*-полк; так, Анна Иоанновна завела Измайловский... Преображенцы состояли из 16 мушкетёрских рот, а также гренадёрской и бомбардирской. В гренадёры набирали самых рослых и, так сказать, отличных молодцов, но старшей в Преображенском полку была рота бомбардиров. Это изначально любимая рота Царя Петра, в которой сам он был капитаном; здесь при нём основательно поставлено было обучение: преподавали арифметику, геометрию, тригонометрию; это была школа сухопутной и морской артиллерии; но не только: изучая *огнестрельные хитрости* (например, изготовление фейерверков), учились и кораблестроению, и фортификации (*инженерству*). Да, бомбардиры (рота из ста

человек) были отборнейшие люди из двухтысячного состава отборного Преображенского полка. И вот в эту роту, через три года после прибытия в полк, переведён был Иоанн Ушаков.

Между тем, 17 октября 1740 года умерла Императрица Анна Иоанновна, завещав Российский престол своему внучатому племяннику – младенцу Иоанну VI Антоновичу, ещё лежавшему в колыбели, а регентство – любимцу Бирону; но не прошло и месяца, как несколько десятков преображенцев, предводимые полковым командиром фельдмаршалом Минихом, ненавистного Бирона арестовывают. Известие о низвержении *злодея* мгновенно облетело столицу, произведя всеобщий восторг. По воспоминаниям очевидцев, «набережная Невы и другие улицы, прилегавшие ко Дворцу, буквально запружены были придворными экипажами, войсками, проходившими на свои места со знамёнами и барабанным боем, и народом, стекавшимся со всех концов Петербурга. Всюду слышались крики радости, поздравления, целования... Выкатили толпе несколько бочек вина, которые были встречены громкими *ура!* и *ро́спиты* в одну минуту. Во многих местах запылали огни: солдаты и горожане, смешавшись между собою, пёстрыми группами расположились около костров, яркое зарево которых, освещая эту оживлённую картину, было видимо далеко в окрестностях...»

Но теперь к власти в качестве регентши пришла мать Императора-младенца – Анна Леопольдовна, принцесса Мекленбургская, муж которой, принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, до сего дня оставался протестантом, не пожелав хотя бы формально принять Православие. И что же изменилось? Ничего. Опять *немцы!*.. Гвардия недовольна. Гвардия хочет видеть на Российском престоле Цесаревну Елисавету: хотя и незаконную, но – *родную* дочь Петра Великого. Зреет заговор. В ночь на 25 ноября 1741 года преображенские гренадёры совершают переворот. А 10 декабря гвардейские полки присягают Императрице Елисавете Петровне; на пятом плацу, в составе бомбардирской роты – капрал Иоанн Ушаков.

Что и говорить: повидали преображенцы, нёсшие внутриворцовые караулы, немало веселостей при Анне Иоанновне. Но в Царствование Елисаветы Петровны веселья не убавилось, в чём-то так и поболее стало. Правда, надо отдать должное набожной Императрице: она умела совмещать, казалось бы, несовместимое. Вот, например. «Из канцелярии Правительствующего Сената. Ея Императорское Величество изволила указать: в высокаторжественный день тезоименитства Ея Императорского Величества, то есть сего сентября 5 дня [память пророка Захарии и праведной Елисаветы, родителей Иоанна Предтечи], всем знатным обоего пола съезжаться в новый летний Ея Императорского Величества дом поутру в десятом часу, кавалерам в богатом платье, а дамам в робах, и слушать Божественную Литургию, и после того первым пяти классам обоего пола остаться кушать обеденное кушанье; а пополудни в шесть часов того же 5 числа съезжаться паки в оный же Ея Императорского Величества новый летний дом на бал; а на другой день, то есть 6 числа сего сентября, будет французская комедия, и для того собираться в оперный большой дом пополудни в пять часов; на третий день, то есть 7 числа, имеет быть при Дворе публичный машкарад, на который всем знатным обоего пола и знатного шляхетства съезжаться в оный же новый летний Ея Императорского Величества дом пополудни в шестом часу...» И т. д. и т. п. Насчёт *обеденных кушаний* –

позволим ещё цитату, из сообщения полковой канцелярии от 31 декабря 1742 года: «Завтрашнего числа нарядить в дом Ея Императорского Величества Лейб-Гвардии Преображенского полку для ношения кушанья: обер-офицера – одного, сержанта – одного, капрала – одного, солдат – сорок восемь, – которым велеть собраться пополудни в восьмом часу во Дворце...»

Нетрудно вообразить нам капрала Иоанна Ушакова, подающего кушанья к столам праздной развлекающейся знати; но – тогда уж лучше взглянем на него в более ответственный час: готовым, например, с полной выкладкой к походу на театр военных действий в составе сводного Преображенского батальона.

Итак, вот портрет (которого больше не увидим).

Цветá Преображенского полка *зелёный и красный* – поле брани и кровь, на нём пролитая. Обмундирование из добротного сукна. Тёмно-зелёный кафтан, а воротник, обшлага, оторочка петель и подбой у кафтана – красные. Камзол, штаны до колен – красные же. Шерстяные вязаные чулки и прочные башмаки с пряжками. Поверх чулок в походе надевали кожаные штиблеты (а в конном строю *немецкие* ботфорты с негнушимися голенищами и широкими раструбами; к задникам крепились металлические шпоры). Поверх всего – зелёная, как и кафтан, епанча: круглый плащ без рукавов, с широким отложным воротником. – Вооружение: шпага на поясной портупее; фузея с ударно-кремнёвым замком; длинный кинжал с цилиндрической деревянной рукоятью, наставлявшийся на дуло фузеи как штык; патронная сума на перевязи; кожаный ранец на ремне через плечо... А голову прикрывает треугольная шляпа с полями, обшитыми галуном; волосы напудрены, сзади заплетёны в длинную косу, обвязанную чёрной кожаной лентой (а если бы не росли у Иоанна усы, то обязан был иметь их наклеенными). Вот и лошадь осёдлана, держит под уздцы верный денщик; переходы совершали гвардейцы в конном строю, но сражались – в пешем. Впрочем, в эти последние послепетровские годы преображенцев всё больше придерживали в столице, лишь немногим из них довелось побывать в походах, *нюхнуть настоящего дела*: в 37-м при осаде и взятии Очакова, в 39-м при Ставучанах (Русско-турецкая война), в 42-м победа над шведами при финском городке Фридрихсгам... Оставшиеся в столице считали этих немногих счастливыми, им завидовали.

Но капралу от бомбардир Иоанну Ушакову было уготовано поле *иной* брани.

Знаем, о чём тосковала его душа. В драгоценном для нас архивном списке Жития Преподобного (которое мы бережно будем цитировать на протяжении всей книги и *списателем* коего был, вероятно, один из ближайших его учеников) так сказано об этом: «И положи юноша Иоанн во уме своём, еже бы вся ему оставити: сан и отечество, и дружество, и вся міра сего красная; и утаяся всех, устранился и в молчании пожити евангельски в тесноте, яко в міре для спасения многие имеются претыкания и соблазны. Но хотя бы где ни был, например, человек: в пустыне ли, в лесах или в горах, – везде окружён міром; да и сам он хотя малая, однако некоторая есть міра часть. Также и поелику мір заключает в себе прекрасные мудрого Создателя дела, на которые если мы взираем и о них рассуждаем со вниманием, то руководствуют они нас ко Творцу и возбуждают в нас благочестивое к верховному Правителю почитание, – так как же бы

можно удалиться от такового міра, да и должно ли? Но мы под именем міра не должны заключать сия Божеских рук создания, а разумеем всё то, что худое в мір грехом введено, а именно: излишние мірские суеты, безчестные других примеры, вредные с худыми людьми обхождения, всякие соблазны и препятствия к добродетельному и благочестивому житию. И потому, удалиться от міра – значит, от всего того удалиться, и избрать себе место и состояние, в котором безпрепятственно можно было в святых упражняться Богомыслиях, духом и устами восхвалять своего Господа, в сладкой тишине сидеть при каком-либо рукоделии, и отгнав от себя праздность, благословенными своими трудами пользоваться не токмо себя, но вспомоществовать и недостаткам других, – каковое начало и монашескому житию бысть, Духу Святому приятное...»

Предание сохранило для нас ту превысившую меру терпения картину *внезапной смерти*, когда веселился Иоанн и сослуживцы с ним, «в гусли и свирели забавляющаяся, и паде внезапно из товарищей тех един на землю – и быв мертв; и видевши вси из веселия внезапное таковое сетование открывшееся – и ужасошася». Мы не вправе игнорировать этот случай полковой юности, хотя и понимаем, что никакими изысканиями и фактами подтвердить или опровергнуть его будет невозможно. «И весьма тем случаем тронут был в душе своей Иоанн, яко неоспоримым доказательством: веками неоплаканною страшною гибелью человеческой...» Впрочем, вот лишь краткий отрывок из описания той обстановки, в которой принуждён был находиться капрал Иоанн Ушаков накануне своего чрезвычайного поступка, изменившего всю его жизнь. «Новое правительство [после восшествия на Престол Елисаветы Петровны], обязанное усердию и привязанностью к Императрице гвардейских солдат, первоначально дало им страшную волю... которая дошла до того, что во время пребывания Императорского двора в Москве для коронации [летом 1742 года], в Петербурге солдаты, дотоле приученные к палке и “кошкам” [плеть об нескольких концах, применявшаяся для наказаний], а теперь за свои заслуги освобождённые от этих неприятностей, совершенно вышли из повиновения, особенно гренадёрская рота Преображенского полка. Они толпами врывались в дома именитейших сановников с угрозами, требовали у них денег, без церемоний брали в богатых домах всё, что им нравилось. Пьянство, разврат, драки, грабительства гвардейских солдат день ото дня принимали всё большие размеры... Жители Петербурга были в большом страхе, многие оставили свои дома, все ворота были заперты...»

Отчуждённость от міра прихотей и необузданных страстей превысила, наконец, ответственность перед присягой, долгом, страхом *земного* наказания. Послужить Отечеству, а если потребуется, то и голову сложить на поле брани – честью было для дворянина. Но продолжать быть невольником в греховном этом разгуле?.. И покорно ждать, когда внезапно настигнет пагуба – *смерть духовная*? Нет! он знал в себе призыв из иного міра, он внутренне жил им.

«Тех мест, яже тебе подают случай ко грехам, яко бича убегай. И не жене Лотовой, но самому Лоту подражати потщися. Душа бо возвратившаяся туда, откуда изыде, яко соль обуяет, и аки столп сланый, неподвижимъ пребудет.

Приступающие к иноческому подвигу от всех да отрекутся, вся да презрят, всем да посмеются и вся да отринут... Отчуждаясь міра по любви Божией, в самом начале

стяжает в себе огонь немедленно, который вверженный во хвра́стие соделовает пожар сильнейший.

Спеши уклониться от міра, поелику час смерти, яко тать, нечаянно на нас находит. Как только почувствуешь в себе ко благочестию пламя, то беги скоро. Ибо не знаеши, когда огонь погаснет и во тьме тебя оставит...»⁸

Иоанн покинул полк в августе-сентябре 1743-го: из документов полковой канцелярии видно, что в августе капрал от бомбардир Ушаков ещё в списках, а далее – открывшаяся среди капралов вакансия уже замещена достойным кандидатом, которого звали *Пётр Баскаков*.

Заранее припасена одежда «убогая чёрная»; но никто, конечно, о намерении не знал, даже верный слуга. Из позднейшего документа, связанного с поимкой, выясняется, что капрал Ушаков был законным порядком с паспортом отпущен из Санкт-Петербурга в Новгород, *ради неких ево нужд*, – но оттуда в полк не вернулся. Что были за нужды? не знаем; надо было торопиться, наступала осень, а там – зима... До Новгорода они не доехали: «чрез несколько поприщ от царствующего града рече Иоанн слуге своему вспять возвратится со всеми лошадьми и потребностями, а сам пойде един – к северным странам, к пустынному пребыванию неуклонно спешаше...»

Б е г с т в о!.. Он знал, чем грозили ему законы міра сего. Согласно воинского устава, за таковой проступок и в случае поимки Иоанна Ушакова, как дворянина, ожидало хотя и не *вырезание ноздрей*, как это предписывалось совершать над простолюдином, но солдатчина в отдалённые сибирские гарнизоны ему была обеспечена. Конечно, времена были иные, Государыня Елисавета Петровна старалась следовать непритворному благочестию, но – устав оставался тот же, и писан он был непрекословной рукой Петра Великого.

Бегали часто в те времена, бегали в том числе и из гвардии (документы свидетельствуют). Бегали по многим причинам: воинская служба при Петре I была пожизненной, лишь увечье или серьёзная болезнь пресекали её; Анна Иоанновна установила срок – двадцать пять, то же осталось и при Елисавете Петровне, а чтобы кому сократить к безбедному увольнению – исхитрялись выдумывать немыслимые болезни... Бывало, что убежлые – нагулявшись – возвращались; бывало, что загоняли себя в тупик, были пойманы... Но чтобы из Лейб-Гвардии бомбардирской роты Преображенского полка в пустыню к подвигам монашеским? Нет, такого бегства никогда не было.

Почувствовал в себе ко благочестию пламя – беги скоро. Ибо не знаешь, когда огонь погаснет и оставит тебя во тьме...

Ещё и совпало, что в сентябре распубликован при Сенате Высочайший указ и читался в течение двух месяцев по всем церквам в воскресные и праздничные дни, а по прошествии полугода «ещё два месяца, дабы о том всем было известно и впредь неведением никто отговариваться не мог»; а в указе оповещалось для *беглых* драгун, солдат, матросов, рекрутов и других служилого чина людей, кои обязаны были к командам своим добровольно явиться, за что и помилование им будет, но, однако ж,

⁸ Преподобный Иоанн Лествичник.

«является из бегов малое лишь число, опасаясь за то по воинским регулам наказания... и того ради Мы, якоже и о всех Наших верноподданных имея матернее попечение, милосердуя об них и желая от такового злодейства их отвратить, Всемилоостивейше указали: срок ко объявлению из бегов ещё продолжить на год, и ежели кто во объявленный срок добровольно явится, а держатели таких объявят сами, тем всем вины их без всякого наказания отпускаются; но буде же кто из оных в тот срок добровольно не явится, а держатели и укрыватели сами о том не объявят, и кто *впредь побежит* – с теми поступать без всякия пощады...»

Иоанн бежал на окраину Империи, в северные двинские леса. Житие повествует, что Иоанн, «по поморским лесам хождаше», нашёл в некоем месте опустелую келию и жил в ней один – «в великом злострадании и гладе». Терпел немало уязвлений от тамошних обывателей, которым предписывалось от властей не давать мёста к сожитию уединённым пустынникам; и когда, крайне редко, приходил он к кому-либо, ради милостыни к малому пропитанию, то получал, бывало, не только ругательства, но и побои. А однажды – «влечаху его к городу, сущу там Архангельскому, и едва крайними мог изыматися от них молениями...»

Такими теснейшими обстоятельствами принуждённый и опасаясь кроме того самочинно усугубить данную от Бога меру испытания, Иоанн спешно переселяется к югу, к Площанской и Белобережской пустыням, наслышанный, должно быть, о суровых пустынножителях тамошних брянских и рославльских лесов.

В то время в Богородицкой Площанской пустыни настоятелем был иеромонах Иоасаф – старец высокой духовной жизни. Иоанн, как повествует предание, пришёл к нему и просил принять во обитель. Называл же себя сыном церковнослужителя. А поскольку не имел при себе «вида на проживание» (паспорта), то настоятель отказывал ему. Но, *по великому его умолению*, принял и приказал нести послушание псаломщическое. Едва только услышал настоятель, как читает в церкви Иоанн, тотчас понял, что пришелец-то, пожалуй, не из церковников, а либо господский человек, либо сын дворянский (иеромонах Иоасаф и сам из дворян был). Опасаясь, чтобы из-за него, как беспаспортного да к тому же, очевидно, и непростого звания, не было обители каких неприятностей в силу государственных указов, посылает его настоятель на пребывание в одну из отдалённых келий в дремучие брянские леса, которые отец Иоасаф, сам любитель пустынножительства, прекрасно знал, ибо многие годы был в лесах этих на уединении.

«И решился Иоанн к житию в той келии, по благословению отца сего...»

Вот здесь-то, в сентябре 1745 года, и был взят Иоанн сыскной командой. И здесь же обнаружилось то, о чём никогда, ни намёком не упоминали ни сам Преподобный, ни его биографы.

Сыскная команда, посланная по Высочайшему повелению для разорения по лесам тайных жилищ и забрания скрывающихся в них отшельников, *яко не по разуму закона спасение строящих*, вышла на келию, в которой жили двое монахов, и на часовню при ней. Часовня была построена самочинно, что являлось нарушением и требовало от команды задержания и разбирательства. Но дальше выявилось ещё большее, серьёзнейшее

преступление и злодейство. Один из отшельников – монах Геннадий – был постриженником Белобережской пустыни, и монашество его подтвердилось. А второй, назвавшийся монахом Иоасафом, не только не имел при себе «вида на жительство», но и монашество своё ничем не подтвердил, даже имя старца, постригшего его, не назвал. А значит, по силе указа 1735 года апреля 8 дня, монашества, как незаконного, он должен быть лишён и должна быть над ним произведена расправа. И когда уже в Брянском Духовном правлении учинили ему допрос, сознался, что он «был в Лейб-Гвардии в Преображенском полку в бомбардирской роте капрал, звался Иван Игнатьев сын Ушаков, и в прошлом 1743 году от того полку для ево нужд отпущен был в Новгород и, оттуда не возвратясь, пожелал быть в монашестве, бродил по разным местам, наложив на себя монашеское платье, и имя себе нарек Иоасаф...»

Нам необходимо принять один из двух вариантов происшедшего. Либо Иоанн Ушаков не имел монашеского пострига, а сам себя назвал монахом, оделся в монашеские одежды, о чём и признался на допросе. Но был ли способен Иоанн на подобное двоедушие, мог ли решиться на участие в кошунственном таком *машкарade*? Не верится. Либо он действительно пострижен был в монашество; но тогда, думается, не мог он быть пострижен никем иным, как только настоятелем Площанской пустыни Иоасафом, увидевшим в молодом подвижнике великие дарования и даже, по особому духовному расположению, давшим ему своё имя. Подтверждение этому, хотя и косвенное, но убедительное, находим в жизнеописании самого иеромонаха Иоасафа. Ещё до настоятельства жил он в брянских лесах, любя уединение и безмолвие; затем в 1741–1746 годах управлял Площанской пустынью, много потрудился в обустройстве её, не оставляя при том и духовных подвигов. Он был примером для братии в воздержании, трудах и молитве, искусным наставником в духовной жизни. «Слава о его Богу угодной жизни, распространившаяся далеко по окрестностям, и частые посещения приходящих к нему за советами, стали тяжки для его души, смиренной и любившей уединение; а потому, окончив построение церкви в честь Казанской иконы Божией Матери, трапезы и других начатых им зданий и избрав себе в преемники отца Пафнутия, Иоасаф отказался от начальства и удалился в любимые им брянские леса. Но и там не мог укрыться от приходивших к нему и искавших его душеполезных советов. Многие желали сделаться учениками благочестивого подвижника и остаться с ним жить. Он *проницательно усматривал способных к пустынножительству* и, постригая их, отсылал в монастырь или оставлял при себе. Но это возбудило негодование духовенства ближних сёл; подали на отца Иоасафа жалобу в консисторию, обвиняя его в противозаконных делах и, между прочим, в том, что *постригает всех без дозволения*, не имея на то права. Ему было строжайше запрещено совершать постриги; но и после этого предписания он постриг ещё несколько человек и тем подал повод к новым жалобам. Из консистории вышел указ, чтобы взять его, как нарушителя закона...»

Понятно, почему монах Иоасаф Ушаков не пожелал назвать имя постригавшего его старца: он знал, что для старца это повлечёт наказание – и незамедлительное.

Впрочем, теперь, после допроса и признания, дело приняло совершенно особый оборот. Уже сыскной команде было, думается, не до «незаконного» монашества взятого

ею пустынножителя. Много важнее оказалось другое: беглый капрал-преображенец два года был в безуспешном розыске, а теперь – пойман.

Тотчас отправлен он под крепким караулом из Брянска в губернский город Москву, а там, в Московской канцелярии Лейб-Гвардии Преображенского полка, заведя на него дело должным порядком, переправили беглеца в Санкт-Петербург для доклада Императрице Елисавете Петровне, которая по традиции, учреждённой великим её отцом, сама же и являлась полковником славных преображенцев.

«И когда приведён был во Дворец и покуда о нём чинился Ея Императорскому Величеству доклад, поставлен был Иоанн под Царским крыльцом. И немалая в Петербурге, особенно же в гвардейских полках разнеслась молва: *капрал Ушаков сыскан!* И многие нарочно приходили ко Дворцу – посмотреть на него».

Изумителен диалог Императрицы Елисаветы Петровны с пойманным беглецом. Какое смирение и вместе с тем сила духа, предложившие на милость державную Царицу! Всё-таки пред нею был дворянин, изменивший присяге!.. Какое решение примет она? Каким будет наказание? Ждали этого, между прочим, и в гвардейских полках...

Вот его ввели к ней: гвардейца, преображенца, бомбардирской роты капрала, а ныне – «лицем от великого воздержания бледна, во власянице, ремением подпоясана, с крайним благоговением взошедша...»

– Зачем ты ушёл из Моего полка?

– Для удобства спасения души моей, Ваше Императорское Величество.

– Не вменяю тебе побег в проступок, жалую прежним тебя чином. Вступай в прежнее звание.

Отвечал Иоанн:

– В начатой жизни для Бога и души моей, Ваше Императорское Величество, до конца пребыть желаю, а прежней жизни и чина – не желаю...

– Для чего же ты тайно ушёл из полка? Когда к такому делу вознамерился – и от Нас мог бы быть отпущен.

– Если бы тогда просил я об этом Ваше Величество, то не поверили бы Вы мне, что смогу понести сие иго. Ныне же, по убогом моём искусе, утруждаю Ваше Величество единственной просьбой: благоволите мне пребыть в монашестве до смерти.

Удивилась Императрица столь твёрдой решимости.

– Куда же ты желаешь?

Отвечал Иоанн:

– В Саровскую пустынь, Ваше Императорское Величество.

Задумалась Императрица. Да, этот гвардеец был личность необычайная. Решимость его, столь оригинально в нём проявившаяся, нравилась ей. Она же и сама способна была к *поступкам* – и ещё так недавно. И не Преображенские ли гвардейцы поддержали её в ту ночь переворота, когда, явившись к ним в казармы, она воскликнула: «Знаете ли, чья я дочь?» Вот один из таких гвардейцев стоял пред нею. Как не простить? Но в Саров? Нет, Саров – далеко... да и были же монахи саровские, *ещё при тётушке*, истязаны в Тайной, хотя и напрасно. И что там теперь в Сарове? Нет, эдакого молодца надобно держать при Дворе.

– Пусть так. Быть по сему. Позволяем тебе вступить в сие звание. Но... останешься здесь, в Александро-Невском монастыре.

Пройдёт сорок четыре года, и на исходе земного пути преподобный Феодор скажет духовным чадам о начале своего подвижничества:

«Когда я отлучился от міра, то уже мне не скучно было, а паче радостно, потому что я рассмотрел всю жизнь и состояние человеческое и положил всё своё богатство, всю славу и честь на Небеси. Так и всякий, ежели желает быть со Христом неразлучен, то всё ему будет нескучно, а всё паче радостно ищущему Бога и трудящемуся Его ради, и прежде радости радость, и смерть радостна, а грешнику при смерти прежде печали печаль, потому что боится за грехи свои, а уже помочь себе не может, поздно; в жизни же своей одним окаянством увеселяются. Удивляюсь роду человеческому, истинно удивляюсь: как живут в міре, не имеют веры, ни памяти Божией. И не помнят о вечности...»

Вот эта *радость о Господе*... он знал её опытно, знал, пребывая среди разгула и безумств полковой жизни, она, эта радость, и помогла ему выстоять, подвигла и укрепила в решении и в поступке, и вывела – яко Ангел праведного Лота из беззаконий Содома. Радость духовная – она сопутствовала ему и во вся дни его многоскорбной жизни.

Александро-Невский монастырь был знаменитое детище Императора Петра Великого и, как и все из *серьёзных* его начинаний, призван был приносить пользу Отечеству.

Взгляды Самодержца на современное ему русское монашество были своеобразны. Он считал, например, что «нынешнее житие монахов точию вид есть и понос, понеже бóльшая часть из них тунеядцы суть. Почти все из крестьян и бегут от податей. Дома был троеданный, то есть: домашним своим, помещику и государству, а в монахах – на всём готовом. Сие от лености, дабы даром хлеб есть. Прилежат ли они хотя бы разумению Божественного Писания и учения? Всячески нет. А что говорят: они-де молятся... Так и *все* молятся. Что же за прибыль обществу от сего? Корень злу праздность. Богоугодный и не зазорный был бы способ жития их, когда служили бы нищим, престарелым и младенцам. Ибо на многих местех Святое Писание не токмо сие похваляет, но и узаконяет».

Александро-Невский монастырь и должен был, по мысли Петра Великого, дать вполне достойный образец и направление всем монастырям Российским.

И прежде всего это была лаборатория просвещённого, учёного монашества. Братия изначально набиралась из Малороссии, как более склонная к обучению (и много более лояльная к проводимым реформам, в отличие от великороссов). При монастыре была богатая библиотека, учреждены типография, школа, госпиталь, богадельня. Преподавался не только курс наук духовных, но и некоторые светские дисциплины. От Императора даны были способной братии значительные привилегии: повелено, чтобы «кроме Невского монастыря монахов во архиереи и в знатные архимандриты не производить».

Но и порядок при этом устанавливался строжайший. В монастырском уставе, *сочинённом* по указанию Петра Великого и называвшемся «Александро-Невские изображения монашеского жития», регламентировалось в подробностях всё внешнее поведение братии: в келиях и в собраниях церковном и трапезном; также прилагалась и

инструкция наместнику, *како суд вершить*. А начинался устав предисловием, в коем сказано было, что «о духовном житии монашеском многая святых Отец учения и уставы обретаются; того ради всяк, пекийся о своём спасении, *тамо* да прочитает...» Затем шли пункты о келейном благообразном житии. Жили в келиях весьма утеснённо, по несколько человек и устанавливали между собою подённую череду и имели роспись этой череды, чтоб *помешательства не было*. И каждый *чередной* обязывался к управлению живущими в келии братьями: следил за порядком, напоминал о нём нерадивым, осведомлялся о каждом, кто где находится и чем занят, и неукоснительно докладывал по начальству о малейшем нарушении, ибо и сам, ежели чего не усмотрит, *жестоко да истяжется*. Нам важен шестой пункт этой первой части устава: «О приходящих в келии братские мирских людях» (из дальнейшего повествования будет ясно, почему именно этому пункту уделено нами особенное внимание). Здесь говорится, что чередной должен предостерегать, чтобы в братскую келию мирские люди *безвременно и нахально* не приходили, которые не ради пользы духовной, но ради непотребного любопытства, празднословия и оглагольства *охочи по келиям монашеским волочиться*. А ежели какой благоговейный человек и честный пожелает прийти в братскую келию, принять такового обще, без потчивания яствами и пития, разве что с собою принесёт. И если о полезном чём будет спрашивать, *ответствовать благоговейно и честно*; а ежели не о полезном, хотя и честный будет человек, неведением отрицаться и ответа не давать. Чередной же должен предостерегать, чтобы не было среди братии при посторонних сквернословия, ссор, буесловия, кощунств и какого-либо безчинства. Этому и всегда среди братии не надлежит быть, но в особенности при мирских людях. Также же должен чередной предостерегать, чтобы никто из братии с мирскими людьми, какого бы то ни было чина, наедине не разговаривал, кроме тех, что имеют от настоятеля позволение исповеди, которая должна отправляться в церкви, а без собственного позволения настоятеля и на исповедь никому никого не принимать. Женским же персонам по келиям братским вход, кто бы ни был, *кроме Царских персон*, весьма запрещается.

Правила келейного поведения заключались пунктом осьмым: «Ежели который брат вознерадит о вышеписанных всех и хотя что малое презрит или противное сотворит, таковой, яко ненавидящий благообразного монашеского жития, а в своеволии жить хотящий, и за малейшее преступление жестоко будет наказан, яко преступник своего обещания и соблазнитель прочих».

Много замечательного имелось и в пунктах следующих частей устава; например, во второй – «О собрании церковном и соборной молитве» – сказано было, что много имеется поучений и наставлений великих святых мужей о соборной молитве, дабы с благоговением и безмолвием отправляема была; но нерадивые и невнимающие оным установлениям небрегут сия. Ибо аще и собираются на молитву, но вместо неё – *безчинные беседы и шёпоты творят и глумятся*. По начатии церковного Богослужения никто не смеет разговаривать или шептаться, кроме тихого вопроса уставщику, конарху⁹ и

⁹ *Конáрх* – читающий в церкви каноны и стихиры (Словарь В. Даля).

прочим, которые отправляют службу. Каждый служащий и не служащий от начала и до отпуста должен стоять на своём месте.

Здесь же следовала и подробнейшая *лествица* наказаний, в которой за всякую провинность, будь то опоздание к началу Богослужения или трапезы, или оставление Богослужения до отпуста, или разговоры буесловные и вообще неблагоговейное поведение, раздражительное обращение с другими, сквернословие и срамословие, – полагалось наказание: от трёх и более великих поклонов в собрании братском до, например, лишения пищи до вечера, а то и на несколько дней, в которые провинившийся ел лишь хлеб с водою. Наместнику же кто досадит или противное что возглаголет – оставляли на хлебе и воде три седмицы. А ежели кто не покорялся *малым сим запрещениям*, того облагали узами до рассмотрения соборного, и истязан бывал он *наказанием на теле*. Следил за всем чрез своих помощников и суд вершил – наместник, от которого шёл доклад настоятелю: архиепископу Санкт-Петербургскому. Впрочем, и сам наместник и помощники его должны были быть настороже. А не то и для них следовал уставный пункт: «Аще наместник или уставщик вознерадят о вышеписанном изображении и запрещениях и не будут братию исправлять по оным, – истязуются от настоятеля соборне, яко развратники и разорители монашеского чина и правила».

Да, суров был Пётр, Самодержец Всероссийский... Вчитываясь в пункты сего *монастырского* устава, явственно ощущаем веяние устава *воинского*, тоже писанного по указаниям Царя-реформатора.

Итак, на исходе 1745 года (думается, со дня сентябрьской поимки в брянских лесах и до благосклонного соизволения Императрицы не должно пройти слишком много времени) Иоанн Ушаков определён был на послушание в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь.

Тогдашние законы не предполагали пострижение в монашество ранее 30-летнего возраста; но вот подоспел и 1748-й. В июне прошению Иоанна дан был ход. Императрица Елисавета Петровна при посещении монастыря повелела настоятелю архиепископу Феодосию (Янковскому) совершить постриг. О чём в канцелярской книге появилась следующая запись:

«Всепресветлейшая державнейшая Великая Государыня Императрица Елисавета Петровна Самодержица Всероссийская, в Высочайшее бытие сего числа в Свято-Троицком Александро-Невском монастыре, всемилостивейше соизволила указать: пребывающего в предреченном Александро-Невском монастыре в послушании дворянина Ивана Ушакова, по всеподданнейшему его прошению, постричь в монашество во оном же монастыре, и во исполнение оного Всевысочайшего Ея Императорского Величества указу, оный Ушаков в наступающий первый пост в монашество имеет быть пострижен; о чём ему Ушакову объявлено; и для того сие во Александро-Невской канцелярии записать в книгу и хранить с прочими указы. Июня 30 дня 1748 года.

Феодосий, архиепископ Санкт-Петербургский».

В этот день, 30 июня, Православная Церковь празднует Собор славных и всехвальных 12-ти апостолов, среди них Иоанна Богослова. Кажется неслучайным, что именно в этот день явила свою милость Императрица к Иоанну Ушакову. «Наступающий первый пост»

был Успенским – и 13 августа постриг был совершён, о чём архиепископ Феодосий препроводил в Святейший Синод соответствующий *репорт*:

«По присланному Ея Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода ко мне указу велено по всемилостивейшему Ея Императорского Величества указу пребывающего в Свято-Троицком Александро-Невском монастыре в послушании дворянина Ивана Ушакова по всеподданнейшему его прошению постричь в монашество во оном монастыре, который в том монастыре сего августа 13 дня мною в монашество пострижен, и наречено имя ему Феодор, о чём сим благопочтенно репортую».

Здесь сделаем немаловажное уточнение. С самых ранних житийных списков кочует устойчивая и красивая легенда, что постриг Иоанна Ушакова был совершён в *присутствии* Императрицы Елисаветы Петровны, что, конечно, было бы знаком особенной милости к беглому, а затем прощённому капралу-преображенцу. Но как видим из сего *репорта*, о присутствии Императрицы ничего не сказано. Второе, что видим: ничего не сказано и о тезоименитстве. Но всегда и все биографы Преподобного утверждали, что он наречён был в честь святого благоверного князя Феодора, Ярославского чудотворца (память 19 сентября), и мы не вправе подвергать это сомнению.

Не забудем и того, что постриг этот всё-таки был *вторым*, отнюдь не перечеркнувшим первый (хотя тогдашние законы Империи таковыми и остаются); и думаем: не вменил ли Господь монаху *Иоасафу* это второе пострижение с именем Феодор *яко великосхимническое*?

Конечно, после хотя и краткого, но дорогого сердцу уединения в брянском лесу очень непросто было ему вновь очутиться в многотрудной столице, в придворном, образцовом монастыре, среди своеобразной *учёной* братии, при обширном в те годы монастырском строительстве, да ещё непрерывных торжественных встречах Царских особ, парадных пышных Богослужениях, на которые приезжало для моления немалое число знатных персон и проходило всякого чина людей великое множество. Можно сказать, это было для монаха Феодора своего рода наказанием: за бегство из полка, за нарушение воинской присяги; это была ему некая как бы епитимия – *церковное покаяние* за неслышанный дерзостный поступок.

Мы не знаем, какие послушания нёс он в эти первые годы; житийные списки говорят лишь, что «пребывал он в той обители по усердию своему наиболее неисходен, внимая спасению, любя безмолвие, упражнясь в посте и в молитве». Также читаем, что в начале подвижничества в Александро-Невском монастыре, «егда восхоте Бог искусити раба Своего и явити терпение его многим», попустил ему лютую брань плотскую. Монах Феодор усугубил молитву, лишь от Бога избавления страсти ожидая, пощение же своё *углубляше даже до изнеможения*. И Господь, видя его в усердном подвиге, помиловал и облегчил ему ту брань.

Государыня Елисавета Петровна, конечно, не забывала своего бывшего гвардейца. Более того, при посещении обители всегда спрашивала: «Нет ли тебе от кого какой обиды?» Её наследник, впоследствии на краткое время Император Пётр III Феодорович, будучи вообще равнодушен к христианскому благочестию и занимаясь более военными *потехами* по примеру молодости своего Царственного деда, выражался так: «В Невском

монастыре только один монах – Ушаков», прибавляя при этом, что нравится ему в нём непритворное благоговение и постный, в отличие от прочих, и отменный вид. Сия реплика Его Высочества, конечно же, прелюбопытна; но для нас не менее ценно, что *в тени* этого отзыва находится его супруга – Великая Княгиня Екатерина Алексеевна – будущая Императрица Екатерина II, которая и через тридцать лет, во дни скорбные для Преподобного, скажет о нём: «Я его знаю...»

Царственным особам монах Феодор был отлично известен; но более назидались, видя дивное житие и не по летам умудрённость, разных чинов и званий жители Петербургские, особенно те, кто помнил его по Лейб-Гвардии бомбардирской роте, – и воистину чуждое было видение: как *преображает* Бог человека, у которого «всё богатство, вся слава и честь – на Небеси».

И вот начали приходить к нему люди, мужи с жёнами и детьми, умоляя дать им наставление: как, живя в мире, угодить Богу? Отец Феодор отказывался учить, отсылал к жившим в той обители учёным монахам, которых было довольно и которые для того, чтоб учить, призваны были... Но прихожане Петербургские искали не учёности, а опытности духовной. Вспомнилось ему тогда прежде читанное: «Требующим от тебя помощи – чем можешь, помоги, а не отвращайся». Начал он сокрушать себя пред Богом: усердной молитвой просил, чтобы Господь, аще есть Его Божественная воля, не оставил Своею милостию, *просветил бо ему ум разумети Писания* – ради бедных, требующих решения нужд духовных и недоуменных житейских. Так пришла ему мысль внимательно вчитаться в беседы святого Иоанна Златоуста – и он из них очень многое понял. А народ, шедший к монаху Феодору, всё более умножался.

И возникла зависть в учёной братии. Обидно им стало, что люди, минуя их, идут к простому монаху. Хотя хождение людей *благоговейных и честных* не нарушало порядка монастырского (вспомним, что именно об этом говорилось в отмеченном нами шестом пункте устава!), но то, что народ *ими* пренебрёг, – вот что невыносимо было завистникам. Притом могло же быть и такое (небезызвестна многим стала история капрала Ушакова): «Беглый, монахом самоназвавшийся, не наказанный, но наипаче прощённый, на епитимию, впрочем, к нам определённый... и – народ привлекает! старчеству!.. Сие есть *непристойность* и к беспокойствию следует обительскому».

Пошли доносы и жалобы к Преосвященному Сильвестру (Кулябке), который после архиепископа Феодосия (†1750) был настоятелем монастыря. Владыка, довольно доносов слышавши и сам таковой соблазн видевши, приказал наместнику своему запрещать в монастырь вход тем, кто скажет, что к монаху идёт Феодору. Что и было тут же исполнено – чрез приставление у врат обительских *воинского строгого пикета*. Им казалось, что этим дело и кончится.

Дальше повествуется в Житии:

«Преподобный Феодор, сидя в безмолвии в келии своей, слыша и видя деющееся несправедное повеление, раздражася духом, тепл бо нравом бе, якоже и о велицем сказуется Златоусте, поиде к наместнику той обители в келию и, при обычной скромности, по подобающему рече ему:

– Прошу Ваше Преподобие изъяснить мне: для чего так вход запрещён в монастырь желающим ходить ко мне и кто сделал такое запрещение?

Наместник же в ответ:

– Не годится тебе в дело учительства входить и, чрез хождение к тебе толпами, народ соблазнять; что уже видя и Преосвященный – такую непристойность запретить приказал.

Блаженный же рече:

– Если из учения моего что-либо Его Преосвященству открывается быть незаконное, то пусть обличить в том изволил бы, а без причины так скорбь наводить желающим моё убожество видеть – есть дело не архипастырское. Судит ему за сие Господь Бог.

О таком ответе не безызвестно учинися и Преосвященному, чрез то и наипаче начал на Преподобного гневаться...»

Но *пикет* вынуждены были снять, и народ к монаху Феодору – допустить. Боялись, что пожалуется он при случае Государыне Елисавете Петровне. Впрочем, настолько *враг* вошёл в несчастных завистников, что не могли уже не творить свои пакости. «И злобствовать весьма не преставали, и различные пред келию Преподобного деюще въявь соблазны, так что он во всяк день, а особливо ночь, и не без опасности был». Но терпел, не унывал верный раб Христов, во всём полагаясь на волю Божию, без коей *и влас главы нашей не погибнет*². Довольствовал наставлениями к нему приходящих, обременённых душевными недугами; врачевал и утешал, зная, что иному человеку, в недоумениях страждущему, нужнее рассуждением помочь, нежели подаянием вещественным. Вот премудрый Сирах говорит: *Не удерживай слова, когда оно может помочь*³. И святой Иоанн Златоуст: «Если можешь – помоги советом, и сие бóльшая польза и вящее приобретение нуждающемуся, ибо не глад его животный утоляется, но душа спасается от лютыя смерти». И наконец, у апостола Павла: *Аще кто о ближнем нерадит, горший тот неверного, и веры таковой отверглся есть*⁴. Так блаженный Феодор не оставлял подвига своего, усердно помогая жаждущим.

Учил Преподобный оберегаться страстей и греховной сласти, *воюющих на душу*⁵, ибо тот, кто друг міру и страстям, тот враг Богу бывает и враг Креста Христова⁶; учил терпеть, за любовь Божию, все находящие скорби с благодарением и радостью; ибо, по слову Спасителя, в міре неизбежны скорби и печали, но всякая печаль наша *в радость будет: возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас*⁷. Так отводил он от отчаяния скорбящих, и печали, от диавола в душу наносимые, мечём здравого рассуждения отсекал, и в совершенный христианского любомудрия порядок приводил учеников своих внутреннее устройство. Потому и прониклись они истинной к нему любовью, и с радостью исполняли всё, что бы ни сказал он им, между собою жили в братской любви, не было друг перед другом ни зависти, ни раздора, ни лести, но удивительное согласие, единокровие, с кротостью и смирением. Наставлял Преподобный советами практическими: в употреблении пищи и питья соблюдать умеренность, а не роскошествовать; одежду носить не худую, нарочитую и как бы с вызовом, а добротную – но и без ненужного щегольства. Во всём быть не строптивым, наперекор ступающим, неуживчивым – но более внутреннее содержать. В праздничные дни для чтения святоотеческих книг и душеполезного собеседования сходиться к одному из более сведущих учеников; тем же, кто имел особенную нужду, приходить для решения

недоумений во обитель к отцу Феодору. Дано было и молитвенное правило, – и так во всём препровождали они жителство спасительное.

Но «ненавидяй добра враг диавол» не преставаля многими козньми досаждаля ученикам Преподобного: ругались на них развращённые люди хульными именованиями, называли святошами, а иногда безумно и *раскольщиками*. И к самому отцу Феодору злобствование не прекращалось – потому что собрал он духовное братство. Вовсе раздразились завистники, когда, поставленный в послушание к мощам святого князя Александра Невского, он доставлял из кружки в казну сумму много бо́льшую, нежели бывшие здесь до него. Желали бы они удалить чрез архиепископа Сильвестра подальше от Петербурга монаха Феодора, заслать в отдалённый какой монастырь, куда-нибудь *на Соловки*, избавиться от мешавшего им святого подвижника, – но не могли: определён он был к ним по Именному указу, и без Высочайшего соизволения ничего сделать было невозможно; а если б письменно подали по начальству всю против отца Феодора клевету, то при должном в таком случае разбирательстве и из самоличных его ответов выявилась бы с неизбежностью и вся неправда их, и клеветники осрамялись бы. В таковых *неудобствах* оставалось им только злобствовать. Преподобный же, хотя мог давно уж пожаловаться Императрице, которая при своих посещениях обители благосклонное оказывала ему внимание, однако терпел всё доблественно в молчании, *ничтоже глаголаше*. Думается, впрочем, что многие из врагов его трепетали.

Так прожив в Александро-Невском монастыре почти одиннадцать лет, преподобный Феодор судил наконец дать место гневу и поступку, по слову Христову: *Егда гонят вы во граде сем, бегайте в другой*⁸. Он высказал монастырскому начальству своё давнее желание переселиться в Саровскую пустынь. Услышав об этом его желании, враждующие возликовали – и велели ему подать, как полагается, письменное прошение; а получив оное, вскоре сами же исходатайствовали и увольнение. В декабре 1756 года последовал из Святейшего Синода указ, в котором сказано было:

«По указу Ея Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушал Синодального члена Преосвященного Сильвестра, архиепископа Санкт-Петербургского и архимандрита Троицкого Александро-Невского монастыря письменное предложение, в котором объявлено, что Ея Императорского Величества духовник протоиерей Феодор Дубянский письменно Его Преосвященству предложил: сегодня, декабря 17 дня, Ея Императорское Величество изволила ему протоиерею указать Высочайшее Своё повеление: *имеющегося в Александро-Невском монастыре монаха Феодора Ушакова, по прошению его, на пребывание в монастырь, называемый Саровская пустыня, в немедленности из Невского монастыря отпустить...* А понеже означенная Саровская пустыня состоит в Суздальской епархии, того ради, во исполнение оного Высочайшего Ея Императорского Величества повеления, Святейший Правительствующий Синод ПРИКАЗАЛИ: реченного находящегося в Александро-Невском монастыре монаха Феодора Ушакова в показанную Саровскую пустыню на пребывание отправить немедленно... и Саровской пустыни строителю иеромонаху Исаакию учинить о том по сему Ея Императорского Величества указу... И означенный монах Ушаков с данным из Святейшего Синода пашпортом во оную пустыню отпущен. Декабря 24 дня 1756 года».

И опять спросим себя: почему именно в Саров? С 1745-го, со дня поимки, когда ответил Императрице: *в Саров*. И вот теперь снова, через одиннадцать лет. Почему?.. Мы не будем строить догадки, они здесь неуместны. Во-первых, видим в этом Промысл Божий. Не для Сарова. А для приписанной к нему и совершенно запустелой, исчезавшей с лица земли *Санаксарской пустыни*. А во-вторых... выскажем и своё предположение, основанное на сопоставлении фактов. Вспомним, что в год прибытия в Преображенский полк семнадцатилетнего Иоанна Ушакова – в Тайной розыскных дел канцелярии томились *на истязании* монахи, в их числе и саровские: основатель и первоначальник пустыни иеросхимонах Иоанн, иеромонах Ефрем и иеродиакон Феофилакт. Отцы Иоанн и Феофилакт были умучены до смерти в 37 и 38 годах, а Ефрем – лишённый священства и расстриженный *Евдоким Коротков*, – был бит нещадно кнутом и сослан в Оренбург, в Орскую крепость. Он пребывал там до 1754-го, когда был отпущен *расстригою* в Санкт-Петербург для разбирательства в *Тайной* и в Синоде, и после годового этого разбирательства монашество и священство ему были возвращены, и сам он в 1755 году возвращён в родной для него Саров, где через три года избран будет братией в настоятели. – Что-то произошло в душе Иоанна Ушакова ещё тогда, в первые годы полковой юности, что-то, возможно, случилось и въяве, если так запали в душу и память саровские монахи-мученики...

Оставляем читателя задуматься над этими неслучайными сопоставлениями.

Преподобный Феодор покинул Санкт-Петербург. Но не один. С ним ушли его духовные чада – те, кто мог по обстоятельствам жизни и времени получить от своих начальств законные отпуска. Кто они были? Из предания известно лишь, что это «ученики и ученицы, холостыя бо мужи и вдовыя, и девицы и вдовствующия, а кои в законном браке от них состоящая, те разводныя себе у Святейшего Синода исходатайствоваху; и тако вси в след отца своего поидоша». Сколько их было? Опять же сказано и только про учениц: «число их тогда было ещё небольшое». Думается, однако, что всех вообще до тридцати человек могло быть. И, во-первых, среди них были отставные из военнослужащих гвардейских полков – Преображенского и Измайловского, числом тринадцать, составившие затем основу Санаксарского братства, – документы о вскоре разрешённых постригах косвенно, но достаточно убедительно об этом свидетельствуют. Впрочем, всё это Преподобному и его чадам ещё предстоит; а пока, отправившись с запада на восток и достигши Арзамаса, он определил учениц при Свято-Николаевском девичьем монастыре, а сам с учениками прибыл 3 февраля в Саровскую пустынь. Оставшаяся в Арзамасе крохотная община, руководимая Старцем и год от году прирастая, станет впоследствии знаменитой, – но об этом речь впереди.

В Саровской пустыни в это время заканчивался период не самый благополучный. После насильственного изъятия при *бироновищине* основателя и первоначальника иеросхимонаха Иоанна, обитель долгие годы не могла выправиться. Менялись настоятели, производились необходимые пристройки и вроде бы укреплялась хозяйственная жизнь, но братии с каждым годом становилось меньше, то и дело возникали смуты, утрачивалось главное: дух и традиции отца основателя. Да и то сказать: одно дело, когда святой старец-наставник уходит в мир иной в окружении взрощенной им братии, преподав прощальное

благословение, оставив достойного преемника, – и могила старца в обители, и он незримо, но явственно живёт среди нас. Другое: налетает из Санкт-Петербурга карательная команда, потрясая Ея Императорского Величества *указом*, хватает старца и ближайших учеников, заковывает в цепи – и увозит прочь, чтобы сгнать им в страшных казематах *Тайной*... Произошёл надлом, который излечиваться начал вот только с возвращением отца Ефрема.

Но принимал преподобного Феодора в феврале 1757-го настоятель иеромонах Исаакий. И ещё вопрос: с каким расположением (внутренним) отнеслись настоятель и братия к прибывшему по Высочайшему повелению из столичного придворного монастыря? да и какие-то сведения о том, кто таков монах Ушаков, тоже очевидно не безызвестны им были. Впрочем, могла же быть и предварительная соотнесённость между отцом Феодором и Саровом – вот через того же отца Ефрема, в течение года возвращавшего в столице всё прежде у него отобранное. Учтём и то: братии в Саровской пустыни тогда было – монашествующих и до послушников указных – тридцать пять человек, так что от пришедших с отцом Феодором *мирян, давно при нём по-монашески живущих*, был, конечно, саровчанам немалый прирост.

В 1753-м, тоже при настоятельстве отца Исаакия, приписана была к Саровской пустыни в подначалие совершенно оскудевшая братией и *опустевшая* пустынька Санаксарская, от Сарова в сорока верстах, а от уездного города Темникова – в трёх. Основана в 1659 году в Царствование Алексея Михайловича, обустроена старцем игуменом Феодосием на оконечности соснового бора у излучины реки Мокши и Санаксарской заводи, среди заливных пойменных лугов. (Место и донныне раздольное, прекрасное; в иные минуты как бы затаившееся в могучем древнем покое; что же говорить – *тогда*.) Сам Саров вышел в некотором смысле из Санаксара: иеросхимонах Иоанн, будучи в монашестве постриженником Арзамасским, подвизался в Санаксаре, по ходатайству санаксарцев и священство получил, служил здесь, но ушёл на уединение и безмолвие в дремучие саровские леса, где затем основал монастырь... Теперь вот Саров укреплялся, а Санаксар исчезал. Но поскольку деревянная церквушка ещё была и какие-то постройки для жилья ещё оставались, то и обязывалась саровская братия поддерживать литургическую жизнь, для чего вменялось им посылать в Санаксар иеромонаха, монаха да двух трудников из благонадёжных. Так и делалось. И скорее всего, что однажды в чреду помогавших в служении отправлен был в Санаксарскую пустынь монах Феодор.

Сказано у одного из жизнеописателей Преподобного: «пустыннлюбивый дух отца Феодора, пленившись красотой местоположения и совершенным уединением, весьма удобным к монашескому житию, сразу привязался всею силою любви к пустыни Санаксарской: он возымел твёрдое намерение восстановить Санаксар». Красиво... Но были, думается, причины и более прозаические. У преподобного Феодора сложилось братство. *Свои* ученики окружали его. *Своя* по духу монашеская община, пошедшая за ним, доверившаяся ему. И *свои* принципы духовного руководства, своё понимание того, как *дóлжно* в монашестве жить. А тут ещё: год только он в Сарове, – а уже читаем: «число учеников довольно умножилось». Дух древнего старчества преизбыточествовал в 40-летнем монахе Феодоре, привлекая к нему всех, желавших сугубого подвига. Но – действительно: «прежний горький опыт научил его благоразумной осторожности». Надо

было им всем вместе отделяться. Но отделяться *законным* порядком. И вот – Санаксар. Счастливая возможность!.. Как дивно устраивал всё Господь.

Но вот опять о настоятеле иеромонахе Исаакии. Не знаем, каково было его отношение к монаху Феодору, но вот факт: только в конце 1758-го, когда епископом Пахоимом (Симанским) отозван был отец Исаакий в Тамбов (Тамбовская епархия была только что восстановлена, и Саровская пустынь вместе с Санаксаром причислены были к ней), а саровская братия единогласно избрали настоятелем иеромонаха Ефрема, тогда только и дело о переходе отца Феодора в Санаксар устроилось. Получив благословение и согласие от *настоятеля иеромонаха Ефрема и братии*, – преподобный Феодор в 1759 году немедля переселился в Санаксарскую пустынь со всеми учениками своими.

Здесь обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство. Отец Ефрем, встав у кормила Саровской пустыни, начал с главного: с утверждения незыблемости монастырского устава. Устав этот, собственноручно составленный святым старцем-основателем иеросхимонахом Иоанном, весь вообще замечателен, но одно правило в нём мы теперь особенно выделяем, как имеющее прямое отношение к ближайшим событиям в жизни и трудах преподобного Феодора. В уставе Саровского первоначальника было заповедано: никакое дело монастырское не творится без *общебратственного согласия*. Настоятель утверждает решение, когда каждый из братии с решением этим согласен. И уже затем никто и никакого самочиния не может себе позволить. Даже и самому настоятелю братия обязаны были указывать, если тот позволял себе хоть малое какое уклонение. Так основывалось всебратственное единство. – Это понимал и епископ Пахомий, который, по совершении обряда поставления иеромонаха Ефрема в строителя, сказал ему с амвона: «Храните устав, как зеницу ока. Обитель ваша до тех пор будет благоустроена, благополучна, пока храним будет устав». Возвратясь из Тамбова, отец Ефрем при собрании всей братии в трапезе передал это наставление Владыки, а от себя заявил, что «не потерпит, чтобы устав основателя Саровской пустыни, не словом только, но примером и всем житием утвердившего заведённые им порядки, основанные на учении Священного Писания и святых Отцов, мог быть разорям от незаботливых, несведущих, непокоривых людей. Кто не желает подчиняться требованиям общежительного Саровского устава, пусть лучше изберёт себе другой монастырь».

«...И преселися бо сей блаженнейший и просвещеннейший отец Феодор в ту Санаксарскую пустыню со всеми учениками своими, измлада бо уже пустынному житию обучен, и нача вси добре подвизатися...»

А Санаксар, как уже упоминалось, пребывал тогда в состоянии печальном. Обе церкви обветшали: на холодной Владимирской и крест вверху на главе наклонился от ветхости на сторону, и «сквозь пустые оконницы птицам вход имеется свободный», так что давно уж готовилась церковь эта под снос; вторая тёплая Предтеченская, в которой служили командированные саровчане, требовала ремонта, ибо «переклады под полом подгнили, оттого во алтаре и во всей церкви пол покривился и престол колебнулся». Четыре отдельно стоявшие братские келии пообвалились, «а прочее: как хлебная, скотная, так и

амбары с сараями – весьма в ветхости обстоят». И забор деревянный вкруг пустыньки «тако ж обстоит весьма в ветхости, а ин-де и обвалился...»

Отец Феодор, как прибывший от Сарова строитель, возобновил кровли тёсом, келии с чуланами при них и ограду построил заново. Много помогали ему своими средствами благотворители, знавшие его и почитавшие за добродетельную жизнь ещё в Александро-Невском монастыре. Поскольку некогда принадлежащие пустыни угодья: лесные дачи, сенные покосы и рыбные ловли, и крепостные акты и планы на них – находились все теперь в разных посторонних руках и владении, то Старец приложил старание, хотя и с немалыми трудами, возвратить их все и снова укрепить за обителью.

Но главным, конечно же, было духовное окормление собравшейся вкруг него общины, – и вот читаем: «братии к нему час от часу более умножалось».

Всё это так и было; но было и ещё кое-что.

В первых числах 1762 года иеромонах Ефрем вдруг пишет епископу Пахомию *всепокорнейшее доношение*. В нём отец строитель жалуется Владыке на монаха Феодора Ушакова, а содержание сей жалобы следующее:

«Монах-де Феодор прислан был при указе Ея Императорского Величества и Святейшего Правительствующего Синода к нам в Саровскую пустыню, и находится в братстве. А по желанию своему, послан был от обители нашей в послушание для пристройки приписной к нам Санакарской пустыни. И просил нас, чтобы в той пустыне пребывать ему, некоего ради уединения и безмолвия. В котором будучи, сначала как пропитание, так и одежду и прочие потребности получал от нашей обители. А потом требовать ничего не стал. И желательно нам было, чтобы он паки к нам в Саровскую пустыню возвратился. Но только он, видя нашу подлость¹⁰ и смирение, и поныне к нам во обитель не идёт. И по самопроизволу своему живёт в той Санакарской пустыне. И видно, что он, бытностию своею в той пустыне, составил некое особое собрание: из бельцов, которых он принимает, не требуя никакого от нас совета и позволения. А по каким причинам принимает и с законными ли видами, о том нам никаких известий не представляет. А понеже оная Санакарская пустыня по указам получена в полное ведомство нашей Саровской пустыне и о всяких подлежащих потребностях от нас именованные репорты требуются, сего ради надлежит нам обо всём в той пустыне пребывательстве и состоянии быть известным и подлежащие надобности чинить с общего братского согласия. Но только, как выше сего показано, оный монах чинит всё собою, и неведомо, чего ради нам не представляет. А по имеющемуся в нашей обители, по чину общежительных святых Отец монастырей, от первоначальника положенному уставу, чтоб не только монаху, но и самому настоятелю без общего братского совета никаких дел бы собою чинить не надлежало. К тому же оный монах Феодор по Ея Императорского Величества Высочайшему повелению из Святейшего Правительствующего Синода

¹⁰ То есть незнатность, простоту. Здесь некий как бы упрёк монаху Феодору в его дворянском происхождении. Или что-то другое? Но ведь отец Ефрем и сам не из простолюдинов – а из купеческого сословия был... Впрочем, вот вспоминает архимандрит Феофан Новоезерский: «Отец Ефрем был простой-препростой, словесного дара не имел, чтобы дать какое наставление, учил только своею жизнью, а отец Феодор учёный был и очень умен».

прислан точно в Саровскую пустыню на пребывание, а живёт по самопроизволу своему в Санаксарской пустыне, и имеет отлучки в другие епархии самовольно, в чём мы имеем немалое опасение: чтоб, как в самопроизвольном его в той пустыне пребывательстве и отлучках, так и в приёме вышепоказанных людей, не воспоследовало каких от нас спросов и ответов. Чего ради принуждены мы о вышеписанном во известие представить безотменно Вашему Преосвященству, о чём сим доношением всепокорнейше и предлагаем. Генваря 4 дня 1762 года».

С трудом верится, чтобы *благосердый* старец Ефрем написал такое. И, однако: документ перед глазами.

Прежде всего обратим внимание на дату. Доношение пишется *буквально* через девять дней после кончины Императрицы Елисаветы Петровны. Хотелось бы настоятельно иеромонаху Ефрему и раньше пожаловаться Владыке, но – знал он *биографию* того, о ком намеревался доносить.

Итак, что это? Согласимся для начала, что дело прежде всего – в уставе. Действия монаха Феодора всё более приобретали самостоятельность, и это встревожило охранителя Саровского устава. Но случай-то здесь – особый. Санаксар – приписной, запустелый – восстанавливался. Самостоятельность (или пусть даже *самопроизводство*) монаха Феодора укрепляла и возвращала почти из небытия древнюю обитель. Не безразличную саровчанам. Во многом родственную им. Порадоваться бы всем вместе. И уступить отцу Феодору, может быть, в чём-то действительно излишне самостоятельному. Или что – пусть исчезает Санаксар? Рядом с Саровом ничего не надо?.. Что же до устава, то ведь и в нём сказано святым старцем Иоанном: *совершеннии законоположения не требуют*.

Нет, здесь что-то другое; не верится, чтобы отец Ефрем, сам великий страдалец и радетель о монашестве, так не разобрался между уставной буквой и существом происходящего дела. И неужели нельзя было обойтись без *всепокорнейшего доношения*?

Нет, дело вовсе не в уставе; устав – прикрытие. А вот: *особливое собрание* наиболее тревожит настоятеля иеромонаха Ефрема. Собралась в Санаксаре и день от дня растёт община из бельцов, то есть мирян, указами в братию монастырскую не проведённых; и вот монах Феодор у них – старец, а *совета и позволения* у настоятеля Саровского не спрашивает и отчёта никакого не предоставляет. И что за люди вокруг него, и нет ли чего противозаконного? Имеет к тому же отец Ефрем *немалое опасение*, как бы ему, настоятелю, а значит, и саровской братии, не было от сего каких-либо *спросов и ответов*... Времена – другие, прошлое позади; но как же сильна память о *бионовщине*!

И ещё одна мысль, последняя. И по-человечески понятная. Может, тяжело ему стало видеть, как рядом укрепляется духовное братство? Может быть, из саровчан иные – *туда* присматривались?.. Неужели *зависть* проникла в сердце Ефрема? Попускает Бог искушения и у великих.

Надо сказать, что время, данное епископу Пахомию для разбирательства, оказалось не самым благоприятным. Наследник почившей Императрицы, а ныне Император Пётр III Феодорович напомнил первыми же днями своего правления уродливое царствование Анны Иоанновны. Будучи по характеру и воспитанию вполне иностранцем, которому чужда Россия, он не только не скрывал, но, как пишет историк, «задорно щеголял своим

пренебрежением к православным обрядам, публично дразня русское религиозное чувство». Историки, как правило, негативно оценивают краткое это правление. Но всё подряд чернить было бы, кажется, не верным: так, например, дан ряд указов Святейшему Синоду, которые должны были улучшить положение монастырских крестьян и оставили в крестьянской среде добрую память об Императоре Петре III (на чём впоследствии и сыграл Пугачёв). Не всё же было потеряно в его душе, и мы помним, как, будучи наследником, он выделял в Александро-Невском монастыре *монаха Ушакова* за его непротивство, благоговение, *постный, в отличие от прочих, и отменный вид*.

Епископ Пахомий об этом, конечно же, не знал. Но, получив *всепокорнейшее доношение* и внимательно с ним ознакомившись, действовать начал решительно. Нам недоступна вся полнота делопроизводства. Но сохранились отмеченные в документах вехи – и они весьма красноречивы. Владыка, скорее всего, сразу же вызвал к себе монаха Феодора, и в результате – уже в конце января, а затем в течение февральских чисел явились несколько архиерейских указов о постриге в монашество девяти человек из Санаксарской общины. (Это был как раз очень краткий период, когда незадолго до кончины Императрица Елисавета Петровна разрешила свободное, неподконтрольное правительству пострижение, которое Пётр III вот-вот снова запретит.) И должен был строитель Саровской пустыни иеромонах Ефрем постричь в монашество в разных числах марта и апреля тех, кто вхож был в *особливое собрание*, ещё недавно отца Ефрема тревожившее. И первым – 9 марта – был пострижен с именем *Иоасаф* отставной каптенармус Лейб-Гвардии Измайловского полка, мирское имя которого осталось для нас неизвестным. Иоасаф! Памятное имя. Было бы, напротив, странным, если бы оно не возникло среди учеников Преподобного – и в первом же постриге!

События государственные между тем развивались стремительно. Совокупность взглядов, поведения и распоряжений Императора вызывали всё больший ропот и недовольство. Зрел заговор. Ему сочувствовало множество сановных лиц, обиженных Высочайшим пренебрежением. Центром заговора стали офицеры гвардии, а среди них – братья Орловы, особенно Григорий и Алексей, кумиры тогдашней гвардейской молодёжи. Сумасбродный же Император Пётр III ничего не принимал всерьёз. В Синод шли приказания: «чтоб из всех образов, находящихся в церквах, оставлены были изображения Христа и Богородицы, а прочих бы не было; также чтоб всем попам предписано было бороды обрить и вместо длинных ряс носить платье, как лютеранские пасторы». А дальше были планы: «дать волю всем вероисповеданиям, и чтоб в православие не совращать; посты церковные вовсе прекратить, чтоб не были они обязательны, но – кто пожелает; о грехе прелюбодейном не иметь никому осуждения, ибо и Христос не осуждал...» Справедливо пишет историк: «Перед возмущённым чувством оскорблённого национального достоинства восстал ненавистный призрак второй бироновщины».

К счастью для России, при Императоре Петре III не оказалось своего *бирона*. К несчастью для самого Императора – рядом с ним была Императрица, давно уже готовая действовать. Она, в отличие от ребячливого супруга, имела ум, волю, решимость; гвардия была за неё; ропот общественный возростал; все ждали переворота. И 28 июня он произошёл.

Не обвыкнувшись как следует с предыдущей присягой, братия Саровской и Санакарской пустынь уже подписывали новую – на верность Ея Императорскому Величеству Екатерине II Алексеевне, Самодержице Всероссийской.

На таком историческом фоне год 1762-й для монаха Феодора завершился событием промыслительным. Скажем о нём строками относящихся к событию документов, в том числе и собственноручно написанных Преподобным.

Первое декабря, отец Феодор в епархиальном городе Тамбове. С ним ученик его – монах Пармен, тоже из преображенцев, отставной подпрапорщик, в апреле 19 дня постриженный строителем Саровским отцом Ефремом. Монах Пармен отправляется срочно в Саров, везёт некую от архиерея бумагу и сопровождающую записку от своего Старца – отца Феодора. Вот эта записка: «Пречестнейший отец строитель Ефрем, желаю вам всякого благополучия. Прошу вас покорно. Послано до вас доношение для подписания, а о чём – во оном сами обстоятельно усмотрите. Понеже для нас, убогих, большая нужда требует вашего подписания. В том прошу не умедля пожаловать подписать и обратно посланного монаха отпустить. В прочем прошу вашего благословения. Монах Феодор. Всенижайше кланяюсь. Декабря 1 дня 1762 года».

А посланная с монахом Парменом отцу Ефрему бумага *для подписания* – было не что иное, как составленное в Духовной консистории копиистом Фёдором Архиповым от имени *Саровской пустыни строителя иеромонаха Ефрема с братией* всепокорнейшее прошение Преосвященному Пахомию, епископу Тамбовскому. В прошении говорилось, что «в приписной Санакарской пустыне братии своей до недавнего не имелось, и для священнослужения находится один лишь иеромонах, который по престарелости и за болезнью служения отправлять не может; а ныне постриженных во оной Санакарской пустыне налицо девять человек; а в Саровской пустыне имеется монах Феодор, в Санакарской же из новопостриженных – монах Пармен, которые жития благообстоятельного и безпорочного; и желательно нам (т. е. отцу Ефрему с братией), чтобы Вашего Преосвященства милостивым архипастырским соизволением быть в реченной Санакарской пустыне для вспоможения в священнослужении упомянутым монахам: Феодору – иеромонахом, а Пармену – иеродиаконем. Того ради всепокорнейше просим Вашего Преосвященства...» – дальше заканчивалось как и полагается в подобного рода бумагах. Строителю Саровской пустыни иеромонаху Ефрему оставалось к сему прошению *руку приложить*.

13 декабря 1762 года епископ Пахомий совершил Таинство хиротонии. Иеромонах Феодор возвратился в Санакар в должности настоятеля.

Предание убеждает нас, что Преподобный, на усиленные просьбы Владыки принять священство, по смирению и недостойнству своему *много отрицашеся*. Не знаем, может быть, и отрицашеся – кто же, действительно, дерзнёт сказать, что воистину достоин сего великого звания? Но видим, что, будучи простым монахом, невозможно ему было возродить Санакар. Понимал это епископ Пахомий, понимал это и отец Феодор. Могучее действие Промысла Божия совершалось над обителью.

Преподобный Феодор, глубоко проникнутый сознанием высоты и святости принятого им сана и ответственности настоятельства, возвратясь в свою пустынь, начал служить

Господу Богу со страхом и чистою совестью. Когда литургисал, то видно было на нём как бы дивное знамение: «лице его сияше бо некоею изряднейшею червленостию и во весь день яко сильным неким веселием орошашеся», так что исполнялось на нём слово Божие: *сердцу веселящуся, лице цветет*⁹. Ученики Старца, воочию видевшие его подвижническую жизнь, вспоминали о нём: «Наблюдая свой высокосвященный сан, правлением пустыни и всея в ней находящейся братии достойно соответствовал должности начальника: наставлял истинной вере и благочестию всех приходящих к нему, желающих препровождать жизнь Богоугодную; ибо как он чрез многая лета монашествовал добропорядочно и в благочестии, то отменными был украшен дарованиями; нарочитое имел в наставлениях искусство, в рассуждениях был остр и пространен, и прочие, касательно благоустройства жизни человеческой, имел превосходные качества; отнюдь не склонял желания своего к стяжанию славы и богатства мира сего, но паче любил уединение и поучение словес Божественных, жизнь свою посвящал трудам и попечению о спасении душ человеческих».

В церкви Преподобный требовал служения и чтения неспешного, внятного, чтобы молящимся, даже из простых людей, всё могло быть понятно. Службы церковные поэтому были долгие, в будни часов девять, в воскресные и полиелейные дни – десять и более, при всенощном же бдении до двенадцати. Сам отец Феодор благоговейным служением церковь Божию украшал; ревностные ученики, видя его к Богу любовь, сами неспешным вдумчивым чтением Божественных словес велию молящимся подавали пользу, чувствовали при этом особую силу и бодрость духовную, никто службами Божиими не тяготился, помнил слова Апостола, что должны мы назидать себя *во псалмах и пениих и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах своих Господеву*¹⁰. Старец так поучал братию: «Когда мы скорочтением воздух будем наполнять, а сила разумения нас далече отстоять будет, то может ли душа в чувство прийти? *Аще в воинстве труба безвестен даст глас, то кто на брань уготовится?*»¹¹ Не чтение бо Писания, но сила его, нами понимаемая, во спасение управляет нас. Святый пророк Давид говорит к Богу: *явление словес Твоих просвещает и вразумляет младенцы*¹², то есть новоначальных, как младенцев ещё в жизни духовной, не ведающих высших степеней молитвы».

Старец утвердил во обители самую прочную основу иночества: личное духовное руководство братии, а с их стороны – полное чистосердечное откровение помыслов. Если кто-либо из братии обуреваем был противными спасению помыслами – днём ли это случилось или ночью, – должен был немедленно идти к настоятелю: двери келии отца Феодора всегда были открыты для духовных чад. Старец отечески выслушивал каждого, врачую уязвлённую душу елеем милосердного благоразумия, успокаивал и говорил с каждым сколько требовалось – и отпускал от себя, лишь когда искушение вражие исчезало и умирялась душа. Братия сознавались, что по выходе от Старца чувствовали в совести своей такую свободу и мир, что как бы забывали всё земное! Так благодать Божия через мудрого наставника укрепляла их в спасительном подвиге. И потому воистину блаженными называли себя многие, не только из живущих при нём учеников, но и посторонние, бесед его и наставлений удостоившиеся.

А порядки общежития наблюдались строго. В трапезу обязаны были ходить все, кроме больных; по окончании же никто ничего не должен был брать из пищи в келию, кроме

воды да квасу. «Так и видно было в келиях что сосудца два: один с квасом, а другой с водою. И разве что для пользы духовной одна и много две книги...» А о замках и запорах в келиях, также в обители о вине и бане – стыдно было и говорить. Пища же предлагалась самая простая, без которой уже и обойтись нельзя; пирогов и прочего белого хлеба не пекли и к светлому дню Пасхи Христовой, разве когда от кого было присылаемо. Огня по келиям иметь не дозволялось, кроме занятых келейно ремёслами, – лишь затапливали огнём печь и, затопив, гасили. На общие послушания: рыбные ловли, сенные покосы – выходила вся братия; и церковники, и рукодельники, оставя ремёсла, все купно выходили, а с ними всегда и сам отец и попечительный пастырь их душ.

При этом «хитро тщеславного змия стираше главу отец Феодор» (вспоминал один из учеников): например, не постился он сверх уставных требований, но когда вся братия была на трапезе, тогда и он сидел и вкушал с ними; брал, впрочем, столь малое от представленных снедей, чтобы только «нужду тела исполнити и укрыти пред иными воздержание свое – да не познан будет яко не приемляй брашна, и да не явится человеком постяйся». Так же никогда не был у него *честнейшим* тот, который от него пострижен, перед тем, кто от иного монастыря постриженным приходил. Все у преподобного Феодора равны были, всех равно любил, ибо знал, что один и тот же есть иноческий образ, где бы кто ни был облечён в него, как и благодать крещения одна, где бы кто ни сподобился ея, – и лишь по мере добродетели каждого разнствуют инокам воздаяния. Епитимии же за прегрешения налагал – иным поклоны некоторые, иным же некий сверх обычного пост; каждому прегрешению подобающее следовало наказание: и если кто по нерадению оставит службу Божественную, или из утвари что сокрушит, или что-либо небрежно бросит, да и просто нерадиво что-либо сотворит, или брата в чём оскорбит, или излишние словеса от неудержания языка глаголет, или велегласно захохочет смеяся, или не кротко и не смиренно ходит, или в трапезе сидя беседует, не слушая чтения, или о пище ропщет, или «безстыдно и дерзостно сёмо и овамо очима мешет», или ещё что подобное творит, – всем таковым отец Феодор «вышереченныя епитимии по делом назнаменовал».

Кроме бесед с нуждающимися наедине, при откровении помыслов, Старец нередко говорил и общие всем поучения: или в трапезе, или в своей келии. Давал опытные наставления желающим особенного подвижничества или в чём-либо недоумевавшим и приходившим в уныние и расстройство душевное. Предметами для поучений избирал самые насущные для общежительных монахов истины: как должно жить в монастыре, как отсекаать свою волю, как проходить тесный и прискорбный путь иноческого жития, не озираясь вспять к міру.

Вот пришли к Старцу несколько братий, и он говорил им:

– Помните, други мои, зачем мы из міра изыдохом в монастырское сие житие; и помня, подвижайтесь тесным идти путём, а не вспять обращаться к леностям; но и не просто же тесным, а с рассуждением. Пишет бо Апостол: *подадите в вере вашей добродетель*, но прибавляет: *в добродетели же разум*¹³; и в другом месте: *делайте*, рече, *и храните*¹⁴; ибо «мнози бо многия соделаша добродетели, но не добре соделаша», говорит святой Феофилакт Болгарский. Так и Василий Великий (в положенном марта в седьмой день в Прологе церковном слове) говорит: «Приступающий бо из міру к

монастырскому житию человек, если не потщится со многим попечением и разумом обрести мужа предводителя, отца по всему и наставника, непрелестного, добре сведущего наставлять к Богу идущих, цветущего добродетелями, могущего разуметь Божественные Писания, не многозаботливого, не сребролюбивого, не стяжательного, безмолвного, боголюбивого, нищелюбца, безгневного, не памятозлобного, могущего назидать доверяющихся ему, не тщеславного, не гордого, не ласкательного, ничего не предпочитающего паче Бога... и если не препоручит ему всю свою волю, то все ни во что будут его добродетели» – и вменится-де таковой яко безчестный сосуд, поверженный; как невозможно быть кораблю без кормчего и обучающемуся каковому-либо художеству без мастера и учителя, так кольми паче невозможно приступающему к монастырскому житию спасти душу, что есть хитростям хитрость. Говорит святой Иоанн Лествичник, что при исшествии из Содомы – Лот Ангела имел в предводительстве, а израильтяне из Египта – Моисея; так и спастись желающему, а особливо в монастырское житие располагающимся, непременно должно сыскать отца, как велит и вышеобъявленное Василия Великого слово, и таковому предаться по всему, всю свою оплевать волю [ни во что вменить]. Иначе же никто не получит от Господа Бога в своё время того воздаяния, кое за жизнь монашескую воздаётся от милосердия Божия. Весь жития монашеского подвиг наиболее во отсечении своей воли состоит, а по Лествичнику – и рассуждение своё (даже если богат им) отложить должно; иначе же всяк монастырский – не монах есть, а мирской человек.

Вопросил тут один из братий:

– Но если кто не сыщет себе отца, коему бы поручить тело и душу свою, или же если другие, не понимая, что для спасения в послушании у отца быть без своей воли нужно, трудятся просто, руководствуясь Писанием, то какое о таковых имеется Вашего Преподобия благорассуждение?

Отвечал Старец:

– Послушайте, други мои, что говорит Сын Божий: *всяк ищай обрящет*¹⁵. Так и монастырской жизни и спасения желающему – должно искать; а Господь Бог в том не оставит, поможет сыскать. А на себя полагаться весьма опасно; сказано бо: духовная с духовными рассуждающе, *а не будете о себе мудры*¹⁶. В нужном же случае, если брат о Господе брату достойному себя поручает – добре творит; в ином же нужном случае человек тесному пути по Евангелию да прилежит: и аще для спасения таковым тесным путём пойдёт, то будет его к тому тайно Господь Бог наставлять. Если же начнёт дорожкой идти слабой, то и наставником ему будет бес...

Однажды, сидя с братией за трапезою в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы и, по обыкновению, по окончании трапезы беседуя, Старец говорил в присутствии гостей из дворян:

– Послушайте, други мои: Святая Церковь в песнях настоящего праздника подтверждает всем нам, земнородным, чтобы мы, человеки на земли, зря явно излившийся на нас источник крайнего милосердия Божия в воплощении Единородного Сына Его, Спасителя мира, с радостным о том и благодарным духом друг с другом сликовствовали,

паче же друг другу о том толковали: «Благовестуй, земле, радость велию!»¹¹ И наполнена уже вся земля благовествованием сим, а благоговейные христианские души – духовною радостью. Но скажіте: можно ли душе, развлекающейся увеселениями века сего, о радости духовной не токмо рассуждать, но и понимать её? Мне кажется, что как не может человек Богу работати и мамоне, так невозможно ему, занимаясь временными увеселениями, чувствовать духовное веселие о Боге.

По выходе из трапезы один из гостей, слушавших эту беседу, просил позволения у отца Феодора войти к нему в келию для разрешения давнего сомнения. Старец пригласил его. Дворянин предложил отцу Феодору вопрос:

– Если человеку, живущему в міре, не довольствоваться себя благами века сего, то к чему же и произведено Богом на земле столько любоприятных благ? Понять невозможно, как Бог, будучи Един, предписал нам две различные между собою заповеди. Одною – все на свете сотворённые блага даются человеку в снедь и во употребление, яко для того созданные и добрые зело; другою же требует Бог от человека поста и воздержания. Прошу, изъясните мне сие и выведите из недоумения.

Отец Феодор ответил:

– Не должны бы мы с вами и толковать о сих скрытых от нас тайнах, а единое бы только должны сказать, что Бог не праведен быть не может и что говорит, то истинно говорит, и нам бы более о том не любопытствовать, но безпрекословно повиноваться истине. Однако снисходительно немощам вашим в рассуждение вступаем. Таковые две заповеди даны ещё в раю: *и заповеда Господь Бог Адаму, глаголя: от всякаго древа, еже в раи, снедию снеси; от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесите от него, а в оньже аще день снесите от него, смертию умрете*¹⁷. Видно из сего, что пост сроден естеству человека. Скажу и ещё на сие простую мірскую пословицу: «Невольный бо пост, когда хлеба нет». Поистине правдива сия пословица! Невольный бы был пост, если б ничего Бог нам не сотворил. Но Бог такого невольного поста, конечно, не восхотел, а восхотел Он от нас поста совершенно вольного, от собственной нашей любви совершаемого. Потому должно думать, что обилие благ на земле не для наслаждения, а для совершенства поста. За послушание сему уставу обещал Бог в награду здравие телесное и спасение душевное; за преслушание же – смерть. Обаче же есть ещё и другое наше рассуждение: вся сотворил Бог и немощных ради, по плоти состоящих, и младенцев ещё несовершенных. Того ради и не заключил нас быть в нуждах невольных, а благоволил, чтоб избыток исполнял немощных требования.

Выслушав это, гость успокоился и благодарил отца Феодора за столь мудрое разрешение своего вопроса.

Как-то раз пришли с помыслами двое из братии, будучи недавно в обители и к Старцу верой не укреплённые.

Первый из них сказал:

– Позволь мне, отче святой, в нынешние долгие зимние ночи во обстоятельстве уныния иметь в келии моей огонь для освещения к чтению книг Божественных.

¹¹ Припев 9 песни канона Благовещения.

А другой сказал:

– Помысл мой хвалит мне уединённое пустынное житие, нежели с послушанием жизнь общежительную.

И, желая утвердить правоту свою, стал предлагать отцу Феодору не по разуму понятые слова из Писания, вызывая на спор его.

Старец же, уразумев единого яко душою младенствующего, а другого бесом поработщённого, отвечал первому:

– Чадо, не желал бы я видеть тебя требующим света вещественного, но быть бы тебе искателем света небесного, умного.

А второму:

– Сколько же прежде бывшие и даже святые Отцы, живя на уединении, от самомнения погрешили! А иные и в ереси впадоша, как Герасим, иже на Иордане, и подобные. Воистину Писание о таковых глаголет: *вси неимуции окормления падают якоже листвие*¹⁸; и паки: *горе единому; егда бо впадет во уныние, кто возставит его?*¹⁹ А полезнее, рассудили Отцы, быть человеку, в монастырскую жизнь вступившему, под отеческим послушанием, почему и страдальческою жизнью оное нарицается, за что и велию в своё время от Господа Бога милость получают, яко самопроизвольно рабами учинились в послушании, любви ради Божия. А если хочешь жить на уединении по благословию моему, то претерпи трёхлетний иску́с у меня в общежитии и всякое случающееся тебе от других досаждение и уничижение понеси с любовью. Пищей же тебе будет по вся дни хлеб и кислые щи, и притом в день единойжды; и на послушаниях быть общих тебе – и на всех первому. Аще перенесёшь безропотно, то благословлю тогда и на уединение. Книги же читать вам в моей обители по келиям не приказываю, яко не столь вы из них понимаете для души пользу, сколько толкуете на разврат спасению; а я отец – живая вам книга.

Брат, желая пустынного жития, не вытерпел правила, от отца ему для испытания данного, и остался в общежитии у преподобного Феодора в послушании.

Ничего отец Феодор не просил *для себя* (лишь однажды, пред Императрицею Елисаветой Петровной – *о монашестве до смерти...*), но когда дело касалось интересов обители – действовал решительно.

Теперь у него был очень сильный покровитель при Дворе: граф Алексей Григорьевич Орлов, который и раньше, по Санкт-Петербургу, знал Преподобного. Мы помним, что в начале 1762 года епископ Пахомий успел своею властью дозволить постричь в монашество девять человек из Санаксарской общины, в том числе двух учеников отца Феодора из гвардейцев. Теперь Преподобный начал ходатайствовать перед Императрицей Екатериной II о пострижении остальных своих учеников – прежде всего тех, кто шесть лет назад ушли с ним из Санкт-Петербурга. Изустное разрешение дано было 18 апреля, а затем и подтверждено Высочайшим указом. Кроме того, Государыня соизволила дать *пятьсот рублей* на поправление обители¹². В августе 1763 года, в разных числах

¹² Сумма крохотная для Императрицы, которая с немислимой щедростью осыпала своих многочисленных любимцев; или вот, для сравнения: в это же время выдано из Конторы экономии епископу Тверскому Гавриилу (Кременецкому) «на проезд до Санкт-Петербурга 1000 рублей».

Успенского поста, преподобный Феодор постриг в монашество одиннадцать своих учеников: то были отставные солдаты Лейб-Гвардии Преображенского и Измайловского полков. Вскоре Императрица разрешила ещё несколько постригов. Санаксарская пустынь день от дня укреплялась.

Надо было думать о расширении храма. Церковь в пустыни была хотя и отремонтированная отцом Феодором, но малая, деревянная, и Преподобный положил намерение построить новую каменную. Благословение от Преосвященного Пахомия было получено, но до начала строительства надо было ещё многое сделать, а пока подготовили место под основание и отпели при закладке молебн. И вот, при пении молебна, прилетел вдруг рой пчёл и сел там, где должно быть горнему месту в алтаре, – тем явно прообразуя множество братии и обилие благодати в обители. Преподобный Феодор велел монаху Герману огрести пчёл в улей.

Читаем у первых жизнеописателей: «Некогда епископ Пахомий призвал к себе отца Феодора и говорит ему:

– Как у тебя, отец Феодор, довольно монахов, а у меня в них нужда, то дай сколько мне будет потребно.

Отец Феодор на сие отвечивал:

– Ваше Преосвященство, мои монахи поручили мне свои души, поэтому сие отлучение будет для них не без прискорбия и вреда. А не угодно ли Вашему Преосвященству взять в Саровской пустыне, где монахов несравненно более нашего?

Епископ Пахомий говорит:

– В Саровской взять нельзя. Тамо монахи пострижены по старанию Преосвященного Димитрия Сеченова¹³.

На это отвечал Преподобный:

– В Саровской монахи пострижены по старанию Преосвященного Димитрия Сеченова, а у меня – по Высочайшему Ея Императорского Величества указу...

За таковые ответы епископ вельми гневашеся на Преподобного, однако мщения навести никак не смеяше...»

Впрочем, документы свидетельствуют, что одного монаха из своих учеников отец Феодор должен был Владыке отдать. Но зато насколько же поучителен, и точно *не без прискорбия*, оказался жизненный путь сего монаха!

С юных лет имея любовь к уединению и безмолвию, он в 1757 году пришёл в Саровскую пустынь, где и увидел старца Феодора и стал его учеником; с ним же переселился из Сарова в Санаксар. 10 марта 1762 года пострижен в монашество. А в 1763-м, в декабре, и забрал его епископ Пахомий. Рукоположил в иеродиакона и иеромонаха, назначил сперва ризничим, а затем и казначеем Архиерейского дома. Далее перемещён он

Впрочем, не надо думать, что эти *пятьсот* оказались лишними для обители; в расходной книге того периода видим, что «... см. документ». Смиранный нищий и малому рад!

¹³ Димитрий (Сеченов; †1767), митрополит Новгородский, первенствующий в Святейшем Синоде; архиерей, приближённый к Императрице Екатерине II, именно он совершил обряд её коронования. Историк Церкви архиепископ Филарет (Гумилевский) так определяет его: «По церковному правлению был строг... но, к сожалению, увлекался тщеславием и желал угождать более людям, чем Богу».

во Флорищеву пустынь Владимирской епархии и восемь лет был там строителем. И все эти годы – «горел непрестанною любовью к своей Санаксарской пустыне, где принял пострижение иноческое, с обетом жить до смерти в оной» (пишет о нём жизнеописатель). И вот, чрез пятнадцать лет после отлучения от Старца, он, со многим усилием испросив себе увольнение от должности строителя, возвратился в Санаксар; и был уже здесь: сначала казначеем, а затем избран братией в настоятели. Именно он в феврале 1791-го похоронит Преподобного отца, а через двенадцать лет и сам упокоится, и тоже в феврале: мирно отойдёт ко Господу душою, многотрудным же телом погребён будет при ногах старца Феодора.

Имя монаху – Вениамин.

В следующем 1764 году русские монастыри сотрясены были мероприятием, известным под названием *секуляризация церковных имений*. Это была давняя, особенно со времён Петра Великого, мысль государственной власти о жёстком контроле имущественных доходов Церкви; Императрица Екатерина II эту мысль решительно привела в действие.

Хотя Екатерина II Алексеевна и любила называть себя «православной Императрицей», но более любовалась своим *философским умом*, и внутренней родиной её было *вольтеризм*, а церковная её политика вполне характеризуется собственным её замечанием: «Уважать веру, но никак не давать ей влияния на государственные дела». Впрочем, всё это было лишь продолжением взглядов Императора Петра I.

Итак, прежде всего учредили *Коллегию экономии*, составив её из светских чиновников и подчинив Императрице. Все имения Церкви подверглись тщательной описи, для чего разосланы были во все концы надлежащие команды, возглавляемые офицерами; так, для описи Саровской и Санаксарской пустынь прибыл «подпоручик Копорского пехотного полка Алексей Житков» (опись эту, как чрезвычайно для нас важную, мы прочтём ниже). Затем, когда всё имущественное богатство Церкви было подсчитано, его попросту забрали в государственную казну, чтобы выдавать деньгами нуждающимся церковникам на содержание ровно столько, сколько считало нужным государство. Для этого все великорусские монастыри, например, коих на 1 января 1762 года насчитывалось 954, были рассортированы, 387 из них оставлены жить, остальные назначены к закрытию. Оставшиеся тоже поделены: 226 стали *штатными*, то есть получавшими денежное содержание, а 161 – *заштатными*, которые должны были существовать на добровольные приношения народа. Это был погром. Открыто выступившего с протестом митрополита Ростовского и Ярославского Арсения (мы уже упоминали о нём) Императрица восприняла как личного врага, лишила епископского сана, простым монахом сослала на север в отдалённый монастырь, а когда ей донесли, что Арсений взглядов на её церковную политику не переменял, считает себя незаконно осуждённым, в народе почитается как мученик за правду и, кроме того, в разговорах позволяет себе делать намёки на некоторые обстоятельства её восшествия на Престол, на внезапную смерть Петра III, – Императрица, лишив его и монашества, под именем *Андрей Враль* заточила в Ревельскую крепость, где он скончался мученически, оставив на стене каземата выцарапанную гвоздём надпись: *благо, яко смирил мя еси, Господи*. Историк русского монашества пишет: «Екатерина

называла Арсения *плутом и лицемером*, что, конечно, ни в коей мере не соответствовало характеру узника, ибо лицемерила она сама, а судьба Арсения всегда будет укором как самой Императрице, так и её церковной политике».

Саровская пустынь, в результате вышеозначенной *секуляризации*, оставлена была в числе заштатных монастырей; Санаксарская же – подлежала упразднению или, говоря языком нашего времени, ликвидации.

Если бы не преподобный Феодор.

Вот теперь-то действительно понадобились те влиятельные и не лишённые духовных устремлений люди, которые знали монаха Феодора ещё в бытность его в Александро-Невском монастыре – за добродетельную подвижническую жизнь.

Приведём полностью документ, решивший судьбу Санаксара.

«Святейшему Правительствующему Синоду из учреждённой о церковных имениях Комиссии.

Доношение.

Сего 1764 года, августа 10 дня, в учреждённой о церковных имениях Комиссии статский действительный советник господин Теплов объявил Высочайшее Ея Императорского Величества повеление, чтоб состоящую в Темниковском уезде Санаксарскую пустынь оставить в числе прочих пустынь, а вместо оной из положенного числа другой каковой монастырь или пустынь исключить, и в ней быть начальником иеромонаху Феодору, и тем монахам, которые ныне в той пустыне находятся, а впредь во оной пустыне содержать толикое монашествующих число, сколько оных по учинённому в Комиссии расписанию в безвотчинных монастырях и пустынях быть повелено. И во исполнение оного Ея Императорского Величества Высочайшего повеления, в учреждённой о церковных имениях Комиссии определено: о действительном и неременном по оному исполнению в Святейший Правительствующий Синод взнести доношение. Сентября 15 дня 1764 года.

Гавриил [Кременецкий], архиепископ Санкт-Петербургский».

Посмотрим теперь, каково было внешнее состояние обители к тому времени, для чего и воспользуемся *офицерской описью*, о которой уже упоминали.

Общее расположение было таким же, как и сейчас (как и всегда), потому что иначе и невозможно было построиться: первые монахи изначально поселились на плоской этой возвышенности, полуостровом выдвинутой на восток, защищённой с запада сосновым лесом, с севера и юга распахнулись просторные пойменные луга, восточная же оконечность прямо уткнулась в Санаксарскую заводь, издавна отпочковавшуюся от русла Мокши. Здесь, на оконечности, и стоит деревянная церковь об одном престоле во имя Усекновения честных главы Иоанна Предтечи. (Вторая церковь, Владимирской иконы Божией Матери, как мы помним, только что за ветхостью разобрана, и место сие подготовлено под строительство новой, каменной.) Предтеченская церковь крыта сосновым тёсом, глава обита деревянною чешуёю, крест на главе – железный. Далее в описи тщательно перечисляется вся церковная утварь: от иконостаса и прочих храмовых икон до евхаристических предметов, которые были оловянными, и «подсвешников

выносных жестяных», коих находилось – три. Затем шло описание ризницы (она была весьма не богата, самое необходимое), книг церковных для Богослужения, которых каждой имелось по единому экземпляру и лишь требника было – два. В особости от церкви была деревянная колокольня, где в привесе значилось шесть колоколов: больший – тридцать пудов, меньший – в полпуда. Между церковью и колокольнею, и не кучно, а порознь – настоятельская келия и одиннадцать братских, все с сенями, а в братских ещё и по два-три чулана пристроены. Трапеза, хлебня, погреб с погребницей над ним. Два в одной связке амбара для ссыпки ржи «и прочей рухлядной поклажи», и один амбар для муки. К западу за колокольней – двор для лошадей, в нём три конюшни; «а для всяких в той пустыне работ и повозок имеется казённых лошадей разных шерстей – восемь». И взята вся территория в крепкую ограду: вышиной в одну сажень с половиною, а в длину на сорока шести и в ширину на тридцати саженьях. Здесь же с запада и вхожие ворота на трёх столбах. А уже за оградю монастырской построен для ночлега приезжающих в пустынь богомольцев двор, тоже огороженный и тоже с воротами, а во дворе – горница с сенями и сарай для лошадей. За двором же, к лесу, на въезде – кузница.

Всё вышереченное: келии, ограды и все строения – «из соснового лесу, крыто лубьём и дранью».

А вот и братия (учтём лишь, что в описи означены монашествующие, а *бельцы* предусмотрительно устранились за ограду монастырскую; да не забудем и отнятого монаха Вениамина).

Настоятель Санаксарской пустыни иеромонах Феодор.

«А кто у него ныне в послушании и какое рукоделие имеет»:

Иеромонах Иоиль, из отставных солдат Преображенского полка – «исправляет в служении свою должность и на братию шьёт платье».

Иеродиакон Пармен, из подпрапорщиков Преображенского полка – «исправляет в служении свою должность и пишет уставом нотные книги».

Иеродиакон Венедикт, из солдат Преображенских – «исправляет в служении свою должность и шьёт платье».

Далее монахи:

Иосаф, из каптенармусов Измайловского полка; Гавриил, из солдат Измайловских; Игнатий, пятнадцать лет служивший в казённой сервизной Двора Ея Императорского Величества, – все трое «в церкви на крылосах отправляют пение и пишут уставом нотные книги».

Илия, из солдат полевого полка – «отправляет на крылосе пение, режет ложки и вяжет чулки».

Иаков, из скатертников верхней кухни Двора Ея Императорского Величества¹⁴ – «в пономарской должности и плетёт лапти».

Стефан, из солдат Преображенских – тоже пономарит и «шьёт платье».

Иосиф, из помещичьих крестьян – «печёт просфоры и свечи восковые сучит».

¹⁴ *Скатертник* – служитель, которому поручен стол, приборы и столовое бельё (Словарь В. Даля).

Герман, из людей барских; Корнилий, из солдат Измайловских; Феодот, из солдат Преображенских – все трое «хлебы пекут, варят квас, вяжут чулки и лапти плетут».

Михаил, из солдат Измайловских – «при настоятеле для топления келии и вяжет чулки».

Тихон, из купцов – «будильщиком и, за старостью, кроме богомолья должности никакой не исправляет».

Макарий, из солдат Преображенских – «звонарём и книги переплетает».

Иларион, из солдат Преображенских – «для топления келий дрова рубит и сапоги шьёт».

Гавриил 2-й, из людей барских – «при ограде караульщиком врат и чулки вяжет».

Феофилакт, из церковников; Афанасий, из солдат Измайловских, – их рукоделие осталось для нас неизвестным.

«Означенные настоятель и монашествующие все из великороссиян, жалованья денежного и хлебного ниоткуда не получают, а пропитание имеют от доброхотныхдателей и своими трудами.

За Санакарской пустынь по писцовым дачам состоит земли и лесу вокруг на десять вёрст, сенокосов по крепостям межевым – тридцать десятин, рыбных ловель для нужд пустыни в урочищах, называемых озеро Малое Палкино с истоком в монастырскую заводь, да озёра Кувшинино и Токунино с истоками, да по реке Мокше на две версты, – и во оных урочищах ловится рыба: щуки, лещи, окуни, язи, караси, лини и разная мелкая... Денежных же доходов от земли и покосов и рыбных ловель – не имеется».

В том же 1764 году Санакарская пустынь (вместе с Саровской) возвращена во Владимирскую епархию, коей управлял епископ Павел (Гребневский), а в следующем 1765-м, марта 7 дня, Высочайшим указом велено было Санакару именоваться монастырём.

Замечательные подробности о первоначальной внутренней жизни обители находим в воспоминаниях архимандрита Феофана Новоезерского, говоренных им уже на склоне лет и записанных сёстрами окормляемого им Воскресенского Горицкого монастыря.

Он пришёл в Санакар восемнадцатилетним юношей Фёдором Соколовым, четыре года пробыл у ног Старца и, без сомнения, остался бы здесь навсегда, если бы не скорбные события в жизни преподобного Феодора (а значит, и в жизни его общины), о которых мы ещё скажем в нашем повествовании. А пока вот эти драгоценные воспоминания очевидца, в которых нам особенно важен дух того времени, живой образ Старца, всегда присутствующий в рассказе, если воспоминатель движем любовью.

«Скажу вам, как мы делали своё начало, в какой жизни. Мы искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали. В Саровской пустыне? нет, ещё слабо! А к отцу Феодору! Пришли к отцу Феодору. Обитель забором деревянным огорожена; церковь маленькая, волоковы́е окошечки¹⁵, стены и внутри не отёсаны, и свеч-то не было: с

¹⁵ Волоковое – маленькое задвижное оконце, в которое выволакивает дым в курных избах (Словарь В. Даля).

лучиной в церкви читали!¹⁶ И платье-то какое носили! балахоны. Один смурый кафтан был тому, кто для покупок выезжал. Начало-то недостаточное было и трудное! В лаптях ходили: одни были мелко плетёны, другие крупно; так и лежали: одна кучка – маленькие, другая – крупные; ноги обёртывали онучами из самых толстых изгребней, а босиком не ходили. Придут к отцу Феодору. “Что?” – “Благословите взять ступни”. И велит самому выбрать; из маленьких и выберут. Отец Феодор позовёт: “Поди-ка сюда”, – и возьмёт. Случалось это и с отцом Игнатием: и у него отбирал частые ступни, и бранивал за это, что на лапти прельстился. А Игнатий был из придворных! Начнут говорить: “Живи, живи, и в этом-то утешения не сделают, в каких-нибудь ступнях!” Услышит это отец Феодор, позовёт: “Что вы там?” – “Да вот, Батюшка, какое смущение: и в этом-то утешения не сделаете!” Начнёт представлять: “Есть ли разум! Что вы из этой безделицы теряете спасение!” Да, мы жили у старцев духовных...

Нельзя, чтобы и плевел не было между пшеницей: и нас старцы бранивали за противоречие, непонятие. Я жил в одной келии с Макарием¹⁷: ему больше всех искушений было. Отец Феодор даст ему балахон худо сшитый, с длинной спиной или с заплатами; тот смущается, придёт к отцу Феодору, показывает, как на нём балахон сидит, какая спина несоразмерная. Отец Феодор начнёт увещевать: “Зачем пришёл в монастырь? да есть ли разум? что вы занимаетесь – чем? тряпками! Надобно заниматься тем, чтобы душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься!..” А после и привыкли... А отец-то Игнатий раза два к Преосвященному при мне уже бегал. И когда был поставлен иеродиаконом, то с вечера примочил волосы, заплёл да после и расчесал; надел парчовый стихарь, а в лаптях! Как встал на амвон, отец Феодор его и подозвал: “Ты, – говорит, – павлин! хвост-то распустил! посмотри на ноги-то. Поди, сними-ка стихарь!” Тот оскорбился и убежал ночью к Преосвященному жаловаться, что-де пристыдил, посрамил меня. А Преосвященный и прислал его к отцу Феодору, чтобы на поклоны поставил.

А чтобы при себе что-нибудь иметь, – ничего уж не было. Огня в келии никогда не бывало. А послушание было такое, что я и сам: полы мыл, щепки собирал, ложки мыл, пищу варил. Сами караулили по ночам: походим, походим, да поклонов несколько земных положим, помолимся.

А недовольных отец Феодор не держал, – говорил: “У меня ворота отворены для всех, кто хочет выходить”. Уж он этого слова не терпел, истреблял и слышать не хотел – когда кто говорил ему, что-де *я этого не хочу*. Однажды отец Феодор по окончании трапезы сказал всей братии: “Ну, отбирайтесь, кто хочет в пустыню (а до этого многие просились, только он удерживал их, возбранял), становитесь на сторону, кто со мною – на другую”. И

¹⁶ Свечи были (мы видели в описи, как один из монахов сучит восковые свечи), но ставились на престоле, жертвеннике, других подобающих местах, а вот чтение церковное отправлялось с лучиной – между прочим, и для аскезы.

¹⁷ Не тот Макарий, который в описи, из гвардейцев, – а Матфей Брюшков, в будущем знаменитый схиархимандрит Макарий, восстановитель многих монастырей, духовный друг и сомолитвенник рассказчика.

отобрались. Но кто пожелал в пустыню, со всеми воспоследовал худой конец, потому что оставили *послушание*. А были все такие молитвенники, постники!...»

Об этом последнем случае имеются в воспоминаниях архимандрита Феофана поучительные подробности. Трое из братии, ещё непостриженные, но склонные к подвижничеству, всё упрашивали Старца, чтоб отпустил их в пустыню на *совершеннейшее житие*. Отец Феодор, провидя их скорби, всячески увещевал оставить бесполезное для них начинание, но ничего не мог добиться. Вот тогда-то, желая хоть страхом обуздать их, Старец однажды после трапезы остановил всю братию и говорит:

– Кто хочет в пустыню, переходит на одну сторону, а кто хочет быть в послушании – на другую.

Желающих на пустынное житие никого не сыскалось, кроме этих трёх.

И отец Феодор, приблизясь к ним, сказал:

– Знайте, что по своей воле идёте и без благословения. А я не даю вам благословения, чтоб не быть виновником вашей гибели.

Одного *ослушника* звали Пётр Борисович, он был из военнослужащих, в чине поручика. Он, вышедши из Санаксара, ушёл на север и жил некоторое время в лесу; там, наедине со своими помыслами и не имея кому открыться, принял однажды в буквальном смысле слова Господни: *аще ли рука твоя соблажняет тя, отсецы ю*²⁰, – и чтобы показать ещё небывалый пример исполнения слов сих, отсёк кисть левой руки. Кровь хлынула. Тут услышал он грозный голос: «Какую же ты дерзость сделал! завяжи рану, – умрёшь». Он тотчас перевязал – и тем сохранил жизнь свою. Позже отец Назарий, бывший саровский, а тогда игумен Валаамского монастыря, узнав сию историю, нарочно приезжал к Петру Борисовичу и взял его на Валаам, где постриг с именем Павел; там он и скончался.

Второй, покинувший Санаксар без благословения, – Василий Иванович Макаров, тоже бывший поручик. Он, выйдя из обители, совсем раздумал идти в пустыню, а пришёл в Москву и поступил в Новоспасский монастырь. Через некоторое время представлен был к пострижению. Уже и указ получен; но тут, готовясь к постригу и вычищая келию, он за печкой в куче мусора нашёл вдруг чулок с деньгами. Мысли его поколебались; он решил отказаться от пострижения. Некий господин, ходивший к нему для духовной пользы, придя в монастырь, чтобы видеть его постриг, нашёл Василия отказавшимся и услышал от него о намерении пожить ещё в міру. Господин этот был одинок и упросил его к себе в дом – здесь же, в Москве, в приходе Святого великомученика Никиты, на Вшивой горке за Яузой. Василий согласился, вышел из монастыря и поселился у господина – тем паче, что и церковь рядом была и в ней служба повседневная. Через некоторое время господин этот просит, чтобы съездил в Петербург похлопотать ему о чине. Василий согласился. Господин одел его в приличное офицерское платье и снабдил деньгами. Приехав в Петербург, Василий нашёл уединённую квартиру, по доброму своему к тихой жизни расположению. Но рядом, в соседях, вскоре случилось остановиться вдове с дочерью. Узнав, что Василий кроткой и смиренной жизни и что он холост, предложила вдова свою дочь ему в жёны. Он, вовсе уже позабыв всё предсказанное ему отцом Феодором, женился на девице; а когда окончил порученное от господина дело, то отпустил к нему слугу, сам же уехал в усадьбу тётки в Тихвинский уезд. И вот здесь только, спустя время, уже по

смерти жены, оставил он вновь мирскую жизнь и, после всех этих злоключений, поступил в Тихвинский монастырь, где как раз настоятелем стал отец Игнатий, который помнил Василия по Санаксару. Здесь и постригли его с именем Виталий, и нёс он послушание свечника в соборной церкви; здесь и скончался.

Третий был Алексей Андреевич из города Кинешма. Он, выйдя из Санаксара, пришёл в дом к отцу, который был богат, и, решив подражать Алексию, человеку Божию, просил отца, чтоб поставил ему келию в саду для уединённой жизни. Отец с радостью сие исполнил. Алексей, не имея наставника, взялся подвижничать и возбудил в себе ревность к великому пощению; и до того дошёл, что уже и забывался. Старообрядцы, во множестве бывшие в Кинешме, узнав о нём, стали приходить и склонять к себе, и действительно склонили; тут же постригли и одели по-раскольничьи. Родитель же оставил его на свою волю. И опять Бог не допустил умереть в прелести. Один из послушников санаксарских, Филипп Филиппович, живший в это время во Флорищевой пустыни, узнал, что Алексей теперь в Кинешме, и захотел навестить его. Придя, нашёл его в крайнем изнеможении и одетым по-раскольничьи. Спросил: «Узнаёшь меня?» Он, взглянув, сказал: «Ты Филипп Филиппович». Тогда Филипп говорит ему: «Ты прельщён от раскольников. Видишь, уже ты при конце жизни. Обратись к Святой Церкви, исповедуйся и причастись Святых Таин». Тот стал говорить, что староверы наставили его на истину. Однако Филипп доказывал, что они сами погибают и других в погибель влекут; наконец, с помощью Божией привёл Алексея в чувство. Призвали священника, который исповедовал его и причастил Святых Таин. И вскоре после сего Алексей скончался.

Вот три судьбы человеческих, в назидание нам; впрочем, таковой исход жизни был для них милостью Божией – и не иначе как потому, что (сказано в воспоминаниях) «отец Феодор и братия не оставляли молиться о них».

Много вынуждался Преподобный по делам монастырским выезжать из обители, но где бы он ни был и в каких бы обществах ни останавливался, везде строго хранил он своё монашество, не позволяя ни малейшего уклонения от святости сего звания.

Так, случилось ему быть в Москве месяца два. И приходили к нему всякого звания люди, пользы ради душевной; благородные же господа почти каждый день приглашали к себе для вкушения пищи и для духовных наставлений и присылали за ним свои повозки. У одного-то господина и случилось отцу Феодору кушать вместе с прочими духовными московскими властями, настоятелями и игуменами, и зашёл между ними разговор о монашеских одеждах (Старец одет был скудно, по-пустыннически, и тем невольно как бы укорял отцов московских). Они говорили, что им, будучи в царствующем граде, нельзя носить одежды простые: полукафтаны и рясы из подлой дешёвой материи, – и спрашивали у Старца, как он о том рассуждает. Отец Феодор сказал им:

– Благословное бы, отцы святые, вы могли иметь себе оправдание, если бы по каким другим правилам о претерпении нищеты давали обеты свои пред Евангелием при пострижении в монашество; а когда чин пострижения один и обеты одни, то не много требуется тут толкования. По страстям же потакать себе – в суд только будет послаба сия, а не в защищение. Весьма непристойно духовным людям, что келейников, яко лакеев

светских с пуклями, и повозников при многих лошадях имеют. Монах не светский господин, но умерший міру, даже если и настоятель.

Против такого рассуждения ничего не могли возразить ему.

И ученики Преподобного старались подражать в строгости своему наставнику. Там же, в Москве, сопровождавший отца Феодора ученик его послан был для некой потребности на Дмитровскую улицу. Здесь зашёл он помолиться к Литургии в церковь Георгиевского девичьего монастыря. По окончании службы игумена той обители позвала его к себе на чашку чая, но он отвечал: «Так как отец Феодор в Москве, то я идти к вам в келию не могу без его благословения». Игумена в удивлении не удержалась, чтобы не сказать вслух всем сёстрам своим в церкви: «Слышите, сёстры, что этот сын послушания говорит: не могу без отеческого благословения идти к вам в келию. Вот как живут настоящие монахи!»

По возвращении Преподобного во обитель пришли к нему два ученика: один изнемогая от влагаемых ему от врага о родителях и сродниках жалости, другой – смущаясь от наносимых бесами по ночам ужасов и страхований, – и в прискорбиях сих открылись отцу.

Старец сказал первому, о сродниках жалеющему:

– Друже, жалость твоя и терпение в ней будут награждены от Господа Бога в своё время мздою великою. Также и в родителях твоих и сродниках, аще жалость по тебе имеют, – то, конечно, вознаградится им в будущем веке блаженством вечным.

А от страхований смущающемуся сказал:

– Дóлжно, друже, нарочно пребывать и идти туда, в коем месте следуют страхования. Бывают ужасы и по естеству в человеке – для того, чтобы изображено было на нас крестное знамение. Тогда уже вовсе не могут человека повредить демоны.

Пришли ещё и другие два брата к Преподобному в келию; первый из них сказал:

– Имею желание, отче святой, от обстоятельств уныния вытвердить наизусть Давидовы псалмы; некоторые уже и вытвердил – без благословения, прошу в том простить: не открылся, опасаясь возбранения к тому от Вашего Преподобия.

А другой сказал:

– Несносным кажется, отче святой, по немощи житие здешней обители. Располагаюсь в мыслях к выходу.

Старец же отвечал первому, вытвердившему псалмы без благословения:

– Я молиться никому не возбраняю, а паче того ещё подтверждаю.

Другому же сказал:

– Хочешь ты лёгонькой дорожкой Бога сыскать. Такие ли ещё для Бога дóлжно труды нести? Удивляюсь я! Вспомни, какие мучения претерпевали святые мученики? Я бы двести лет, кажется, жил такой жизнью, какова во обители нашей, нежели хоть краткое время испытать то, как святые страдали мученики.

Однажды, обходя строения монастырские, заметил преподобный Феодор одного из нанятых работных людей в поведении развращённом и остановил его; тот же начал с

настоятелем пререкаться. Отец Феодор тростью, ею же опирашеся, приударил тогда работника того – раза два или три. Кое же кто из братии соблазнились, увидев такое, и вошедши затем в келию ко отцу на откровение помыслов, говорили ему:

– Рассуждается нам, отче святой, что бить человека палкой монаху не дозволено, он уже по мантии и яко рук у себя не имеющий, а по обещанию монашескому лучше ему самому биту быть, нежели другого бити, а особливо ежели иеромонашеский имеет сан: правила за то и наказание таковому приписывают. А Ваше Преподобие не только сами изволите работных бить и нас иногда за противоречие из келии выталкиваете, но повелеваете и всему братству, во обстоятельствах нашествия на обитель разбойников, вооружёнными руками, аще и ко убивству пригодными, против них выходить, почему от Вашего Преподобия по келиям братским и колья, и рогатины розданы для таковых случаев.

Отвечал им Старец:

– Предлагаемые вами, други мои, рассуждения и доказательства указывают на состояние единогоживущего человека, а не на общество. Ибо должен монах по пострижении яко без рук быть, но к деланию руками худых, а не добрых дел, – к добрым же делам монах наипаче пострижением приобзывается. А по Христову закону, поелику нет больше сея добродетели, аще кто *душу свою положит за други своя*²¹, так и я, к наблюдению спасительных порядков во обществе братском поставленный, иногда и ударю слегка кого за развращение нрава или из келии кого толкну, страх потерявшего, – для спасения его души и чтоб удалить из братства сие развращение, ко общему соблазну и греху следуемое. Так и Апостол говорит: *овех убо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе*²². Притом же я, например, ударил слегка, единственно в знак страха и для отведения его от худости; а если бы не чувствовал он сего страха да попался жить с обыкновенною своею худостию к какому-либо господину, то тогда за сии его качества не только впятеро тяжелее изувечили бы его, но, могло быть, что и вовсе без здоровья оставили. Чрез мою же поправность будет здоров всегда. Если также, по рассуждению вашему, и в обстоятельствах нашествия на обитель варваров, против малого их числа не противиться, что и не без убивства иногда бывает, – то уже подлинно жизнь наша разорится; придут хоть и пятеро злодеев, а нас восемьдесят человек да не будем противиться, – то пятеро всем нам сделаются разорителями и, следовательно, бедствия учинят и обители, и спасению. Например, в пятистах подводах состоящий обоз может на дороге разграблен быть одним злодеем – и какая же будет от сего пустота, и гибель, и грех! Не должны мы, со святым Златоустом говорю, оставаться без действия и ожидать сверхъестественной защиты от благодати Божией, тогда как можем и сами от напасти естественными защитить себя способами, кои единственно премудростию Божией в благотворение к роду человеческому даруемы. Когда же против пяти человек, например, найдут пятьдесят злодеев, то во обстоятельстве таком, то есть где человек сам напасти избыть не в силах, тут уже просить следует о защищении единого Бога; в иных же случаях надобно самим противостать, а не малодушничать, ибо сие противно будет Богу.

В другой раз и мирские, из приезжавших помещиков и господ, спрашивали отца Феодора, как им поступать с людьми своими, кои бывают и злонравными; наказывать-де их не смеем, ибо в Писании сказано: *иже аще хочет в вас вящий быти, да будет всем*

слуга²³; и всяк смиряяй себе, вознесется²⁴. Думается посему, что нам господам должно быть к своим рабам, яко отцам, а не мучить и казнить их, хотя бы и были они виновны. Во образ чего предписуется нам пчелиная матка, не имеющая у себя жала.

На это отвечал Преподобный:

– Добре, чада, ваше расположение, что в делах духовных стараетесь наставиться от других. Да и как можно вам самим на Писании утвердиться, яко Писание Священное многий разум имеет и толкуется не только буквально, но иногда и иносказательно. Рече Апостол: *всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает; ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаеми глаголаша святии Божии человецы*²⁵. Так, царицы Муринския вельможа придворный, читая книгу пророка Исайи, в коей о Христе предвозвещалось, не узнал бы, что читал, аще бы не наставил его тогда апостол Христов Филипп²⁶. Потому говорю я, други, и вам, разум Писания непостигающим, что если злые нравы, по вашему разумению, да не будут во исправление наказуемы, то нельзя будет людям и жить на свете. Рассуждает о сем святой Златоуст в своих беседах: «Если не будет в обществе властей и уничтожится в подданных страх к ним, то разрушатся дома и грады, и народы, не укрощаясь страхом наказания, один от другого истребятся, угрызая и сная друг друга, богатый убогого, сильный немощного». Почему и в книгах Царств поминаемый жрец Илий принял от Господа Бога казнь за то, что не наказывал родных детей своих за развращенные их поступки; хотя словом он много их журивал, но телесно не наказывал, за то сам весьма строго от Бога наказан был²⁷. А Ахав и на смерть от Бога осужден был за то одно, что не убил царя Сирского, коего по обстоятельствам общества надлежало убить ему, и повеление ему на то дано было²⁸. Почему, и в новоблагодатном уже состоянии, Христос Спаситель, образ жития всем нам подавая в Своем в мир пришествии, хотя и глаголет *яко кроток есмь, и смирен*, но прибавляя: *сердцем*²⁹, а не по видимому; по видимому же иногда в потребных случаях и яко на строгость прелажался, когда, приняв бич от вервий и свив его, изгнал из церкви безчинных торжников. Так бо о сем и Златоуст святой на Апостольское к Галатам послание, главу первую, не токмо к мирским, но и к духовным пастырям говорит: «еже бо с кротостию присно ко учеником беседовати, внегда зельности [т. е. сильных, крепких слов] требуют, не учителево, но губителево есть дело и супостатное». Сего ради и Господь помногу тихо ко ученикам Своим беседовал, но бывало, что и жестокие употреблял слова; овогда ублажал, овогда же запрещал. Петрови убо рек: *блажен еси, Симоне, вар Иона*³⁰, и обещал основание Церкви на исповедании его положить; немного же спустя после сих словес, глаголет: *иди за мною, сатано, соблазн ми еси*³¹. И паки ко всем: *единаче ли и вы без разума есте?*³² И толикий в них страх вложил, яко у Иоанна чтем, что когда, видяще Его с женою самарянынею глаголюща, о пище убо воспомянуша, то никтоже из них не смеяше рещи: *чесо ищещи; или: что глаголещи с нею*³³. Так о сем святой Златоуст рассуждает, так и мы должны утверждаться, помня притом и Апостольское слово: *овех убо милуйте рассуждающе, овех же страхом спасайте*³⁴. Посему всякое телесное наказание, с намерением исправления употребляемое, а не ко удовольствию мщенья и злобной страсти, не нарушает христианского смирения. И в русской истории видим, как при Великом Князе Владимире, крестившем Русь, такое затем последовало

замешательство от опущения виновным наказаний, что от злых людей и житья добрым не было. Почему уже и приступили тогда к блаженному Князю добрые люди, чтоб защитил их от злых, восстановил бы паки казни, яко от злодеев и в дорогах проезду не стало. Тогда паки и восстановили за злодеями наказания. Виноват ли, например, лекарь, когда у человека гниющую руку или ногу за безнадёжностью здравия прочь отрезывает? Ведь он тем паче здравие и жизнь человеку промышляет; а если бы гнилой уд не отсечь, то болезнь, до сердца дошедши, и жизнь бы всю его смертью пресекла. Так надобно рассуждать и о наказании виновных.

Да, действительно: *нарочитое* имел отец Феодор в наставлениях искусство. И остр был в рассуждениях, весьма остр.

К такому настоятелю естественно стремились жаждущие спасения и доброй подвижнической жизни. И заметим: отнюдь не случайна цифра, названная Старцем, когда говорил о возможном нападении разбойников: что нас-де *восемьдесят человек*...

Вообще к людям трудящимся отец Феодор был милостив. Однажды ему доложили, что рабочие, строившие по договору соборную церковь, взяли лишние деньги, и едва ли можно надеяться, что по окончании работ они их вернут. Старец ответил: «Они народ бедный. Пусть этот излишек будет им вместо милостыни».

И за невольные прегрешения не наказывал отец Феодор. Случилось, что недалеко от Санаксара загорелась монастырская мельница и сгорела вся. Убыток от пожара был рублей на *пятьсот*. Живший на мельнице для присмотра брат, от внезапной печали не зная, как и что отвечать, не смел и явиться к настоятелю. Когда же братия привели его ко отцу, то не наказал его Старец даже единым словом, лишь произнёс, повторяя праведного Иова: «Господь даде, Господь и отъял, яко Господеви изволися, тако и бысть»³⁵.

Эта мельница устроена была для помола хлеба и толчения дубового корья в продажу. Ибо Старец учил своим трудом снискивать себе хлеб; для чего, между разными послушаниями, некоторые братия шили рукавицы, которые и продавались затем в Темникове.

Но при всех необходимых трудах – главным для отца Феодора была душа человеческая: мирной ли она была? не в смятении ли?

Вот что вспоминал преподобный Зосима Верховский: «Во время путешествия нашего со старцем Василиском случилось нам пробыть некоторое время в Санаксарской пустыни¹⁸, где слышали мы много дивного об отце Феодоре, а между прочим рассказывали нам и сие: призвал он однажды одного брата своей обители, который был не спокоен в духе, и говорит ему: “Целый год я дал тебе времени жить у нас; теперь ты должен мне сказать истину. Известуется ли душа твоя, что в нашей обители ты надеешься обрести спасение, и расположилось ли сердце твоё к чистосердечному откровению своих помыслов и преданности ко мне?” И когда брат сей, падая к ногам настоятеля, признался, что не имеет таких чувств, тогда отец Феодор сказал ему: “Хотя ты полезен обители и очень нужен нам (ибо брат сей был искусный кузнец), но, видно, не

¹⁸ Преподобные: Зосима (Верховский; †1833), память 24 октября, и Василиск Сибирский (†1824), память 29 декабря. Посещение это могло быть в 1797–98 годах.

благоволит Бог тебе здесь остаться. Иди, сыщи обитель и старца по совести и от всей души служи там Господу”, – и отпустил его с миром. Сие мудрое и духовное рассуждение великого Феодора напечатлел я в памяти и в душе моей».

Не было для Преподобного ничего, в чём бы он не усматривал прежде всего духовный смысл. Однажды весной прохаживался он один, как в обычае у него было принято, в окрест обители растущих дубравах, и встретились ему двое из братии, шедших на озёра для рыбной ловли; и подошли к настоятелю для благословения. Он же сказал им:

– Имейте, други, непрестанно в трудах память Божию и зрите Божественный Промысл, живо в тварном мире на виду у нас действующий. Вот, в чувствуемой ныне весне, чрез различные распускания листьев на деревьях, или при виде приятных цветов и трав, из земли возникнувших, – явно представляется тот пред очами нашими день, в который имеет быть действительно по плоти умерших всех воскресение. Воистину премудрый написал апостол Павел о Боге, что *невидимая бо Его и присносущая Сила и Божество от создания мира твореньми помышляема видима суть*³⁶; и пророк Давид к Богу воспел: *в творениях руку Твоею поучахся*³⁷.

И так окончив беседу, благословил их дальше идти; сам пошёл другой стороной леса. Уходя, сказал им с улыбкою:

– За мною – не идите никтоже...

От пойманных в монастырских ловлях рыб, сколь бы невеликое число их ни было, всегда отделял половину, говоря при этом: «Сие бедным моим нищим», – разумея общину учениц, которых определил в Арзамасе при Николаевском монастыре, когда шли из Санкт-Петербурга.

Обителей женских тогда в Арзамасе было две; вторую – Новодевичий святого Алексия, человека Божия, – упразднили в 1764 году, церковь обратили в приходскую, монашествующих сестёр перевели в Николаевский монастырь. Лишь несколько послушниц, за недостатком для них помещения в Николаевском, остались на прежнем месте своего жительства, в качестве богадельниц. Вот тогда-то, ходатайством и тщанием отца Феодора, его ученицы переселены были в упразднённый этот Алексеевский монастырь и стали жить при церкви, тоже как богадельницы, официально оставаясь в зависимости и подчинении игумении Николаевского монастыря, но живя по уставным правилам и в строгом послушании отцу Феодору – через избранную им же настоятельницу из числа самых опытных учениц. (В те первые годы это была – Евдокия Ивановна, из дворянского звания, по мужу Петрова, вдова сержанта гвардии.) Шло время, община возрастала числом, всё более укреплялась духовно; Старец, став настоятелем Санаксара, имел благословение от епархиального Преосвященного на выезды в Арзамас и посещал *бедных своих нищих* в год раза два-три: наставлял в беседах, утешал в недоумениях. И настоятельнице общины приказано было от отца приезжать в необходимейших духовных нуждах к нему в монастырь; тогда останавливалась в гостинице на краткое время, куда и приходил отец Феодор днём между церковными службами и, разрешив все вопросы, отправлял её *во свояси* – в полном духовном спокойствии.

В те годы таковое управление Старцем-монахом двух общежитий – мужского и женского – многих смущало¹⁹. Так и в Санаксаре случилось: двое из братии, трудниками подвизавшиеся, соблазнились, что отец Феодор две общины содержит, а особенно женскую. И придя к Преподобному, открылись ему в своих помыслах, что никак у двух обителей быть единому пастырю не можно. (Один был из купцов города Рузы именем Матфей Космич Брюшков, в будущем строитель Пешношского монастыря схиархимандрит Макарий, а второй из московских купцов – Иван Иванович, окончивший земную жизнь на Афоне монахом Исаией.) Преподобный много вразумлял их толкованиями; но они остались при своём и просили отпустить их для разрешения к схимонаху Досифею, затворнику Китаевской пустыни подле Киева, знаменитому своей прозорливостью. Отец Феодор охотно благословил. Пришли в Киев, поклонились святыням. И к старцу Досифею – что вот-де какое смущение: отец Феодор два монастыря, мужской и женский, под своим управлением содержит... Распросил их старец о порядках в Санаксаре – и говорит: «А что́, вы слабости какие в нём заметили?» «Нет, – отвечают, – он строгой жизни!» «Недостатки, что ли, какие имеет?» «Нет никаких». «За кого же вы его почитаете?» «За святого...» «И что, он грамоте знает?» «Учёный!» – «Ну так что же вы тогда сомневаетесь? Не сомневайтесь! Разумная голова может не только двумя, но и тремя обителями управлять!» И ещё другое многое сказав им на пользу, велел возвратиться к отцу.

На том они и успокоились.

А старец Досифей²⁰, провожая их обратно в Санаксар, снял со своей руки чётки и просил передать преподобному Феодору.

Сия община «бедных нищих» – скажем теперь подробнее и о ней – была воистину богата *нищетою Евангельской*. Имея такого пастыря, который сам от первых дней подвижничества положил *всё богатство, всю славу и честь на Небеси*, они прониклись к нему истинною любовью, отдав себя в беспрекословное послушание, тем исполнив завет Господа Иисуса Христа, сказавшего ученикам: *Слушай вас, Мене слушает, и отменяяся вас, Мене отменяется; отменяяся же Мене, отменяется пославшего Мя*³⁸. И Преподобный отец, когда приезжал к ним в обитель, то встречаем был всеми духовными сёстрами, великой радости преисполненными, «яко родные дети, лица сладостнейшего родителя своего давно не видевшие, с трепетом и радостью к нему стекающиеся, к любезным стопам припадающе и умильно святую десницу его целующе...» Входил Преподобный обычно в их общую большую келию, где, по принятию с ними вещественной пищи, «отверзал он источник невещественных к ним своя о Господе беседы», – и продолжал до вечерни, отвечал и на предлагаемые от них душевные нужды,

¹⁹ И неудивительно: дело было новое и по тогдашнему времени неслыханное. Это позже Преподобные отцы: Серафим Саровский, Зосима Верховский, Амвросий Оптинский, Варнава Гефсиманский – будут созидать знаменитые женские монашеские общины. Преподобный Феодор проторил им дорогу.

²⁰ Тогда от всех было скрыто, что Досифей – это девица Дарья Тяпкина, нёсшая свой подвиг под видом монаха-мужчины. Она же благословила на монашество и направила в Саровскую пустынь Прохора Мошнина – ставшего святым Серафимом, Саровским чудотворцем.

Преподобная Досифея (Тяпкина; †1776), затворница Киевская, память 25 сентября.

подавая каждой успокоительное решение; после чего выезжал ночевать на своё в Арзамасе имевшееся подворье. На другой день, в пристойное для бесед время, приезжал снова. При долгих этих беседах случался у него иногда сильный кашель от внутренней болезни, которую вынес из первых лет подвижничества – от безмерного в пустыне поста (отчего теперь по вечерам почти и не ужинал никогда). Провожаем же был духовными чадами – даже до самых врат, «яко пастырь их и любезнейший отец». В таком спасительном делании пребывал Преподобный в Арзамасе недели по две, а затем возвращался в свою обитель.

Сестёр в общине к тому времени возросло до пятидесяти, и был у них от отца Феодора изустный устав (впоследствии ими записанный), который неукоснительно соблюдался.

Главное основание сего устава заключалось в том, чтобы все живущие в общине духовные сёстры «имели полное, совершенное и непрекословное во всём послушание к матери настоятельнице и чистую пред нею совесть, всегда и во всём сомнительном ей открывались, все чувства свои, мысли, склонности, поступки и деяния, и чтоб хранили к ней любовь и чистосердечие, а меж собою чтоб были единомышленными и единомысленными, скромными, тихими и благоговейными; сама же настоятельница, как истинная мать, должна иметь к сёстрам нелицемерную любовь, не выделяя и не умаляя одну перед другою, но всем оказывать равную приветливость и заботу, и в чём нраве явится какой недостаток, тот исправлять с долготерпением и кротостию, в недоумениях же, чего сама решить не может, относиться с тем к отеческому рассуждению». Далее заповедано было, чтобы каждая сестра находилась в приличном свойству своему послушании и труде, от чего могла бы стяжать себе хлеб насущный. (Отец Феодор завещал им изначально: содержать более *внутреннее* монашество, – а постригов не благословлял.) Рукоделия же у них имелись различные: иные шили приносимое от граждан платье, другие пряли, третьи шили золотом, иные низали жемчугом, ткали холсты, чулки вязали (а были же ещё работы, поддерживающие общинную жизнь), – и так трудились они весь день, а то и вечерами по келиям сидели в трудах даже до полунощи, при этом какая-либо из грамотных сестёр читала вслух из душеполезной и назидательной книги. А как по многолюдству в келиях жило до десяти сестёр вместе, то отец Феодор назначил через настоятельницу в каждой келии *старию* сестру – из доверенных и опытных в духовной жизни, которая была совершенной в своей келии хозяйкой и распорядительницей и о всяком, хотя и малом отступлении от порядка тотчас докладывала настоятельнице; младшие же находились у неё в послушании, так что «без позволения не могут и выходить из своей келии в другие. Старшая распоряжается их трудами и рукоделием, назирает их поведение, образ жизни, чистоту и опрятность, следит, чтобы не было праздности, излишних разговоров неблагопристойных и нескромных, дабы не возникло между ними неурядица или раздора, но чтобы, напротив, всегда соблюдалась друг ко другу ласковость, благорасположение, согласие и любовь...» Ибо учил своих чад преподобный Феодор: «Други мои, по примеру божественной любви Апостольской, в спасении ближнего – наше спасение, в его жизни – наша жизнь, его пользу – в нашу пользу да вменяем, потому что *все мы единаго Тела уды имеемся о Господе*³⁹. Говорит Златоуст святой: “Аще кто вся исправит, а ближнего не воспользует, – не внидет в Царствие Небесное”. И в другом месте: “Не думайте, – говорит, – что только

мне одному о всех вас пещися надобно, но разделите, молю, сие служение со мною; аз ко всем беседую, а вы наедине друг ко другу слова мои извещайте”, – и тако каждый да ищет спасения в ближнем своём».

Правило молитвенное установил отец Феодор в общине следующее:

Вечером после ужина в той же общей большой келии читалось по очереди грамотными сёстрами малое повечерие с канонами Иисусу Сладчайшему, Пресвятой Богородице с акафистом и Ангелу-Хранителю; далее сто молитв Иисусовых с пятьюдесятью земными полклонами; затем читался помянник и молитвы на сон грядущим. После чего ещё, бывало, трудились по келиям, в молчании и благодушии внимая чтению из духовной книги. К полунощи отходили ко сну от бденных трудов своих – и отдыха дозволялось не более пяти часов. Восстав от сна, шли вновь в общую келию, где читались утренние молитвы, две рядовые кафизмы и помянник, – и все приступали исполнять послушания и рукоделия, пребывая в них до обеда; а подкрепив себя телесно, паки возвращались к трудам своим. К церковным же службам в будни ходить им не дозволялось; но в воскресные и праздничные дни обязывались быть все в храме Божием, где для них уготовлено было особое место за завесою, скрывающей от взоров мирских людей (не забудем, что церковь – во имя Преподобного Алексия, человека Божия, – прежде монастырская, обращена была в приходскую).

И о других подробностях внешней жизни читаем в уставе, как-то: всем быть в совершенном нестяжании, а потому, между прочим, и всякое излишество, весёлости и в миру бываемые утешения строго запрещались (а были в общине, изначала и чем дальше, тем более, поступившие из благородных сословий), так же и в украшении келий соблюдать осмотрительность – только иконы и другие приличные к назиданию духовному изображения; шёлковых и бумажных (из хлопка) одежд не носить, а лишь холщовое и шерстяное, единообразного покроя и чёрного цвета – и сие для всех, включая настоятельницу; за ограду монастырскую на городские улицы, во избежание соблазнов, никому не выходить, кроме возрастных сестёр, к необходимым для общины покупкам и потребностям назначенных (так что иные из сих *затворниц* забывали, «какая есть по улицам дорога и как по ней люди ходят»); к родственникам или благодетелям в гости не позволялось никого отпускать, кроме благословной вины; посылать письма и получать их, прежде нежели настоятельница их не прочтёт, не только не позволялось, но и строго запрещалось; видеться же и говорить, хотя бы и с самым ближайшим родственником, можно только в общей гостини келии – для благородных, или в приворотне – для простых, – но и притом: непременно в присутствии назначенной от настоятельницы твёрдой в нравственности сестры.

...А теперь спросим себя: при таких суровых правилах общежития (напоминающих, между прочим, некоторые *пункты* устава Александро-Невского монастыря) – чем же укреплялась эта община *бедных нищих*? от чего возрастала числом и духом? на чём утверждалась? Повторим: на совершенном доверии к Старцу, на несомнительном послушании ему, на очевидности для всех его пламенной к Богу любви. (И ещё подумаем: если так содержал отец Феодор общину *учениц*, то какие же строгости были у него в Санаксаре? Но и там: ученики его умножались.) Сам Преподобный учил чад своих: «Если

благодушно примите моё послушание, то великую милость от Господа Бога получите и воздаяние вечное, а не временное...»

Мы будем ещё говорить об удивительной этой общине, которая должна бы по праву называться *Феодоровской*; но теперь время возвратиться нам в Санаксар, где уготовано преподобному Феодору великое испытание.

Знали всегда и доныне знают святые: не заповедал Бог, чтобы возлюбленные чада Его, будучи в *этом* мире, имели покой, но наипаче восхотел Бог, чтобы пребывали они в унижении и скорби. Ибо «тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях, а мир веселится в наслаждении...»²¹

На сей раз орудием Промысла Божия избран был Темниковский воевода Василий Неёлов.

Дело это продолжалось не один год. Архимандрит Феофан Новоезерский (а тогда послушник Фёдор Соколов), один из очевидцев происходившего и притом единственный, кто оставил о конфликте этом краткие воспоминания, утверждает, что Неёлов сперва напросился в духовные чада к Преподобному:

«Когда о добродетельном житии отца Феодора разошёлся слух, то многие мирские шли в обитель и спрашивали у него в духовных нуждах наставления. Так и бывший в Темникове воевода Неёлов пожелал иметь отца Феодора духовником и просил его о том прилежно. Старец предупредил, что будет требовать повиновения во всём, к пользе душевной относящемуся. При этом указал воеводе на заповедь апостола Павла: *Проповедуй слово, настой благовременно и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением*⁴⁰. Воевода расположился быть во всём покорным, как сын к отцу; и продолжал исполнять сие три года без всякого сопротивления. Но затем вышел из послушания, стал посты и постные дни пренебрегать; в городе летом печи печатал, а ежели кто хотел, чтоб распечатана была печь, положил с каждой по рублю; дела решал несправедливо по мзде, обвиняя невиновных, а виновных оправдывал. Слыша много жалоб и ревнуя об исправлении воеводы, отец Феодор строго обличал его, но тот ни во что поставлял все обличения духовного отца. Напоследок в жатвенное время принуждал крестьян строить покои себе. Крестьяне просили Старца, чтоб съездил и лично убедил воеводу дать сперва им с хлебом убраться. Отец Феодор, видя такое притеснение, приехал в Темников в дом к воеводе. Услыхав об этом, тот ушёл в канцелярию, сел за зеркало²² и велел позвать отца Феодора. Когда Старец вошёл, воевода начальнически спросил: какую имеет он до него нужду? Отец Феодор, пересказав ему все его дела, убеждал оставить грабёж и притеснение бедных. Воевода велел дневальному записать в протокол, что настоятель Санаксарского монастыря при зеркале называл его *грабителем*, – и представил о том губернатору в Воронеж; губернатор донёс Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, а от неё в Синод вышло повеление исследовать сие дело. Почему губернатору велено призвать отца Феодора и отобрать от него ответ. Тогда отец Феодор брал с собой и

²¹ Преподобный Исаак Сирин.

²² Увенчанная двуглавым орлом трёхгранная призма с тремя указами Императора Петра I, помещалась на столе всякого присутственного места; символ государственной законности.

меня для писания ответа²³, – подав который отпущен был обратно. А чрез несколько недель вышло Высочайшее повеление: отправить его, как беспокойного человека, в Соловецкий монастырь...»

Свидетельство архимандрита Феофана, конечно же, ценно (хотя, как теперь выясняется, он допустил некоторые принципиальные неточности; не забудем, что вспоминал он сию историю спустя почти пятьдесят лет). Теперь мы имеем в руках архивные документы всех участников этого дела: настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора, воеводы города Темникова надворного советника Василия Васильевича Неёлова, Воронежского губернатора генерал-поручика Николая Лаврентьевича Шетнёва, епископа Владимирского и Муромского Иеронима (Формаковского), членов Святейшего Синода, чиновников 1-го департамента Правительствующего Сената и – самой Императрицы Екатерины II Алексеевны. Мы имеем возможность как бы услышать голос Преподобного, его позднейшую оценку происшедшей над ним расправы: собственные его слова, сказанные уже после возвращения из девятилетней ссылки и записанные доверенным учеником²⁴. Мы обязаны, наконец, провести некое расследование, чтобы не только восстановить насколько возможно подлинную картину этого дела, увидеть, как поступал в тех или иных обстоятельствах Преподобный отец, но и проникнуться, хотя бы отчасти, внутренним его отношением к тому, что попустил Господь Бог. Думается, что правдивое повествование этой страдальческой, но и в высшей степени поучительной истории будет нам не без духовной пользы.

Итак, первое: был ли преподобный Феодор духовником воеводы Неёлова – хотя бы и по прилежной его просьбе, хотя бы и в начальные лишь три года, покуда раб Божий Василий «не вышел из послушания»?

Наш ответ: судя по тональности и содержанию документов, исходящих от Неёлова и, несравнимо нам более важных, читаемых от преподобного Феодора, – нет никаких, даже малейших оснований предполагать таковые между ними отношения, хотя бы и бывшие (при этом, конечно же, учитываем канцелярское назначение нами исследуемых бумаг). Впрочем, мы думаем, что если и пожелал воевода Неёлов иметь отца Феодора своим духовником, если и упрасивал его об этом прилежно, то не иначе как из тщеславия: первое бюрократическое лицо уездного города и иметь хотело всё самое первостепенное, самое знаменитое в подчинённой ему округе. (Желания же *соответствовать* приобретаемому, то есть в данном случае – духовно трудиться, – как правило, не обретается у подобного рода людей.)

А Старец? Старец и не мог поступить иначе, чем так, как поступил. Слышим же и от Господа: *Грядущаго ко Мне не изжгуну вон*⁴¹, – иначе никогда и не приблизил бы Иуду-предателя.

Каким же в действительности был ход тех скорбных событий?

²³ Фёдор Соколов до ухода в монастырь трудился в Москве подканцеляристом Государственной вотчинной коллегии, знал порядок делопроизводства и правильное составление бумаг.

²⁴ Вероятнее всего, Иваном Евдокимовичем, в монашестве Иоанникием, о котором речь ещё впереди.

Сказано у Апостола: *Овех убо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе*⁴².

24 октября (т. е. отнюдь не «в жатвенное время», как вспоминает отец Феофан) 1773 года, в десять часов по полуночи, настоятель Санаксарского монастыря иеромонах Феодор, убеждённый, что духовными увещаниями исправить воеводу уже никак невозможно, приехал в Темников, чтобы начать действие гражданским судебным порядком. Он вошёл в Темниковскую ратушу (купеческую управу), где заседали выборные от городских и уездных купцов. Позже, в объяснительной правящему архиерею, отец Феодор скажет, что он «приезжал в ратушу по многим от купечества на того воеводу Неёлова, в грабительствах его и разорениях, ему, настоятелю, жалобах, желая обще в том получить от них известие». Но поддержки от выборных купцов отец Феодор в ратуши не получил. Затем он идёт в Темниковскую воеводскую канцелярию, где в *судейской камере* в этот час, на своём присутственном месте, заседал сам воевода, надворный советник²⁵ Василий Васильевич Неёлов, а с ним и секретарь канцелярии Алексей Мыльников. Войдя без церемоний, отец Феодор прямо объявил Неёлову, что он есть «грабитель и разоритель народа» (притом и о «прочих того воеводы грабительствах и разорениях, причиняемых бедным»), и *потребовал* записать эти слова в канцелярский журнал. После чего из присутственного места вышел. А позже объяснял епископу Иерониму, что *намеренно* поступил так, дабы «дело оное не могло быть закрыто». Ибо «закон общественный и права государственные обязывают нас усматривать обществу вредительные случаи и всеми мерами стараться, чтобы таковые искоренять, дабы как душевная, так и телесная жизнь общества не могла разориться. И потому он, настоятель, тем обвинением и требовал, чтобы непременно сообщено было по надлежащему в гражданскую команду, от коей бы вышло повеление означенного воеводу Неёлова, сменив от судебного места, исследовать, а он, настоятель, и должен будет тогда доказывать, за что назвал его грабителем и разорителем народа».

Чиновник Неёлов в ответ поступил так, как и обязан был поступить. В журнале воеводской канцелярии появилась подробнейшая запись о приходе настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Феодора в присутственное место «без всякого дела» и о назывании им воеводы «непристойными словами облыжно», а затем вынесено было и приказное решение: «дабы он, иеромонах Феодор, в настоящих делах по Темниковской канцелярии помешательства и в обществе беспокойства чинить не мог и с Высочайшим интересом несходственность не произвёл, с прописанием всего вышеизложенного обстоятельства из Темниковской воеводской канцелярии представить на рассмотрение в духовную Преосвященного Иеронима, епископа Владимирского и Муромского консисторию и требовать, чтобы с ним, иеромонахом Феодором, учинёно было в силу Духовного регламента и законов...»

Официальная бумага имела важную силу в бюрократическом государстве Российском. Бывало, сами чиновники подпадали под магическую власть бумаги. Когда *бумаге* давался ход, то движение её становилось неотвратимым — покуда не получало должного

²⁵ Чин седьмого класса, подполковник.

разрешения. Отец Феодор знал это и шёл на это. Думал ли, что государственно-церковный чиновничий аппарат дружно встанет на стороне чиновника Неёлова? Надеялся, что законность государственная не решится вовсе отвергнуть справедливые притязания общественные? И в этом, как человек истинно духовного благородства, не оставлявший и в каждом увидеть хотя бы признаки неискажённой духовности, – ошибся. Но в этом была проблема и для всякого *духовно живого* человека, столкнувшегося с бюрократическим государством, созданным могучею волей Императора Петра Великого.

В тот же день, 24 октября, воевода Василий Неёлов подписал доношение епископу Иерониму (а не Воронежскому губернатору, как вспоминал архимандрит Феофан и как до сего дня утверждали жизнеописатели Преподобного). Получив сие доношение, Владыка тотчас отправил с нарочным к иеромонаху Феодору требование дать объяснение происшедшему, – каковое Преподобный без замедления дал, краткое и определённое (фрагменты мы цитировали). Убедившись, что делу дан ход, теперь уже сам отец Феодор пишет доношение – Воронежскому губернатору (как прямому начальнику Темниковского воеводы), которое и отправляет с доверенным учеником – *монахом Иоасафом*. Из доношения видно, что конфликт между воеводой Неёловым и Санаксарским монастырём начался с того, что Неёлов на монастырских мельницах без всякого платежа молот собственный хлеб; а когда отец Феодор ему в этом отказал, то «он, воевода, приняв на нас свою злобу, начал нам производить нападки и утеснения и возбранять купечеству, чтоб в монастырь не ходили и милостыни не подавали». За то одно, что темниковский купец Алексей Власов отдал в монастырь двадцать три улья собственных пчёл, «как души своей ради, так и для поминовения отца своего», воевода Неёлов принудил купечество содержать Власова в ратуше под караулом, желая его «иль в солдаты отдать, иль пятьсот рублей денег взять, иль без всякой милости сечь плетьюми». «Что уже уведав, я, настоятель с братией, сказал купечеству, чтоб воеводе в том не угождали, понеже начинает дело незаконное». Власова на время из ратуши от караула освободили, за что воевода «на всё купечество остался с немалым гневом». Далее отец Феодор перечисляет и другие обиды, чинённые от воеводы «многим прочим, как купечеству, так и уездным: для своих прибытков забирал под караул в острог и в той нужде долговременно морил, также в летнее время печатанием и нетоплением печей всему купечеству производил немалую нужду, как без варения пищи, так паче и без печения хлеба, и чрез таковые утеснения получал себе от того купечества немалые взятки». И отец Феодор называет имена одиннадцати купцов, из тех, кто жаловался ему на воеводу, называет и суммы взятки. Доношение заканчивается просьбой к губернатору не просто наказать воеводу Неёлова тем или иным образом, а – отрешить от должности и предать следствию и суду, на котором бы и доказывалась вся вышеписанная его вина. Если же Неёлов от служебного места сменён не будет, «то многие за страх того воеводы как от доказательства, так и от свидетельства откажутся».

Воронежский губернатор генерал-поручик Николай Лаврентьевич Шетнёв был единственным, кто попытался поначалу хоть как-то погасить конфликт (что, впрочем, как мы видели, не согласно было с желанием самого отца Феодора). Получив доношение, он тут же отправляет три письма:

отцу Феодору – с заверением, что во всём, касающемся собственно монастырской обиды, от него, губернатора, будет воеводе строго подтверждено, «чтобы он того отнюдь не чинил»; но и с разъяснением, что все прочие против воеводы обвинения, как-то: взятки с купцов и с уездных жителей, и иные утеснения, о чём-де сами обиженные показывать имеют, – отнюдь не входят в компетенцию Санаксарского настоятеля, ибо «государственными законами в дела, глас о себе имеющие, даже и фискалам вступать запрещено; повелевается же всякому о своих обидах бить челом и доносить самим, не примешивая других лишних дел», потому-де сами обиженные купцы и должны обвинить воеводу в челобитных своих; а кроме того, «не только вам, настоятелю, но и духовным правительствам в дела, принадлежащие до гражданского суда, указами вмешиваться не велено, почему оное ваше доношение и оставлено здесь без производства»;

воеводе Неёлову – с подтверждением: «оному монастырю никаких обид отнюдь не чинить, опасаясь в противном случае неупустительного ответа и штрафа»;

епископу Иерониму – с информированием о сути конфликта и своей губернаторской реакции на него, и с покорнейшей просьбой, чтобы «Ваше Преосвященство и со своей стороны сделали подтверждение ему, настоятелю, дабы он в некасающиеся до него дела не входил и не подверг бы себя под ответ или нареkanie».

Далее случилось – непоправимое.

Получив 4 января 1774 года письмо Воронежского губернатора, имея уже на руках жалобу воеводы Неёлова и объяснительную иеромонаха Феодора, епископ Иероним ничуть не медля пишет подробнейшее, на девяти листах, доношение в Святейший Правительствующий Синод, которое и отправляет 15 января (тем самым напрочь перечёркивая осторожное намерение губернатора не допустить выхода сего конфликта с местного чиновного уровня на столичный). Но не только обстоятельства *настоящего* дела выносит Владыка на рассмотрение высшего церковного органа. Он присовокупляет к нынешнему делу ещё одно – пятилетней давности: дело неоконченное, дело предрезостное, по которому обвинённого никак не должно было оставлять без примерного наказания. Давно лежало сие дело во Владимирской консистории без движения. Теперь – понадобилось.

Остановимся и возвратимся в 1768 год.

Мы видели, что преподобный Феодор созидал Санаксарскую общину на очень строгих, древних правилах монашеского жития. Основанием для этого он имел, во-первых, свой собственный опыт подвижничества, а во-вторых – своих учеников, доверившихся ему, желавших и способных к аскетическому подвигу. Это были прежде всего те, кто ушли в след его из Санкт-Петербурга, постриженные здесь в Санаксаре и составившие основу братства, прираставшего затем стремящимися испытать себя. Надо сказать, что любовь и наставническая забота Преподобного одинаковы были ко всем братьям, но требования к ним, конечно же, различались. Одно дело *бельцы* – послушники в мирском звании, – которые хотя и проходили такую же, что и вся община, *жестокую жизнь* (вспомним архимандрита Феодана), но ворота для тех, кто не вмещал сие, были отворены: Старец сверх меры никого не удерживал... И совсем иное – для тех, кто принял монашеский постриг, обещаясь, с помощью Божией, о претерпении мужественно и благодушно всякого злострадания, спасения ради души своей: таковых отец Феодор,

когда это необходимо было, врачевал безуступчиво и врачество употреблял – неласкательное. Требовалось здесь, по слову Апостола, непрестанное плоти распятие *со страстьми и похотьми*⁴³, требовалось здесь умирание для міра и всего, яже в міре, – и первым в подвиге был сам Старец, подавая пример, но и послушания при этом требуя совершенного. Знал, что такое *верность*: духовному отцу, а чрез него – Господу Иисусу Христу; знал, какие дары эта верность и это послушание содержат в себе: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе*⁴⁴, – и мы помним, что ответил Преподобный епископу Пахомию, когда Владыка пожелал взять от него тех, кто вверил Старцу свою душу: «сие отлучение будет для них не без прискорбия и вреда». Так заботился и так отстаивал своих чад.

Дело, которому епископ Иероним дал ход, случилось при его предшественнике – Павле, епископе Владимірском и Муромском.

26 июля 1768 года епископ Павел получил из Святейшего Синода указ «о распределении сверхштатных монашествующих в те монастыри, где до оных недостаток есть». Монашеские постриги строго контролировались Синодом и разрешались лично Императрицей. В монастырях имелись штатные расписания и, в зависимости от класса, значимости, *иного-прочего* – каждому определялось соответствующее количество монашествующих, сверх которого и постригать уже было никак не можно. Деятельные настоятели исхитрялись и постригали кандидатов из своей братии, как будто пребывающих в *других* монастырях епархии, где по скудости тамошней жизни имелись вакантные штатные места; постриженные как бы *там*, монахи по-прежнему находились *здесь*, – а там оставалась скудость и недостача. Таковая воистину *чехарда* могла быть разрешена чрезвычайно просто, для этого государственной власти, подмявшей под себя церковную организацию, надобно было взглянуть на дело духовно, – но где же было взять духовного видения бюрократической власти?

В августе настоятель Санакарского монастыря иеромонах Феодор получил из Духовной Преосвященного Павла консистории указ, в силу которого обязывался предоставить в распоряжение Владыки сверхштатных своих монахов. По расписанию в Санакаре полагалось иметь семь монашествующих. Имелось пятнадцать²⁶. Это были изначала его ученики. Это было ядро общины. И теперь ядро – расколоть? Никогда отец Феодор не пошёл бы на это. Но прежде чем ответить Владыке обоснованным отказом, Старец в трапезе при всей братии объявил о присланном из консистории указе и о своём решении не дать братство на изъятие; объявил, желая испытать учеников и услышать, прежде всего от монахов, ответные слова верности и поддержки. И услышал эти слова от всех – кроме двоих. Иеромонах Венедикт и иеродиакон Пармен – из петербургских ещё учеников, из Преображенских гвардейцев, – выразили желание воспользоваться указом и

²⁶ Могло быть много больше; преподобный Феодор дважды обращался в Синод с просьбою о прибавке штата монашествующих до *тридцати* человек, но оба раза получал отказ, да и с угрозою за назойливость: «чтобы впредь излишних монахов не домогался и Святейшему Синоду о том отнюдь не представлял; чего ради велено Санакарского монастыря настоятелю за таковой его дерзновенный и законам противный поступок учинить выговор, с таким подтверждением, чтоб он впредь от таковых несходных с законами поступков воздержался, в чём и обязать его подпискою...»

покинуть обитель, жизнь в которой сделалась им *несносной* по причине установленных настоятелем продолжительных церковных служб, кои «по немощам и слабости здоровья они и прежде с великою нуждою исполнять могли, а ныне перенести уже и вовсе никак не в силах». Было ли случившееся неожиданным для Преподобного? Не для того ли и объявлял при братстве, чтобы наконец обличить давно втайне вызревшее непокорство? И применить горький пластырь – в назидание прочим. За формальными строками канцелярских доношений – как узнать, что там происходило и прежде всего в душе каждого? Чуть позже, оправдываясь пред консисторским начальством, Венедикт и Пармен проговариваются: настоятель, в ответ на желание наше выйти из обители, «сказал нам, что увидите-де, какая вам последует свобода». Вот оно что: не в длительных службах церковных было дело, долгие службы, строгий устав, *жестокая жизнь* – были изначально, будут и далее, покуда преподобного Феодора не удалят из Санаксара, – Венедикт и Пармен проживут в монастыре ещё много лет, а первый из них в 1778 году даже настоятельства добьётся... Дело не в телесных немощах, проблема была, вероятнее всего, духовная: несносным стало им иго послушания, захотелось сбросить его, захотелось *свободы*... Искушение было серьёзнейшим, серьёзнейшее требовалось и врачевство. Старец понимал это.

Мы воздержимся от дальнейших домыслов. То, что Старец ещё увещевал их, из документов явствует. Но чем утверждали они своё упрямство? Немощи телесные – разве причина?

За противность общему братскому согласию, за немирствие, за нежелание покориться настоятелю и духовному отцу последовала обоим виновникам строгая епитимия: Старец лишил их братской трапезы и отстранил от священнослужения – ибо с таковым духом противления не следует и приступать к алтарю Божию.

Сам же уехал во Владимир к епископу Павлу.

Формальным обоснованием своего отказа отдать монахов был для отца Феодора тот самый, добытый у Императрицы чрез приближённых к ней лиц и спасший ещё недавно Санаксар от исчезновения, указ от 10 августа 1764 года, которым Самодержица повелевала: «пустыню Санаксарскую оставить в числе прочих... и быть в ней тем монахам, которые ныне в той пустыне находятся...» Правда, тут же в указе говорилось нечто противоположное: «...а впредь во оной пустыне содержать толикое монашествующих число, сколько оных по учинённому в Комиссии расписанию в безвотчинных монастырях и пустынях быть повелено». И вот *повелено* было по расписанию содержать семь человек; но, с другой стороны, ныне имеющиеся пятнадцать – пострижены были *до* Высочайшего этого указа и тоже по повелению Императрицы... Как бы там ни было, епископ Павел не решился что-либо возразить и вынужден был согласовывать последующие действия с *вышней командой*: он отправил доношение в Московскую Святейшего Синода контору, из которой стал ждать ответ. А отец Феодор выехал назад в Санаксар.

Здесь он нашёл, что чада его, Венедикт да Пармен, отнюдь не смирились, а наипаче явили пагубное своеволие. Покуда не было в обители отца настоятеля, они убежали – и тоже во Владимир, чтобы самолично представить архиерею желания свои и доводы. Там они письменным доношением поведали Владыке о *несносности* жизни под водительством

иеромонаха Феодора и просили усердно забрать их из Санаксара – хоть, например, во Флорищеву пустынь, где (скажем от себя) как раз назначен был настоятелем иеромонах Вениамин: их сопостриженник, взятый в своё время Тамбовским архиереем Пахомием, а ныне переведённый во Владимирскую епархию. Но Владыка теперь уже сам должен был объяснять им, ссылаясь на тот же Высочайший указ от 10 августа... и т. д., – и велел возвращаться в Санаксар и ждать, во всяком случае, ответа из Московской конторы; отцу же Феодору будет строго указано, что отстранение их от священнослужения есть отнюдь не его право, а епископское, так чтобы он, под угрозой штрафа, впредь себе таковых дерзновенных поступков отнюдь не позволял...

С тем отпустил Владыка двух жалобщиков.

Известно: раз поддавшись самочинию и глотнув *свободы*, трудно остановиться. Теперь уже послушались они и Владыку и, вместо возвращения на покаяние в обитель, пустились бежать дальше – в Москву, чтобы в конторе Святейшего Синода доказывать о телесных своих немощах. Возвращены они были во Владимир из Москвы под крепким караулом 5 ноября. С ними прибыло и разъяснение Владыке о том, чтобы сверхштатных монахов в другие монастыри из Санаксара не переводить.

И вот тут-то епископ Павел поступил по букве Духовного регламента (да, возможно, и по своему интересу), а не учёл, что настоятель иеромонах Феодор может в ответ поступить в ревностном духе старчества.

Двух послушников своего архиерейского благословения епископ Павел наказал примерно: отослал обоих на год во Флорищеву пустынь в монастырские работы и в череду священнослужения, с тем чтобы по окончании епитимии возвратиться им назад в Санаксар, – о чём указом известил настоятеля иеромонаха Феодора с братией.

И вот это-то решение Владыки было для отца Феодора полной неожиданностью. Что же это за *врачевство* – когда отец духовный отстраняет своих чад от служения и лишает трапезы, заключая на епитимию в месте, где давали они *обещание*; архиерей же, напротив, отправляет служить – да туда, куда они же и хотели своевольно, оставляя им при этом и немирствие их, и непокорность!

И что же с ними там будет?

И отец Феодор тотчас пишет Владыке ответ, выражая совершенное своё несогласие.

«Вы, Ваше Преосвященство, – пишет он²⁷, – поступили не духовно, а совершенно в потакание страстям их; оные иеромонах и иеродиакон приняли намерение к отбытию из Санаксарского монастыря, презирая моё настоятельское к ним увещание; по таковому их непокорению и от церковной службы мною отрешены на время. Вы же отослали их во Флорищеву пустынь, точно, в угодность их, и в том по всему сделана неправда – как указам противная, так и законам духовным весьма незаконная. Того ради прошу Ваше Преосвященство оных иеромонаха и иеродиакона прислать обратно в Санаксарский

²⁷ Подлинники рапортов преподобного Феодора по данному делу нами не обнаружены; но епископ Иероним в своём доношении в Святейший Синод тщательно цитирует все характерные обороты речи Преподобного, – этим доношением, а также оригиналами указов из Владимирской Духовной консистории, в которых, по правилам тогдашнего делопроизводства, дублируется основное содержание рапортов Санаксарского настоятеля, мы и пользуемся.

монастырь (у епископа Иеронима в доношении: “требовал вернуть”) или меня, для просьб об этом, отпустить в Святейший Правительствующий Синод или в Московскую Святейшего Синода контору...»

Из Духовной консистории настоятелю иеромонаху Феодору на таковой его репорт последовал строгий указ, с угрозою:

«Ты, настоятель, оказываешь к команде Духовной консистории, а особливо и к архипастырю своему не только явное неподчинение, но и совсем точное презрение; потому что всегда виновные в подначальство и работу ссылаются в отдалённые места, а не туда, где кто находится; и если б те иеромонах и иеродиакон в свой же монастырь отосланы были, то и епитимия им ни за что казаться б могла, потому что они в том же почти, как и прежде, имелись бы состоянии. А как ты, настоятель, вышеобъявленное об отсылке тех иеромонаха и иеродиакона для исправления временной епитимии во Флорищеву пустыню учинённое в консистории определение и последовавшую на то от Его Преосвященства конфирмацию²⁸ называешь презрительно, якобы оные учинены в противность правилам и указам (а каким именно, того не объявляешь), то сам чрез то себя явно показываешь, что ты посылаемыми от команды, а особливо от архипастыря своего повелениями не только не доволен, но, оные презирая, чинишь поносительные укоризны. Ибо как по слову Божию начальникам и наставникам надлежит повиноваться, а по Апостольскому 55 правилу к епископам никакого досаждения употреблять запрещено, так и в гражданских правах, а именно: в воинских 21, 27, 28 и 29 артикулах²⁹, генерального регламента в 54 главе и в Именном 1724 года января 20 дня указе, – повелевается, с жестоким притом подтверждением, дабы пред командирами и повелениями их никакого ослушания чинить не дерзали; а притом генерального регламента в 55 главе и указе 1764 года сентября 13 дня точно запрещено, чтоб никаких поносительных слов в репорты включаемо не было. И если б тех государственных прав, а особливо и слова Божия силу и содержание ты, настоятель, разуместь и в памяти содержать незабвенно мог, то бы против команды, а особливо и к архипастырю своему такового презрения и укоризненного поношения в репорт включать никак не отважился бы. А хотя тебе, настоятелю, о показанных иеромонахе и иеродиаконе представлять что-либо и рассудилось, то однако же чинить надлежало с почтением и учтивостию, как о том в вышепомянутых государственных правах узаконено неотменно. Что же касается до учинённого тобою, настоятелем, означенным иеромонаху и иеродиакону в священнослужении запрещения за единое только их якобы из монастыря к отбытию намерение, то и оное тобою сделано в явное архипастырю своему презрение; ибо хотя бы они и в важных каковых винах оказались, однако о том надлежало представить архипастырю своему, потому что запрещение в священнослужении, по содержанию 39 Апостольского правила, единственно во власти состоит епископской. Того ради, за всё вышеозначенное твоё с явным против команды, а особливо к архипастырю своему презрением и непокорностию дерзновенное представление, в чём твоя точная состоит винность, подлежал бы ты

²⁸ *Конфирмовать* – утверждать подписью постановление, решение, приговор (Словарь В. Даля).

²⁹ Знают отлично в консистории биографию иеромонаха Феодора Ушакова!

суждению и неотменному штрафу; однако, как видно, всё то учинёно тобою больше от нерассудного домогательства, чтобы те иеромонах и иеродиакон никуда для епитимии кроме своего монастыря не были бы отосланы, – так в рассуждении этого (и что ты, настоятель, чрез вышеписанный указной тебе выговор можешь прийти в должное в погрешности своей очувствование) штраф тебе впредь до рассмотрения поудержать, с таким притом подтверждением, что если ты и вышеписанное оказанное тебе снисхождение пренебрегёшь и в таких же дерзновениях впредь виновным окажешься, то уже в таком случае – по силе правил и указов – суждён и штрафован всенепременно быть имеешь. А как и увольнению тебя в Москву и в Санкт-Петербург никакой законной нужды не усматривается, то и в этом тебе – отказать.

[Подписал] Иринарх, игумен Боголюбовский».

После грозного сего от начальства окрика Старцу впору бы замолчать (или, как присоветовали ему: *очувствоваться*). Но речь шла не о нём, в беде были духовные чада, скривившие свой путь, поддавшиеся наваждению бесовскому, в котором им ещё помогли... Очевидно, что многое и открыто было Старцу в судьбах тех, за кого он бился столь неуёмно и горячо. (Да вот же: как выяснится в итоге, отец Венедикт – нагляднейший тому пример...) И преподобный Феодор отправляет, января 7 дня³⁰ 1769 года, в консисторию ещё один свой репорт, пытаясь достучаться сквозь формально безукоризненную толщу *правил и указов*.

«...А в репорте том он, Феодор, пишет (цитируем доношение епископа Иеронима), что виновным себя не признаёт. Понеже Апостольское слово и гражданские указы приказывают покорным быть и послушным к пастырям таким, которые хранят Божии законы и порученных им содержат законно, а не к таким пастырям, которые идут противу законов Божиих и судят совершенную неправду, о каковых уже тот же Апостол не так говорил, когда приведён был пред архиереем Ананией и повелено его [Апостола] незаконно бити во уста. Тогда что́ он сказал архиерею тому? *Бог имать бити тя, стено повапленная; седиши судя ми по закону, преступая же закон велиши, да бьют мя*⁴⁵. Так по тому слову Апостольскому к неправедному архиерейскому суду, аще бы кто и бити его, Феодора, незаконно восхотел, благовременно б было и ему то Апостольское слово рещи: что *Бог имать бити тя, стено повапленная*. Означенным же иеромонаху и иеродиакону учинена епитимия незаконная и ложная, к самовольству желания их; а когда бы они присланы были на своё место для исправления епитимии, то б она им паче чувствительна была, если б их за грехи от священнослужения запрещением и церковными поклонами утрудить, а к тому ж и содержанием в цепи на время смирить. И таковым он, настоятель, архипастырским неправедным судом весьма недоволен. А понеже пастырь не презрение своё взыскивать должен, но смотреть, совершенную ль он сделал правду, то сим неправедным судом и сам уже себе презрение наносит, и не яко пастырь бывает, но паче и губитель овец Христовых. А священнослужение на время тем иеромонаху и иеродиакону удержано того ради, что они незаконным своим ко отлучению положением – ему, настоятелю, и всему братству стали быть уже враждебны, с коими для той вражды по

³⁰ На второй день Святого Богоявления, когда празднуется Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

законам духовным и по слову Христову *о неприношении дара без примирения*⁴⁶ во общей службе и быть стало невозможно, от каковых враждебных и беззаконных и Апостол отлучатися повелевает, и *ниже с ними ясти*⁴⁷. Он же, настоятель, по благодати Божией, данной ему, в чине священства состоит, а по духу им отец; и данною ему от Бога властью может он их на время запретить и разрешить, а потом и главному пастырю, если нужда следовать будет, предложить. А как-де усматривается им, Феодором, что суд Преосвященного Павла единственно токмо своё презрение взыскивает, а не правду, то таковым судом он, Феодор, и недоволен. И просил, чтобы о том на рассмотрение представить вышней команде, где бы он должен с Его Преосвященством иметь суд, а не по насильственной власти несправедливые штрафы, в которых не суд, а насилие быть может, и не пастырство, но паче разбойство...

Но только обо всём вышеписанном от Преосвященного Павла *тогда* никакого представления в Святейший Синод не было», – резюмирует епископ Иероним.

Не потому ли не было (добавим от себя), что Преосвященный Павел почувствовал-таки в совести некую перед преподобным Феодором свою неправду? – Спустя полгода, в августе 1769-го, епископ Павел скончался. И дело о дерзостном поступке Санаксарского настоятеля положено было в Духовной консистории под сукно.

В январе 1774-го новому правящему архиерею Владимирскому и Муромскому давнее дело это *почему-то* пришлось кстати.

Доношение епископа Иеронима слушано было в Святейшем Правительствующем Синоде 12 февраля. Слушание для присутствующих членов Синода не вызвало разногласий. Поступки Санаксарского настоятеля – и противу епископа Павла, и в обличение воеводы Неёлова – Святейший Синод признал «весьма дерзновенными и не токмо духовному его сану и должности нимало не принадлежащими, но и святым правилам и государственным законам крайне противными», и РАССУДИЛИ: «его, Феодора, за одни только пред духовною своею командою дерзновения и непокорение – *лишить настоятельства и священства*; но как сверх того... он отважился, пришед в градскую ратушу незнаемо для какого совету, собрания всего народа требовать, а в Темниковской воеводской канцелярии во время присутствия воеводу, яко градоначальника, грабителем и разорителем укорять и, неудовольствуясь тем несходным с законами поступком, доношением к Воронежскому господину губернатору отзываться (каковые видимые его беспокойства не до Святейшего Синода, но до рассмотрения Правительствующего Сената надлежат), – того ради и благоволил бы Правительствующий Сенат о том учинить надлежащее рассмотрение и определение, и что учинёно будет – о том Святейший Синод уведомить, дабы по тому и Святейший Синод на основании законов решительное определение о нём учинить мог.

[Подписали:] Гавриил [Петров], архиепископ Санкт-Петербургский; Иннокентий [Нечаев], архиепископ Псковский; Платон [Левшин], архиепископ Тверской; Андрей [Михайлов], протопоп Гвардии Преображенский; обер-секретарь Аполлос Наумов».

Итак, отправлено было *ведение* по делу «Санаксарского монастыря о настоятеле Феодоре» в Правительствующий Сенат, но слушано оно было в 1-м департаменте Сената

лишь 15 мая³¹; в ответном в Святейший Синод ведении сообщалось: «что поступки означенного Феодора с Темниковским воеводою и тамошними гражданами и Сенат со своей стороны видит столь дерзновенными, что его, *яко человека безпокойного* и причиняющего в обществе беспорядки, без должного по законам наказания отнюдь оставить нельзя; однако ж поелику Святейший Синод определяет его лишить только настоятельства и священства, а исключается ли он, Феодор, из монашества, о том Правительствующий Сенат не уведомлён, то к точному о его поступках рассмотрению и ко учинению о нём определения в гражданском правительстве и не можно приступить прежде, пока Святейший Синод не определит оного Феодора, лиша монашеского сана, прислать к светскому суду».

Всё и всем ясно было до предела. Вины Феодора для всех были очевидны. Но: монашество получил он по Высочайшему соизволению вечно блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны; настоятельство да и сам нынешний статус Санаксара бытие имели в силу Высочайших указов Ея Императорского Величества Екатерины II Алексеевны, Самодержицы Всероссийской... да был же он к тому ж и дворянин, – нужда требовала составить аккуратный (правильный) Всеподданнейший доклад; тем более что по линии Сената двинулась уже к Ея Величеству должная информация: статс-секретарь Императрицы, господин тайный советник, сенатор и кавалер Григорий Николаевич Теплов потребовал от канцелярии Святейшего Синода справку для донесения на Высочайшее имя: «на каком основании во Владимирской епархии Санаксарская пустыня до состояния штатов была и по учреждении оных ныне находится? Какие прошения от настоятеля оной, о прибавлении монахов в ту пустыню, в Святейший Синод были? Какие на то из Святейшего Синода последовали резолюции? Какое о нём самом, настоятеле Феодоре, ныне в Святейшем Синоде дело имеется и что по оному последовало?»

И чиновники Синодальной канцелярии принялись за работу³².

Между тем за тысячу вёрст от Санкт-Петербурга Темниковский воевода Василий Неёлов продолжал чинить Санаксарскому монастырю «утеснения и обиды», будучи, как видно, уверенным в своей безнаказанности.

³¹ Разрыв в три месяца между слушаниями чем объяснить? Разве тем, что в это самое время страшно разрасталась *пугачёвщина*, охватив Заволжье, Урал и грозя взятием Казани. Правительствующему Сенату было *не до Феодора*.

³² Святейшему Синоду, как детищу Петра Великого, опыта в угождении государственной власти было не занимать. А после десятилетней давности позорной расправы над своим собратом священномучеником Арсением, митрополитом Ростовским и Ярославским, – что́ были теперь для Синода какие-то *частные* правды какого-то иеромонаха!.. (Когда познакомишься с материалами судилища, вообще всего последовательного умучивания святого митрополита Арсения и видишь, как тогда показали себя: Императрица Екатерина II, подобострастные её угодники, а также, увы! архиереи, большинство из которых втайне сочувствовало собрату, возвысившему свой голос против беззаконий, но не имели при этом ни его крепкой веры, ни его мужества, – испытываешь стыд, но и отрезвляющее знание о реальной истории государства и земной церковной организации.) По своему *духовному темпераменту* преподобный Феодор имел немалую общность со священномучеником Арсением. То же безстрашное отстаивание правды Божией, не взирая на лица.

Надо сказать, что епископ Иероним, отослав доношение в Святейший Синод, конечно же, уведомил об этом Воронежского губернатора генерал-поручика Николая Лаврентьевича Шетнёва, но перед Темниковским градоначальником, а тем более Санаксарским настоятелем отчитываться отнюдь не намеревался, и потому конфликтующие стороны оставались в неведении, что дело их уже разбирается в высших чиновничьих кабинетах.

В начале марта письмом к Воронежскому губернатору отец Феодор вновь сообщает о продолжающихся от воеводы притеснениях и безчинствах.

«Высокопревосходительный генерал Николай Лаврентьевич, нам, убогим, милостивый государь!

Вашего Высокопревосходительства писание мы, убогие, получили, в котором между прочим объявляется, что о собственных наших обидах к Темниковскому воеводе Неёлову от Вашего Высокопревосходительства ордером подтверждено; однако не только мы на свои обиды от того воеводы удовольствия никакого не получили, но наипаче ещё принял ныне он свою злобу, и нападать и утеснять нас старается.

Сего года в феврале месяце, взяв пленных турок тринадцать человек³³ из определённого им от купечества особливому дому и миновав все в городе обывательские дома, прислал с оными турками сержанта и трёх солдат на состоящее наше в Темникове монастырское подворье; и не объявив нам, настоятелю с братией, означенные сержант с солдатами и турками на оный монастырский двор пришли с великою наглостию, так что послушник, для смотрения того двора от монастыря определённый, от страха принуждён был заложить у сеней двери, и означенный сержант с солдатами и турками, взяв бревно, двери эти разбили. И такую наглостию вошли, подобно как разбоем, без всякого по указам пристойного объявления. И ныне живут в том нашем монастырском доме пленные турки, отчего мы в нужных в город приездах терпим великое утеснение. Притом же он, воевода Неёлов, прежде сего времени чинил в городе с барабанным боем публикацию, чтоб монахи рукоделие своё в городе не продавали; каковое его запрещение до его должности, конечно, и не следовало, понеже мы состоим под духовною командой, – но во всём он, воевода, не иное намерение чинил, как токмо чтобы нам сделать обиду и утеснение.

От сего, Ваше Высокопревосходительство, изволите усмотреть, какая неукрощённая злоба у него на людей, которые и не под его командой состоят. Что же думать можно о прочих бедных, которые уже содержатся его воеводскою командой? Тут уж весьма пристойно сказать, что и *гласные стали быть безгласными* за страх такого человека, который и утесняет, и разоряет. И воистину так, как пред страшным Судом Божиим сказать, что многие бедные от неприязни той утеснены и разорены, и в крайнюю нужду приведены. Почему я, как на себе такую нужду чувствуя, так и о прочих бедных болезнуя, и принуждён воеводу того представлять ныне таким человеком, каков он есть в своём состоянии.

³³ Не забудем, что с 1768 года шла Русско-турецкая война, завершившаяся 10 июля 1774-го подписанием Кючук-Кайнарджийского мира.

Ваше же Высокопревосходительство покорнейше просим означенных турок с монастырского подворья приказать свести и по представленному нашему доношению резолюцию учинить. В прочем пребудем о Вас богомольцы.

Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор.

Вашему Высокопревосходительству всенижайшее поклонение приносим».

И опять должен был Воронежский губернатор ордером от 24 марта «строжайше подтвердить» воеводе, чтобы турок с подворья монастырского свёл, монахам рукоделия продавать не запрещал и более чтоб монастырю обид никаких не делал, – о чём уведомил запискою и Санаксарского настоятеля, обращаясь к нему: «Честнейший отец иеромонах Феодор!»

Но ещё прежде получения ответной этой записки отец Феодор, видя, что дело сие всё ходит и ходит по губернскому кругу, ничем не разрешаясь, составляет доношение уже на *Высочайшее имя* и 3 апреля подаёт оное (чрез знакомого благодетеля своего, тоже генерал-поручика Василия Ивановича Стрешнёва) Воронежскому губернатору, – желая, должно быть, убедить его действовать же наконец решительней: своею, губернаторской властью, ибо в противном случае не миновать им всем Монаршего суда (который и без того уж грядёт...).

И вот только теперь, прочтя подписанное Санаксарским настоятелем доношение «ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ГОСУДАРЫНЕ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ», губернатор, кажется, окончательно понял, что иеромонах Феодор действительно настроен довести до справедливого суда дело о безчинствах воеводы Неёлова и надобно и самому губернатору переходить от *ордеров и записок* к решительным действиям. Тем более что воевода, на «строжайшие и накрепчайшие подтверждения» губернаторские, в ответах своих изворотливо всё и вся отрицая, запутывал весьма ловко многомесячную сию переписку; и уже выходило из его оправданий, что это сам Санаксарский настоятель напраслину возводит на Темниковского градоначальника... и Неёлов усиленно и нижайше просил Его Высокопревосходительство «от нападений и напрасной обиды защитить и милостивое рассмотрение в том учинить»!.. Нет, надо было губернатору начинать разбирательство и местный вершить суд. (А знал: ещё в январе из Владимирской консистории отправлено о деле сем в Санкт-Петербург, и ответа нет до сих пор, и как бы не вышло теперь у него *противоречия*...) Ох, сложно чиновнику в государстве, где над законами нравственными, над совестью – довлеют указы, параграфы и пункты! Не желательны, ох не желательны потрясения, но что-то ведь делать надо? И губернатор снова и снова перечитывал бумагу, поданную ему для передачи к Высочайшему следствию:

«...Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор на Темниковского воеводу надворного советника Василия Васильева сына Неёлова... Понеже как закон общественный, так и права Вашего Императорского Величества одолжают нас усматривать обществу вредительные случаи и всеми мерами стараться оные искоренять, дабы чрез таковые как душевная, так и телесная жизнь общества не могла б разориться... потому и я, настоятель, усмотря обществу немалое повреждение от Темниковского воеводы... представляю его не как правителя человеческому состоянию, но как грабителя

и разорителя и Божественного закона и Вашего Императорского Величества правам совершенного вредителя...»

Но и правящего архиерея обойти никак нельзя было, – и губернатор пишет епископу Иерониму: «...прилагая с оного доношения копию, Ваше Преосвященство прошу, призвав реченного доносителя иеромонаха Феодора, какие и кому именно от Темниковского воеводы причинены грабительства и разорения, также Божественному закону и государственным правам в чём повреждение есть, велеть, на основании Генерального регламента 19 главы и о форме суда 1723 года ноября 5 дня указа, подать *другое доношение* – с ясным свидетельством и крепким доказательством. И с этим доношением и его, иеромонаха Феодора, благоволите, Ваше Преосвященство, доставить ко мне. А я...» – и губернатор, наконец, пишет то, о чём надо было писать ещё в декабре, а не теперь, в начале апреля: «Я, получа оное, исследовать и законное решение сделать не оставлю».

Через месяц, 6 мая, из консистории Преосвященного Иеронима послан был с нарочным к Санаксарскому настоятелю соответствующий указ, во исполнение которого отец Феодор и выехал к губернатору в Воронеж, взяв с собой послушника Фёдора Соколова (эту-то поездку вспоминал на склоне лет архимандрит Феофан).

Как и что там происходило в Воронеже – подробностей мы не знаем; да ведь и невозможно было уже ничего изменить! Именно в это время и, может быть, в эти самые дни поднесён был Ея Императорскому Величеству от Святейшего Синода Всеподданнейший доклад, в первых строках которого объявлялось: «Санаксарского монастыря настоятель иеромонах Феодор оказался во многих непорядочных и противных святым правилам и государственным законам поступках»; затем следовало по пунктам перечисление всех этих поступков и дерзостей, суждение Синода о лишении настоятельства и священства за непокорство пред духовною командой; суждение Сената о желательности лишить и монашества, дабы предать гражданскому суду, яко человека беспокойного и причиняющего в обществе безпорядки, – «но понеже оный иеромонах как в монашество в 1748 году пострижен из дворян по Именному блаженныя и вечной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, так и начальником в Санаксарском монастыре находится по Именному же Вашего Императорского Величества августа 10 дня 1764 года Высочайшим указам, то Синод ко исполнению вышеписанных определений приступить собою не может, а предаёт всё оное на Всевысочайшее Вашего Императорского Величества соизволение»...

Это последнее со Старцем путешествие в Воронеж и обратно запомнилось послушнику Фёдору Соколову двумя особенными встречами.

В тридцати верстах не доезжая Тамбова, в селе Большая Талинка, останавливались они у духовного сына преподобного Феодора – диакона Михаила Никифорова. Десять лет минуло, как овдовевший отец Михаил с малолетними детьми возымел желание удалиться в Санаксарский монастырь, и преподобный Феодор ходатайствовал за него; но тогда из Духовной консистории Преосвященного Павла последовал отказ: «по причине узаконенных штатов». За эти годы вокруг благочестивого диакона, искренне преданного Старцу и строго исполняющего все его наставления, образовалась община мирян: «старых и юных, жён и дев – великое число». И вот теперь, при встрече, такую они показали к отцу

Феодору любовь и усердие, что когда говорил им поучение, то все плакали; а когда выезжали мы от них (вспоминал архимандрит Феофан), то провожали его со слезами и приносили в напутие, по усердию своему, кто что мог, и полагали при ногах отца Феодора.

Эти живущие духовной жизнью простые поселяне меж собою имели согласие и любовь – паче родных; малоимущим помогали, снабжая всем необходимым: отчего между ними и в содержании домашнем было довольство. Пьянства и разных безчинств в их селе не было; ни песен мирских, ни игрищ, ни гор, ни качелей. Но церковь Божия всегда наполнена была народом, приносившим Господу Богу от чистого сердца непрестанные моления.

Сего-то диакона Михаила и боголюбивую эту общину – завистливые злые люди, которых всегда раздражает святая христианская жизнь, называли *раскольщиками*, вводящими будто новое какое-то учение³⁴. Донесли Тамбовскому воеводе: диакон-де Михаил Никифоров вводит раскол, тем особенно, что поучает девственной жизни. Воевода представил епископу Тамбовскому Феодосию (Голосницкому) и просил исследовать сие дело. Прислали в Большую Талинку воинскую команду, забрали у диакона все его книги, и сам он взят был к Преосвященному. Рассмотрев книги, Преосвященный испытал и самого диакона: православно ли он учит? И после тщательного расследования сказал: «Ежели бы в моей епархии были все такие священнослужители, то я спасся бы их молитвами».

На обратном пути из Воронежа заезжали по Московскому тракту в Богородицкий Задонский монастырь, где с 1769 года пребывал на покое (*на смирении*, как тогда называлось) в великих подвигах и трудах святитель Тихон, епископ Воронежский³⁵. Три дня продолжалась между ними духовная беседа. Из уст учеников святителя Тихона слышано было: «что никому другому, кажется, не являл наш Преосвященный такого приветствия, как гостю сему – достоблаженному отцу Феодору; и какая происходила взаимная, духовной премудрости и глубины исполненная беседа – умам-де нашим непостижимая; и вот-де сладостнейшую какую видели мы *оказию*: важнейших особ, достопочтенных мужей и всяких гостей всякого звания, благоговейно беседующих, Преосвященный наш имел навык провожать из сеней в двери и до крыльца, – а отца-то Феодора изволил проводить чрез весь монастырь даже до святых ворот, и при прощении поклонение ему полагал, яко приятнейшему о Господе брату, даже в пояс».

Драгоценное свидетельство!..

Но мы о другом: *три дня* духовной беседы! о чём же была она? О чём говорят святые? Конечно же, о *едином на потребу*⁴⁸! Но не может быть, чтобы святитель Тихон в эти три дня не узнал у отца Феодора о причине поездки в Воронеж; не может быть, чтобы отец Феодор не открылся Святителю во всех подробностях происходящего дела, не поисповедовал тяготу свою, не испросил совета и вразумления. И не открыто ли было святому Владыке предстоящее собрату великое испытание: потому и провожал его *даже*

³⁴ Как тут не вспомнить Санкт-Петербургскую общину преподобного Феодора!

³⁵ Святитель Тихон (Соколов, †1783), епископ Воронежский, Задонский чудотворец, память 13 августа.

до святых врат и полагал ему особое поклонение... Больше они в земной жизни не встречались.

10 июня 1774 года тайный советник и кавалер Сергей Матвеевич Козмин пишет обер-прокурору Святейшего Синода статскому советнику Акчуруну:

«Государь мой Сергей Васильевич!

Ея Императорское Величество, прочитав доклад Святейшего Правительствующего Синода о настоятеле Санаксарского монастыря иеромонахе Феодоре, приказать мне изволила вам объявить, что Ея Величество повелевает: оното Феодора, лиша настоятельского и иеромонашеского звания, отослать, яко человека безпокойного, простым монахом в Соловецкий монастырь, препоручив начальнику оното монастыря неослабное за ним смотрение, о чём повелеть изволила вам Святейшему Синоду предложить».

Сие предложение слушано было Святейшим Синодом 16 июня; и ПРИКАЗАНО: «Преосвященному Иерониму, епископу Владимирскому, оното настоятеля иеромонаха Феодора из Санаксарского монастыря немедленно взять во Владимир и, объявя ему в консистории указ, настоятельского и иеромонашеского звания лишить; и истребовав от Владимирской провинциальной канцелярии двух человек солдат и подорожную на три, а обратно под солдат на две ямские подводы за указные прогоны, снабдя тех солдат надлежащею инструкциею, отослать его, Феодора, простым монахом за караулом в Ставропигиальный Соловецкий монастырь, в коем включая его, Феодора, в штатное число, поступать с ним, как означенным Именным Ея Императорского Величества указом повелено; а на ту отпаву прогонные деньги Преосвященному Владимирскому употребить, взяв из помянутого Санаксарского монастыря, а ежели в том монастыре того кошту недостаточно, то из положенной на Владимирский Архиерейский дом штатной суммы, и сколько употреблено будет, в Святейший Синод отрепортовать...»

Указ из Синода послан во Владимир 23 июня и епископом Иеронимом 5 июля получен. Тотчас отправлен был от Преосвященного в Санаксарский монастырь нарочный, который известил настоятеля иеромонаха Феодора, что надлежит ему *немедленно* следовать во Владимир, где будет объявлен ему указ Ея Императорского Величества о *лишении и ссылке*. Повторяем: известие это, скорее всего, было полной неожиданностью для Преподобного и его братства; он только что вернулся из Воронежа, где губернатор, взяв с него новое и обстоятельное доношение, отпустил его с миром (так следует из воспоминаний архимандрита Феофана); он расположился думать, что теперь губернатор свершит справедливый суд над *грабителем и разорителем народа*; отец Феодор, повторяем, скорее всего, не знал, что дело с воеводою давно уже подано в Синод и что, кроме дела этого с воеводою, припомнили ещё одно: с архиереем.

Предание сохранило загадочную подробность: «велено имение его в сундуках отпустить с ним, сделавши опись. Для сего прибыл из Арзамаса игумен Спасо-Преображенского монастыря Иоасаф. Но имения никакого не нашлось, и описывать у провождавшего нестяжательную жизнь было нечего. Отец Феодор показал своё имение: войлок коровьей шерсти, обшитый толстой холстиною; небольшую подушку, такую же шерстью набитую; шубу овчинную, мантию и ряссу, – и сказал: “Описывайте”».

Ну, что имение *в сундуках* разрешено было взять – это, очевидно, личное пожелание Преосвященного (в указах об этом ничего не находим), да и принято так было в подобных случаях... Но вот подробность: направлен был для описи не кто иной, как игумен Иоасаф из Арзамаса. Логика в этом, конечно, есть: Арзамас тоже входил во Владимирскую епархию, – но можно было и из Темниковского Духовного правления послать в Санаксар чиновников (намного проще было и, главное, дешевле). Пожалуй, что здесь последовала *иная логика*, не зависящая от желаний Преосвященного и имеющая смысл *искусительный*: напомнить старцу Феодору, что в начале монашеского подвига он был – *Иоасаф*.

В эти дни он прощался с обителью. Братии сказал: «Кто желает жить в Санаксаре, пусть остаётся здесь; кто не желает – выходите с благословением, кто куда хочет». (Так вспоминал архимандрит Феофан.) Сёстрам же в Арзамас – *бедным своим нищим* – отправил с доверенным братом письмо:

«Милость Божия да будет со всеми вами!

Ныне от вас следует моё отлучение, но вы о том, конечно, не печальтесь, понеже всё не без воли Божией совершилось, а мы не можем оной сопротивляться и не постигаем Божий о нас промысл; а более всего должно нам знать, что Божественные судьбы ведут нас к совершенному терпению, без коего нет нам спасения. Итак, не печальтесь, а радуйтесь, что до такой скорби благодать Божия нас доводит, тем более, что она пришла совершенно безвинно, а за одно обличение человеческого нечестия и вопиющей на Небо несправедливости, что мы по обязанности нашей всегда о том говорить должны, и не токмо страдать, но и умирать готовы. Хотя мы и страдаем, но за всё благодарим вышнюю благодать Господню и вас всех в сохранение Создателю поручаем. О содержании вашем братству приказано.

Иеромонах Феодор. Июля 12 дня 1774 года».

Преподобный Феодор был увезён из обители 14 июля. (Дату эту знаем точно – из келейной дневниковой записи Саровского строителя иеромонаха Ефрема: «того ж 1774 года отец Феодор Ушаков из Санаксара в Соловецкий вывезен июля 14 дня». Верим, что старец Ефрем и братия Саровской пустыни сопровождали преподобного Феодора в его скорбный путь – сердечным молитвенным состраданием.)

18-го он предстал в Духовной консистории пред епископом Иеронимом.

И вот здесь-то, когда зачитывали ему указ *Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Святейшего Правительствующего Синода*, в коем жёстким канцелярским слогом перечислены были все его *предерзостные* поступки: и 1768 года, когда, возмутившись духом, отстаивал пошатнувшихся чад своих, и нынешний, когда во всеуслышание обличил беззаконие и грабительство воеводы, – отцу Феодору вполне открылось, что нечестие мира сего (непостижимыми путями Промысла Божия) осталось *по видимости* торжествующим; а правда высшая, которая во всех этих поступках так ясно руководствовала им, – смиренно отступала в сторону... значит, так Богу было угодно.

И душа отца Феодора исполнилась уже совершенным покоем: как никогда за эти последние месяцы.

Ему объявили ещё, что *настоятельского и иеромонашеского звания он лишён* и что готов быть должен к отправке. На следующий день, 19 июля, он пишет сёстрам своей общины:

«Милость Божия да будет со всеми вами!

Ныне вам объявляю, что конечное моё от вас отлучение в обитель Соловецкую совершается. Но вы, прошу вас, о том не печальтесь, но совершенно полагайтесь на волю Господню, понеже что случается, то, конечно, не без воли Божией совершается. Я же не только тем не огорчаюсь, но паче радуюсь, что от многих печалей получил свободу и совершенное духу моему спокойство. Вас же всех поручаю хранению Божией.

Монах Феодор. Божие благословение да будет со всеми вами!..»

И прибавил: «Священство взяли, *но милости Божией не отняли!*»

Через два дня, 21 июля, в сопровождении «истребованных от Владимирской провинциальной канцелярии сержанта Лариона Худякова да солдата», имя которого осталось нам неизвестным, «по выдаче им прогонных денег из кошта Санакарского монастыря до Соловков на три, а обратно на две подводы», преподобный Феодор из Духовной консистории в Соловецкий монастырь был отправлен, о чём Преосвященный Иероним Святейшему Синоду 22 июля *благопочтеннейше* репортовал.

Сержант же Иларион Худяков, когда возвратился во Владимир, то представил тоже репорт в консисторию, в котором, во-первых, объявлял, что он «того Феодора до Соловецкого монастыря довёз и отдал архимандриту с распискою», а во-вторых, подробнейшим образом просчитывал путь туда и обратно – по вёрстам и по истраченным деньгам, – и выходило у него, что по таким-то и таким-то причинам (которые он теперь в репорте выставлял) денег санакарских, данных им на дорогу, в обратный путь не хватило, и потому «до Владимира на две подводы издержали они прогонных денег на тысячу двести четырнадцать вёрст из собственного своего кошту: *двадцать четыре рубля и двадцать восемь копеек*», каковые сержант Худяков и просил теперь ему выдать; о чём из консистории в Санакарский монастырь новому настоятелю иеромонаху Иоилу с братией соответствующий указ был отправлен.

...Вот и прочли мы эти скорбные страницы. Но не все. Был и иной, *сокровенный* смысл, над которым невозможно нам не задуматься.

Вспомним, что Российская Империя сотрясена была свирепым пугачёвским бунтом. Он начался в заволжских и приоренбургских степях в сентябре 1773 года и быстро набрал силу в среде мятежных Яицких казаков³⁶. Здесь всегда бывало беспокойно; но вот про меж подстрекателей и способных к бунту явился некто, назвавший себя «императором Петром III Феодоровичем», который вовсе не умер в Ропше (о том, что *убит*, в простом народе не догадывались), а чудесным образом спасся и теперь пришёл забрать законные права у преступной своей супруги. Этим самозванцем и был донской казак (из старообрядцев) Емельян Пугачёв, ещё недавно приговорённый к битью плетью и ссылке

³⁶ Я́йк – река и Яйцкий городок на ней после подавления бунта переименованы Императрицею в реку Урал и городок Уральск, дабы смыть самую память о пугачёвщине.

в сибирский Пелым на каторгу, но сбежавший из-под стражи в Казани. 15 октября Высочайшим манифестом извещалось всем о появлении самозванца; обольщённые призывались «отстать заблаговременно от преступного заблуждения». – А Пугачёв набирал силу. Недовольство народное государственными делами враз выявилось; низы, чернь, крестьяне – толпами переходили на сторону бунтовщиков.

Заволжье полыхало; меры правительства оказывались недостаточными. Была взята и сожжена Казань (хотя тут же и освобождена отрядом подполковника Михельсона), открывался путь на Москву (где «многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачёва»). И даже когда под натиском правительственных войск Пугачёв принуждён был отступать, «бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трёх злодеев, чтоб взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки грабителей и бунтовщиков: и каждая имела у себя своего Пугачёва...»

В июле (когда взят был из монастыря отец Феодор) Пугачёв «с необыкновенною быстротою» устремился через Алатырь и Саранск на Пензу, «отряжая во все стороны свои шайки...» 27 июля Пугачёв вошёл в Саранск. «Он был [с оказанием почестей царских] встречен не только чёрным народом, но духовенством и купечеством... Триста человек дворян всякого пола и возраста были им тут повешены; крестьяне и дворовые люди сбегались к нему толпами»...

Но довольно!.. Отсылаем читателя к трудам историков, прежде всего к пушкинской «Истории Пугачёва». Наша мысль о другом. Внимательно прочтём в воспоминаниях архимандрита Феофана Новоезерского:

«Я был свидетелем того, какой конец последовал с воеводою Неёловым. По прошествии только одной недели по взятии отца Феодора в Соловецкий монастырь, в город пришла Пугачёва команда³⁷; воевода ушёл из города с великою торопливостью, сколько можно было, забрав денежную казну. Однако, заехав в Санаксарскую пустынь, раскаивался, что погрешил пред отцом Феодором; и поспешно отправился в Шацкую провинцию. Но как он приехал в Шацк, не дав о себе знать, то произвёл в сем городе тревогу, ибо там подумали, что пришла Пугачёва команда. За сие, равно и за то, что оставил город, он был оштрафован... *Пугачёва команда разорила и разграбила Темников; а в Санаксар присылала [сказать], чтоб не боялись*. Я в то время из монастыря не уходил, другие же в немалом числе бежали в лес; и уже услышав, что команда Пугачёва в монастырь не будет, возвратились оттуда».

Выделенный нами фрагмент текста говорит слишком о многом. Как! разбойники, опьянённые пролитой человеческой кровью (и не только: в Темникове первым делом кинулись грабить казённый винный завод), с ходу разорили город, на виду у которого – в трёх верстах, в открытой пойме реки, как на ладони, – стоял монастырь, с уже отстроенным кирпичным собором, с братией до осьмидесяти человек, с настоятелем *из дворян*, у коего богатые вкладчики в Санкт-Петербурге и Москве... И вот пьяные

³⁷ Неточность памяти; бунтовщики явились в Темникове 9 августа.

безбожники не только не тронули, но ещё и послали успокоить монахов, чтобы те их не боялись!.. С чего бы это? Чем так неожиданно дорог стал бунтовщикам Санаксар? – Ну, конечно же, тем, что, ещё приближаясь к городу, узнали (да от тех же окрестных крестьян и прочего чёрного люда, о которых действительно печалился Преподобный отец), что буквально на днях здесь, вот в этом монастыре, за «народную правду» пострадал от Императрицы (против которой и выступили, и шли...) настоятель Санаксарский отец Феодор, заступник за утеснённую бедноту. Ненавистный воевода сбежал; а отец-то Феодор, за нас чрез него пострадавший, наказан ссылкой...

Мы не знаем: читая в начале июня доклад Синода, сообразила ли Императрица, что повсеместно встречается народ самозванца иконами и хлебом (а духовенство – с крестом, Евангелием и колокольным звоном) и падает пред ним на колени; что разбойное войско с каждым днём укрепляется страшно; что все принятые ею меры покамест не имеют значительного успеха; что Темниковский уезд на пути возможного продвижения мятежников; что Санаксарский настоятель Феодор Ушаков из Преображенских гвардейцев, и человек он – решительный: бежал из полка, пойман, прощён; что знал его в бытность наследником покойный Пётр Феодорович и о нём отзывался лестно (об этом, уж конечно, могла помнить); что теперь сей Ушаков возмущает народ и духовной команде своей – не подчиняется; и что, наконец, весьма нежелательно, чтоб и такие, как он, присоединялись к бунтовщикам. Таков ли был ход мысли Императрицы, – не ведомо. Но отправила она его – в Соловки, подальше от бунтующего региона. Немедля. На всякий случай.

Этого, кажется, так и не понял сам Старец. Через девять лет, в Санаксар возвращённый, он на вопрос кого-то из новых учеников, не знавших суть дела: *за что наказан был ссылкой?* – отвечал (цитируем по сохранившейся рукописи, вероятно, отца Иоанникия, вставляя от себя лишь пояснительные слова):

«Имелось дело моё с архиереем и с воеводою, якобы в порицании чести их, почему и должен бы с ними иметь суд; но только Святейший Синод всё в том рассмотрение оставил. Учинили доклад всемилостивейшей Государыне, и что хотели, то и представили, не требуя нас ни к какому рассмотрению. Должно бы иметь с воеводою рассмотрение, чтобы доказать: почему воевода есть грабитель, и подлинно ли так есть? И если бы в том было не доказано, то был бы повинен обличитель [т. е. сам отец Феодор] и достоин всякого наказания; а если бы в том грабительстве его [воеводу] доказал, то почему же обличитель виновен был в праведном том обличении? Не подобает-де в присутственном месте так говорить; и в том несправедное сие рассуждение, понеже есть государственные указы: если кто в присутственном месте кому бы то ни было ругательные какие слова сказал, то есть какие бездельные и скверно-бранные, то по указам велено с таковых штраф брать по десяти рублей, а не в ссылки посылать. А сей обличитель не бездельные и скверные слова говорил, а совершенно законные, нужные, то есть: грабитель, инако невозможно назвать как грабитель, – в чём и доказывать был должен. Такожде и с архиереем: понеже как архиерея называл, то объявляется; а по каким совершенно делам архиерейским то говорено было, о том всего обстоятельно не объявляется. А следовало быть и здесь рассмотрению: тогда если бы архиерей сыскался в неправдах своих обличён,

то не следовало ли и архиерею под наказанием быть? тогда бы и обличитель невиновен был, что несправедного по достоянию его назвал. А если бы не доказал в неправдах его, тогда поистине обличитель такой повинен был наказанию всякому, понеже безвинно честь его порицал. Вот, собственно, в чём надлежало быть рассмотрению; но только всё то пресечено, а единое рассуждают: надлежало бы де, никаких слов не говоря, представлять главной команде, – но сие рассуждение уже есть последнее, а прежде ещё подобает и по словам Христовым: обличить кроме главных судов; может быть, и без того учувствуют; а если же не учувствовал [обвинённый] и представил [к суду], тогда и надо рассматривать. А обличитель чём виноват, когда не было рассмотрения?»

Так-так; значит, должно было судиться. А если не захотели суда – надобно *по указам государственным* учинить: десять рублей удержать штрафа, а не в ссылки посылать...

Но представим на минуту: что было бы, ограничясь Императрица (а прежде – чиновники церковные и гражданские) указами государственными неукоснительно? Да быть бы Преподобному убитым лютою смертию, а обители разграбленной и сожжённой!..

Вот врываются в город разъярённые бунтовщики. Грабят винный завод. Жгут дома именитых. Убивают, насильничают, глумятся... Что отец Феодор? Бежал с братией в лес? Принял главного в мятежной шайке *государева полковника* (сам Пугачёв, как помним, с основными силами взял уже Саранск, Пензу, Саратов...) с крестом и Евангелием и молебствие отслужил о здравии самозванца?.. Это он-то? Дворянин? Бывший капрал Преображенский? У которого колья и рогатины по келиям братским розданы? А в братии – полтора десятка гвардейцев?..

Нет, какие уж тут леса. Тут, пожалуй, было бы другое...

Никогда не поверим, чтобы повторил он судьбу несчастного отца Исаакия, который принимал его в Сарове в феврале 1757-го³⁸.

Нет, зная горячий характер отца Феодора, видим теперь: что никак нельзя было оставлять его в Санаксаре с наказанием десятирублёвым штрафом; а надо было изымать – и поскорее, подальше, – тем сохранив жизнь ему, а обители целость, но и притом – с

³⁸ Бывший Саровский строитель иеромонах Исаакий, взятый епископом Тамбовским Пахомием на должность эконома Архиерейского дома, был затем возведён в сан архимандрита, управлял монастырями: Краснослободским Спасо-Преображенским и Казанским Богородицким близ Нижнего Ломова. В последнем и постигло его великое бедствие. «Когда Пугачёв со своими шайками прошёл Пензу, Инсар, Саранск, Нижний Ломов и Наровчат, ознаменовав путь свой кровию, огнём и смятением в народе, то при въезде в города и селения принуждал священно-церковнослужителей встречать его при колокольном звоне под именем “Императора Петра III”. Одни покорялись насилию, другие обращались в бегство». Но в Нижнеломовском Казанском монастыре Пугачёва приняли без всякого с его стороны принуждения: добровольно и с царскою честью... После укрощения бунта «настоятель Нижнеломовского монастыря с четырьмя иеромонахами пострадал за безпрекословное отдавание почести мятежнику. Архимандрит Исаакий, хотя сам доносил о своём проступке и просил прощения, но несмотря на то был на площади со своими соучастниками лишён священства и монашества, со снятием монашеской одежды, обритием головы и бороды». Скоро, однако, по прошению его на Высочайшее имя, был прощён: но без возвращения духовного сана, а только чтобы «проводить ему остаток жизни в простом монашестве, и быть в любом, по избранию своему, кроме бывшего, монастыре...» Монах Исаакий выбрал Троицкий Сканов монастырь в Наровчате, где и окончил жизнь.

полной мерой страдания, дабы и душа его, *яко злато в горниле*, очищена была вполне, придя в меру древних Отцов... Но свершить всё это мог лишь Тот, Кто всем и вся управляет, человецы же – орудия и рабы Его.

*Не суть бо совети Мои якоже совети ваши, ниже якоже путие ваши путие Мои, глаголет Господь. Но якоже отстоит небо от земли, тако отстоит путь Мой от путей ваших, и помышления ваша от мысли Моея*⁴⁹.

О жизни преподобного Феодора в Соловецком монастыре нам мало что известно; да и те немногие подробности, сохранившиеся в предании, требуют поправок и уточнения.

Прежде всего, читаем репорт Соловецкого архимандрита Досифея в Святейший Синод, в коем представлено: что «оный монах Феодор сего августа 28 дня из Духовной Его Преосвященства Иеронима, епископа Владимирского консистории при письменном сообщении в Соловецкий монастырь прислан за караулом, где и принят, и о содержании его, по силе Именного Ея Императорского Величества указу, исполнение чинёно быть имеет непременно».

Далее, исправим же, наконец, и то, что до сих пор сказывалось составителями жизнеописаний: будто бы преподобный Феодор, «находясь в самом строгом заточении, нуждался во всём необходимом». Современные исследователи договариваются даже, что «с исповедником правды Божией и обличителем неправды людской поступили как с самым закоренелым преступником...» Но мы видели из указов, что велено было монаха Феодора «включить в штатное число», то есть в братство Соловецкой обители, – а это уж совсем иной резон. Неослабное за ним смотрение «от начальника одного монастыря» требовалось и было; но «самого строгого заточения»?.. Постараемся всё же избежать необоснованных, хотя и не лишённых привлекательности легенд. Сохранились в архивах «ведомости и реэстры» Соловецкого монастыря за эти годы, в них находим, например, подписи *монаха Феодора* в получении жалования – 4 рубля 50 копеек (в графе «находящимся в разных послушаниях»); или же читаем имя его в списке монашествующей братии среди тринадцати человек «служебных»: то есть нёсших послушание при церковных службах?.. А то, что в Соловецком монастыре издревле была тюрьма для разных, в том числе и *закоренелых* преступников, – мы знаем³⁹. Был и свой гарнизон караульных солдат. В те 1770-е годы в казематах крепостных стен и башен томились действительно *в самом строгом заточении* такие выдающиеся лица, как последний кошевой Запорожской Сечи Пётр Кальнишевский, недавно сражавшийся против турок и удостоенный от Императрицы золотой, осыпанной бриллиантами медали, а затем вскоре (не без интриги князя Григория Потёмкина) ею же и обвинённый в «вероломном буйстве и оскорблении Нашего Императорского Величества» и отправленный в Соловки с приказанием содержать «безвыпускну и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения, за неослабным караулом находящихся в монастыре солдат»; или же, к примеру, капитан (впрочем, лишённый

³⁹ Упразднена в 1903 году, отдельный тюремный корпус, к тому времени в монастыре бывший, перестроен в больницу для монашествующих и богомольцев. – Через двадцать лет весь монастырь станет тюрьмою.

чинов и дворянства) Сергей Пушкин, приговорённый к вечному заключению за придумку некоего *инструмента* для изготовления фальшивых банковских ассигнаций. Но это уж совсем другие истории...

Конечно, претерпевал отец Феодор изнеможения от холодного с морскими ветрами, а главное, сырого тамошнего климата: «по крайней своей, имеющейся издавна немощи», то есть, очевидно, по бывшей у него лёгочной болезни (вспомним: навещающая сестёр общины, уже и тогда «случался у него сильный кашель от внутренней болезни, которую вынес из первых лет подвижничества, от безмерного в пустыне поста»); также страдал и от «великих бываемых в келиях угаров»: печи по обыкновению протапливались два, а то и по разу в неделю, печные вьюшки, ради сбережения тепла, закрывались рано, и непривычный к этому отец Феодор, бывало, так угорал, что «замертво износим был из келии и оттираем снегом». С первых же месяцев налажено было меж Соловками и Санаксарской обителью сообщение: стали посылать по двое из братии в помощь Старцу, привозили письма – от учеников, от сестёр общины из Арзамаса; бывало, правда, что посылались двое, – но встречи с Преподобным и жития рядом с ним удостаивался лишь один, второй неспособен оказывался к морскому плаванию – «и вспять возвращахуся...» Но и остававшиеся при нём – жили в отдалённых келиях: по причине ли неблагоприятия от архимандрита монастыря или же оттого, что «сам блаженный послужения себе не любляше». Эти детали сохранены в ранних житийных списках; мы им верим.

Впрочем, что же были для монаха-подвижника все эти *угорания*? Только Бога поблагодарить... Единственная и действительная скорбь его была – об осиротевшем братстве и *бедных нищих*.

Мы упомянули уже, что после удаления преподобного Феодора – настоятелем Санаксара стал иеромонах Иоиль. Сам ли Преподобный указал на него, братия ли избрала? Скорее всего, так. Собственно, священников тогда в обители осталось двое: Иоиль и – тот самый Венедикт. В начале 75-го вернулся из Флорищевой пустыни Вениамин. Был рукоположён в иеромонаха Игнатий... Жизнь обители продолжалась, но – какова она была без отца?

Многие и ушли. Ушёл послушник Фёдор Соколов, ушёл и Матфей Брюшков (в будущем схиархимандрит Макарий) – оба к старцу Клеопе во Введенскую пустынь близ Покрова. Дважды убегал (тоже к Клеопе?) и был возвращаем Преосвященным Иеронимом отец Игнатий; наконец, переведён во Флорищеву пустынь... Это лишь только из самых впоследствии славных и известнейших его учеников.

Но первое из сохранившихся писем преподобного Феодора из далёких Соловков было не к братии, а к настоятельнице Арзамасской общины Евдокии Ивановне, которая не в силах была справиться с неуёмным горем от внезапной разлуки; а ведь под её началом было более шестидесяти сестёр...

«Милость Божия да будет с тобою!

Письмо твоё получил, в котором слышу единственно вопль твоей печали о моём отлучении. Ты токмо чрез сие более прогневляешь Господа Бога; а я всегда тебе о том толковал, чтобы во всём была покорна Его святой воле. Да и как же ты воспротивишься Его определению? Много погресишь унынием и неуместною печалию. Пишешь, что постарайся взять свидетельство о твоём дворянстве, для свободного проживания: то

впредь хотя и можно, однако ныне ещё в том нужды не следует. Живи доколе на одном месте, меня ещё в ссылку не послали; да и тебе, друг, далече бродить за мною не след. Всем нам готовится вечная дорога; даруй Боже, чтоб ту нам прейти безбедно, да там быть вместе вечно, о том проси благодать Господню, а так много не крушись; может быть, по времени и всё пройдёт.

Монах Феодор. Божие благословение да будет с тобой!»

«Свидетельство о дворянстве для свободного проживания» – это не что иное, как *пашпорт*, дающий право законного перемещения в пределах России, а значит, поездки в Архангельск, в Соловки... Такой пашпорт Евдокия Ивановна получила 17 февраля 1775 года из Герольдмейстерской конторы Сената, его подписал «Двора Ея Императорского Величества действительный камергер и герольдмейстер князь Михайло Щербатов»⁴⁰.

Следующее из сохранившихся соловецких писем преподобного Феодора было *общее ко всем духовным чадам*; датировано июня 12 дня 1778 года...

В Санаксаре в это время происходили события, ещё более усугубившие скорбь и без того сиротствующего братства. Как отголосок имеем два консисторских указа, в коих выделим буквально несколько слов: *живых, говорящих* – в канцелярских этих документах. Из первого указа узнаём, что иеромонах Иоиль просит епископа Иеронима уволить его от настоятельства «за некоторыми от братии несогласиями»; и велено от Его Преосвященства к монашествующей братии, чтоб они того Иоиля *упрашивали*, дабы остался он по-прежнему настоятелем; «а если же не упростите, то на место его выбрали бы достойного иеромонаха, *кроме только Вениамина*, который за косноязычием к священнослужению неспособен»... Но позвольте! если против Иоиля *несогласия*, а Вениамин *неспособен*, то кроме Венедикта – и выбирать некого? Так и вышло. В следующем указе читаем, что братия, не уговорив Иоиля, «кой-де от правления своего начальства отказался», выбрали настоятелем Венедикта, а казначеем Вениамина, «кои оба к таким должностям достойны». Венедикт сам и привёз во Владимир к Преосвященному этот «братский выбор» и тут же приведён был к указной присяге. И велено ему «в смотреии над братией поступать как святых Отец правила, Духовный регламент и указы повелевают», монашествующей же братии приказано быть к настоятелю Венедикту во всём послушной (это понятно; но дальше – довольно неожиданное требование епископа Иеронима), «в чём и обязать братию подпискою, и ту подписку [покорности во всём к настоятелю Венедикту] прислать в консисторию»...

Не будем ни о чём, не вполне по скудости фактов обоснованном, говорить безпрекословно и утвердительно. Уважаем свободу мысли читателя; но, однако же, думаем, что произошёл в Санаксарском монастыре тихий переворот. Иеромонах Венедикт, который (с Парменом) давным-давно тяготился *жестокою жизнью*, какую ввёл

⁴⁰ Щербатов Михаил Михайлович (1733†1790), князь Рюрикович, государственный деятель «екатерининской эпохи», историк, публицист. Его перу принадлежит изданная в 18 книгах «История Российская от древнейших времён», а также знаменитое сочинение «О повреждении нравов в России», писанное им втайне для потомков и содержащее суровую оценку его времени. Впервые увидело свет лишь в середине XIX века, – разумеется, за границей. Некоторыми фактами из этого сочинения мы воспользовались.

в обители преподобный Феодор и в меру способностей своих продолжил Иоиль, – дождался своего часа. Думается, что благоволил этому и Преосвященный Иероним.

Эти «братские против Иоиля несогласия», – конечно, были не *общебратские*, но части братии, не знаем: большей ли, меньшей? – для которой тоже несносна стала *жестокая жизнь монашеская*, при отце-то Феодоре обласканная примером его подвига... его мудростью, любовью, конечно же... Теперь всё стало сложнее⁴¹.

Что же до «косноязычия и неспособности» к настоятельству в Санаксаре иеромонаха Вениамина, то напомним: восемь лет пред тем он был настоятелем Флорищевой пустыни и *там* – способен был вполне.

...Итак, вот это первое, *общее всем верным чадам*, письмо преподобного Феодора из Соловецкой ссылки:

«В духовной памяти живущим возлюбленным о Господе братьям и сёстрам, мир Божий и благословение!

Письмо ваше я получил, в котором чрез усердие ваше вижу любовь к милосердому Богу и к нам, убогим, о чём и радуюсь попремногу. И чрез то же паки слышу, что многие препятствия держат вас шествовать по пути спасительной жизни, и на оное я вам известую, что без креста невозможно дойти до Христа; но что же есть крест? Крест есть страдальческое и терпеливное житие. То оное есть, аще наведёт враг диавол несправедное некое человеческое утеснение иль презрение, поругание иль телесное болезненное озлобление, или какие другие нужные случаи, всё это надлежит терпеть без печали, даже и до самой смерти. Сие есть истинный крест христианский. И егда всё сие претерпим, тогда совершенно сообразны будем Кресту спасительному, то есть по всему уподобимся страданию Христову и болезням Христовым, о Нем же говорит божественный Апостол: *пострада по нас, нам оставь образ, да последуем стопам Его*⁵⁰. Так Предводитель наш и Спаситель Христос сим Крестом победил и низложил злого врага диавола, тем же хочет да и мы того побеждаем, почему нас и облагает Сам всемогущим оружием, глаголя: *аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет*⁵¹. Сие же есть, аще кто хочет по имени Его назваться христианином, *да отвержется себе*, то есть да отвержется человек всей воли своей, а должен токмо исполнить волю Создателя своего, и *да возмет крест*, то есть изготovit себя за исполнение воли Христовой ко всякому страдальческому житию, да *по Нем грядет*, то есть путь жизни сей грядет с таким страдальческим крестом. А кроме же сего [страдальческого креста] – врага того диавола победить и до Христа дойти невозможно, о чём и Сам Спаситель наш говорит: *в мире скорбни будете, но держайте, яко Аз победих мир*⁵², – и чрез сие означает нам Спаситель наш по всему страдальческому [пути] и нужное житие, оное есть – от Церкви Святой толкуется – крест. Мир же побеждать повелевает нам Христос: оное есть всякое земное сладострастное житие, еже есть собрание пожелания человеческой славы,

⁴¹ Иеромонах Иоиль после увольнения из Санаксара взят был Преосвященным Иеронимом в Архиерейский дом, но там пробыл недолго. А затем был наместником знаменитого Чудова монастыря в Московском Кремле. Перед кончиною, последовавшей в 1791 году, был некоторое время в братстве Троице-Сергиевой лавры, стоял «гробовым» у мощей преподобного Сергия... Погребён в Вифанской пустыни, принадлежавшей Лавре.

роскошное и по всему покойное житие, сие есть – толкуется – мир; миродержец же сих страстей есть диавол, он бо и князь мира сего называется, и сими страстями, то есть славолубием, сребролюбием и сластолюбием – побеждает и низлагает ленивых и ко любви Божией нерадивых человеков. Оными бо страстями все заповеди Божии разрушил, брани многие воздвигнул, пролитие кровей породив, и в прочие многие греховные страсти поверг, и любовь к Богу и ближнему на вражду преложил, по Апостольскому словеси: *аще кто хочет друг быти миру, враг Богу бывает*⁵³; и паки о сем говорит Спаситель Христос: *двум господам не можете работать*⁵⁴, – сие есть еже и Бога любить и сим душевредным страстям служить невозможно. Я сие всё известить вам понуждён от совершенной моей любви, дабы вы не стужали и не опечаливались во всех находящих на вас нуждных случаях, а во всём благодушно и благодарно терпели, понеже кроме [такового] терпения врага сего диавола победить невозможно; такожде кроме сего и Богу угодить невозможно, а за всё ж сие малое ваше временное терпение – во время своё услышите радостный глас Господа своего, еже речет: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы*⁵⁵. Тогда поистине сего ради малого временного труда восприимете упокоение вечное и безконечное, и радостию непрестанною имате радоваться, по словеси Апостольскому: *Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*⁵⁶. Ему же в сохранение вас и поручаю.

Монах Феодор. Божие благословение да будет со всеми вами».

Мы видим: Старец, извещённый о духовном разладе в его обители, призывает чад своих – из совершенной к ним любви – к самому существенному в монашеской и вообще христианской жизни: к благодушному и благодарному терпению попущенных от Бога скорбей, то есть к крестоношению. Но эти его слова, эту боль его, слёзы и молитву – слышали, воспринимали, укреплялись одни, и не слышали, не воспринимали, отторгали другие. Много ли было их – противящихся? Мы не знаем. Но порча была внесена. Нашлись и такие, кто открыто выступил против заповеданного отцом, – и верные братия просили «дать им на письме изложенное нравоученье – как во утешение печалей, так и в защищение себя от тех, кои поносят его учение отеческое»; и Преподобный составил три *основополагающих* поучения «о вере христианской и о монашестве», озаглавленных им так: «Краткое извещение», «О приходящих к житию монастырскому» и «Наставление новонаначальному». Здесь, в духе евангельском и святоотеческом, преподобный Феодор излагает *кратчайше* (но для жаждущих подвига – достаточно) опытное своё понимание тесного спасительного пути: для всех православных христиан и, в особенности, монахов⁴².

Но, очевидно же: что одно дело – иметь в руках наставления Преподобного отца; и совсем иное – когда сам он был с нами!

⁴² Подскажем читателю, что в наше повествование включено лишь *избранное* духовное наследие Преподобного отца; полное же, хотя и небольшое по объёму собрание всего выявленного издано в книге «Преподобный Феодор Санакарский. Наставления духовным чадам», которую и рекомендуем к прочтению.

Второе письмо к братии было написано вскоре, вероятно, в начале 1779 года, когда до преподобного Феодора дошли известия о том, что при новом настоятеле духовная жизнь в Санаксаре не просто пошатнулась, но явно идёт кривым порочным путём.

«Живущим братиям мир Божий и благословение!

*Не по плоти ходящим, но по духу*⁵⁷, и не плотское любящим, но духовное. На таковых – паки мир Божий и благословение.

А иже по плоти живущим и плотское любящим, следует нам рещи Апостольское слово: *яко живущии по плоти имате умрети – не токмо телесною смертию*, говорит Апостол, *но паче же душевную вечную*⁵⁸.

Что же есть жити по плоти и таковое любить? То есть: в человеческих забавах погулять, попить, роскошно пожить, красно-хорошо походить, начальства и чести от человек получить. И таковое любить – сие есть по плоти жить, о них же и Апостол говорит: *яко бог чрева есть таковым и слава в студе их; яко земная мудрствуют*⁵⁹, то есть любят сие. Апостольское слово святой Златоуст толкует: “кто суть сии, имже, рече, бог чрево и слава в студе их? Сии, иже глаголют: созиждем дома где на земли; стяжим, рече, сёла где на земли; получим начальство на земли; получим славу паки на земли; обогатимся вся на земли; ничтоже имут на небеси, – сии суть, рече Апостол, имже бог чрево и слава в студе их, яко земная мудрствуют, то есть любят и хвалятся, и теми величаются”. И паки Апостол говорит: *яко мудрование плотское вражда на Бога, закону бо Божию не покарается, ниже бо может*⁶⁰. Тожде есть и сие: *яко земная мудрствуют*, то есть любят, и в них величаются и прославляются, и за совершенную утеху то себе вменяют. Сие всё есть еже жити по плоти, то есть плотское любить.

Напротив же того, говорит Апостол: *а иже духом, рече, деяния плотская умерщвляют – живи будете*⁶¹, то есть духовное разумети, духовными веселитесь, еже есть Божественными веселитесь, небесными, вечными, а не богатством, и славою, и честию, и роскошами, и богатыми одеждами, и всякою сладостию, – но по всему Божественное, небесное. Радостного сладострастного же земного весьма пренебрегать и таковые утехи весьма не желать; аще же что по нужде иметь прилучиться: иль богатство, или начальство, и прочее, – должно сие яко не иметь, то есть по нужде, а не по своему любовному желанию, последую слову Апостольскому: *имуции, рече, якоже не имуции будете*⁶². Сия есть мёртвость плоти совершенная, сия есть жизнь духовная, блаженная, вечная, и сему Апостольскому слову аще кто в вас подражатель есть, то поистине пребудет на таковых мир Божий и благословение.

Живущие же по плоти да слышат тожде Апостольское слово: *яко имут умрети не токмо телесною смертию, но паче душевную*, то есть от Бога отлучением и вечному мучению подвержением.

Сие же всё, нами реченное, – всем вам, во обществе сущим; а каждый да смотрит сам в своей совести, како что назидает, то есть к чему паче любление своё прилагает: иль к Божественным, небесным, иль к земному, плотскому сладострастию, – а двум господам работать невозможно, то есть ко обоим любовью прилежать не можно, по слову Христову: *ибо или единого возненавидит, а другаго возлюбит, или единого держится, о другом же не радети начнет*⁶³.

Но сие всё речено быша Христом Спасителем нашим и божественным Апостолом к людям, ещё в міре живущим, – что же мы́ речем, монахи, мертвецы суще, ибо при обещании от міра нашего отречения крестообразно простираемся, сим являем, яко совершенно распинаемся всего міра, земному сладострастию мёртвы суще являемся; како же [ныне] мертвецы – паки оживаем, то есть обещание своё в попрание полагаем и на прежние мірские утехи обращаемся, то есть погулять, попить, роскошно пожить, красно-хорошо походить, начальство, знатность от человек получить? Не студ ли сие, не срамota ли – не токмо пред Богом, но и пред человеки, духовный ум имущими? Сие говорить я понуждён от горести моей, понеже слышу, что некоторые и от вас не обещанию своему исполнители бывают, но паче реченному тому сладострастному житию подражают, тем и Бога и прочую немощную братию оскорбляют. От сего вы, пожалуйста, рассмотрите, в кое место следует житие ваше; о соблазняющих, глаголю, мне видится, по слову Христову: *лучше с камнем в воду*⁶⁴, то есть лучше самому единому погибнуть, нежели других таковых соблазном повредить, душевно погубить. Рассмотрите, пожалуйста, коликое зло от сего рождается: первое, несогласие; потом друг на друга ненависть и злоба, брани; наконец, общей жизни разрушение. От сего вы рассмотрите мнимое своё спасение. Нам слышно, что уже всё сие в вас есть; виною же состоят в сей гибели – все, начинающие вводить вредительные соблазны, страстям своим порабощающиеся, то есть украшающиеся, величающиеся, гордящиеся и роскошно по всему жить хотящие, гуляющие, разъезжающие, попивающие – и сими соблазнами братству вреждающие. Я сие вам говорю, а мню, что некоторым и противен буду; обаче же говорить должен, доколь от вас совершенно отчуждён не буду. Хотя я и слышу, что от некоторых нам есть любовь такая, чтоб и вовсе нас не видеть, да мне не настоит нужда, чтоб кому нас видеть; но токмо долг мой – говорить, аще и является в том страстная злоба. Да и не дивно на нас той злобе простираться, она и Самого Христа терзала, а мы люди невеликие, и весьма не дивно от таковых быть ненавистным. Слышу, что уже и пороки вымышляют: нас-де учил терпению, а сам только пришёл да уже и просится в скит Анзерский. Но сие рассмотри, пожалуй, разумный брате, будет ли твоё слово сие правда? Мне видится, я и всем вам говорил, чтоб в таковые по душе беспокойные места, где и я ныне состою, на такое терпение не ходить, ибо не на просвещение, но паче на помрачение духовной совести таковое место быть может; а паче советовал искать места, чтоб по душе могло быть спокойно. Так посему рассмотри, пожалуй, согласно ль слово твоё с правдою? Я не в такие места терпеть вас посылал, где волны по душе совершенные; мы и от міра того ради бежим, как от моря ко пристанищу, то есть к покойному по душе житию монастырскому. Так что от вас несправедно судится и моё от места, по душе беспокойного, отхождение. Так ты в том осмотришь, пожалуй, и как сам себе не согрешай, так и прочих бедных не соблазняй. Да и впредь не верь, пожалуй, своему разуму и не утверждай того быть совершенною правдою, и дел тебе неизвестных не суди собою собственно, но паче рассуждай общими духовными беседами...»

К кому именно относится обращение Преподобного в последних строках этого скорбного письма? Мы думаем, что к настоятелю иеромонаху Венедикту... И это беда была для обители.

Сохранился ещё очень краткий, но уже совершенно определённый отрывок из письма от 21 июля 1779 года; вот он: «...не иметь празднословия и вина не пить, к отцу настоятелю утвердить любовь и слушаться, и ему не пить хмельного питья; такожде и к братству, ежели кому случится обида, то её судить праведно, не смотря на лица; в монастыре больших чтоб не было кроме настоятеля над трудниками; ещё ж друг про друга не говорить [заглазно], но настоятелю сказывать...»

Как же хотелось ему, чтобы утверждался мир в обители! Чтобы не было разлада. И чтобы прежде всего и во всём была любовь: сострадающая, милующая, но не потакающая немощам и грехам!..

*Поражу пастыря, и разыдутся овцы стада*⁶⁵. Понятно теперь, отчего так безоглядно отстаивал у епископа Павла чад своих, и особенно Венедикта, в 1768 году. Знал их внутреннее устройство, знал то доброе, что было в каждом из них, но предвидел, чем может прорасти непокорное поле, если останется без отеческого присмотра.

Понятно и то, почему дал свободу выбора всей братии, когда узнал о своём разлучении с обителью (а ведь мог думать, что навсегда), – не хотел, чтобы случалось среди них *бегство*, но чтоб уходили, кто не желает уступать «вредительным соблазнам», в спокойствии совести, с благословения отца.

Жестокая жизнь монашеская!.. Она становится несносною, когда *благое иго послушания*⁶⁶ уступает тяжкому бремени своевольности и бережливо хранимых потаённых мнений; когда потребность вовсе исчезнуть в личности Старца подменяется желанием хоть в чём-то встать наособицу, укорениться в помысле, что «ведь и я тоже кое-что значу, так зачем же столь безрассудно отказываться от своего?» О, коварная мысль! Старец Феодор знал её пагубность и потому так настойчиво внушал духовным сынам и дочерям: «Если благодушно примете моё послушание, то великую милость от Господа Бога получите и воздаяние вечное, а не временное». Поддался искушению иеромонах Венедикт (и те, кто за ним уступили), но знаем же мы и верных учеников, продолжавших идти Евангельским тесным путём, по духу древних Отцов, и сохранивших суровую монашескую жизнь – *жестокую*, как назвал её архимандрит Феофан.

Жестокая жизнь? А что, например, Игнатию – по-человечески легко ли было? Это после пятнадцати-то лет нескудной службы при «серви́зной Двора Ея Императорского Величества». Помним, как поначалу смирял его старец Феодор. И лапти *меленькие* отбирал, да ещё выговаривал, что на таковое изыщество прельстился; и отстранял от службы в диаконстве, лишь только замечал в ученике хоть некое собою любование. «Ты, павлин! хвост-то распустил! посмотри на ноги-то. Поди, сними-ка стихарь!..» – и, оскорблённый, убегал Игнатий ночью жаловаться к Преосвященному (был горячий, значит, характером!). Но «жестокость» покрывалась любовью, была *врачевством* – и пришедшие ради выздоровления духовного, в решимости всё вынести за *святое послушание*, верили Старцу, а чрез него – Самому Врачу душ и телес наших, от Которого имеем обетование: *претерпевый до конца, той спасется*⁶⁷. И вот те, кто доверчиво

усвоили уроки Старца, крепко взросли от всеянного им, – те и принесли добрый плод. Помнит ли читатель, как двое из братии в сомнении правильности руководства отцом Феодором двух монастырей: мужского и женского, – ходили в Киев к преподобному Досифею? В предании сохранилось, что старец Досифей, провожая их в обратный путь, снял с руки своей чётки и передал отцу Феодору (мы говорили об этом). Но завершает сие предание такая подробность: выезжая из обители в ссылку, преподобный Феодор благословил эти Досифеевы чётки отцу Игнатию... Любимому ученику. Он был «в Богословии и прочих науках неучёный, однако с великими природными дарованиями», – и вот, когда осиротела обитель, то именно Игнатий, уже в сане иеромонаха, избран был братским духовником⁴³. Но как же не хватало и ему неласкательного врачевства отца Феодора! да и мудрого совета, – если так и не сумел примирить свой внутренний настрой с тем искривлением монашества, что начало в обители насаждаться. Дважды убегал (теперь уж совсем по иной причине, чем та, о которой выше упоминали), и хотя был каждый раз епископом Иеронимом возвращаем, но так и не остался в Санаксаре. Бегал-то он к знаменитому старцу Клеопе, который (как вспоминает архимандрит Феофан) «тоже преемником жизни был»; но обратим внимание: всё это происходит почти сразу после изъятия отца Феодора и при настоятельстве ещё Иоиля... Как же высока была духовная планка, заданная Преподобным! Даже такой опытный крепкий монах, как Игнатий, – сразу почувствовал недостаточность, *обезвоживание* духовного организма. На исходе 1776 года он переведён был на казначейскую должность во Флорищеву пустынь...

А Мария Протасьева? Какой удивительнейший пример веры и верности! Подумать только: в шестнадцать лет (тоже в 1776-м), едва выйдя из отроческого возраста, но уже проникшись *огненной* ревностью о Боге, тайно бежит из родительского дома, желая жизни монашеской. Отец её – Пётр Григорьевич Протасьев, знатный дворянин, бригадир (чин между полковником и генералом), воевода Ростова Великого, в отчаянии от исчезновения любимой дочери. Находит в своём кабинете письмо Марии, *закапанное слезами*, но в котором она решительно объявляет, что единственное её желание посвятить себя Богу в каком-либо монастыре; и умоляет отца, чтобы он из домашних никого не истязывал, «поелику кроме единого Бога никто о ея намерении не знает». Отец рассылает людей в погоню, на поиски; захватывают в дороге беглянку, возвращают в дом. Отец, в слезах от пережитого, прижимая к груди возлюбленную дочь, горько выговаривает ей за проступок, и просит и молит «впредь такого не делать, и уже позволяет ей на будущее время свободно дома, сколь ей угодно, молиться и поститься», о чём прежде сердился и возбранял. Но сердце Марии любовью Божией воспламенилось, и совершенно возненавидела она службу міру, сильнейшим убеждением умоляла отца отпустить её в монастырь. Он и слышать того не хотел. И окружил её *многообразными изобретениями міра*, всячески стараясь отвратить её от желаемого; и то прибегал к ласкам, то употреблял суровость родительской власти, – «но благодать Божия укрепляла блаженную Марию, так что она терпением своим всё препобеждала; и сам отец ея, потеряв всякую надежду

⁴³ Во второй части нашего повествования мы впервые публикуем сохранившееся в рукописи сочинение Санаксарского духовника иеромонаха Игнатия «О молитве»; и делаем это, прежде всего, по той причине, что уверены: составленное Игнатием не может не быть согласным с тем, чему учил преподобный Феодор.

удержать у себя, сжалился над нею и с благословением отпустил в Богоявленский Анастасиев монастырь в Кострому». – Как птица, свободной душою излетевши из золочёной клетки, устремилась юная Мария к жизни и подвигам монашеским. Исполняла в монастыре всякую чёрную работу, хотя и не приучена была в родительском доме к таким трудам; однажды по неопытности сожгла себе руки, когда в испуге кинулась тушить загоревшуюся в трубе сажу, после чего долго её лечили; впрочем, от родных она тщательно скрывала свои труды. Посещения мирских людей, хотя и родных, были для неё весьма тягостны, отвлекали от молитвы. Она желала проходить *самое строгое*, по духу древних Отцов, монашеское житие; и усердно просила Бога послать ей истинного наставника, и дала обет, что если обрящет такого Старца, то предаст себя в совершенное ему послушание. И Господь исполнил её просьбу. Однажды очередные из санаксарских братий, следовавшие через Кострому в Архангельск и на Соловки, зашли по внушению Божию в Богоявленский женский монастырь, и случилось так, что Мария вступила с ними в разговор – и вот тут-то узнала: об отце Феодоре, о том, как он безвинно страдает и какой это великий и святой Старец. Монахи пошли своим путём, а в сердце Марии возгорелось желание видеть сего великого праведника. Чрез некоторое время скончался родитель, и Мария не замедлила отправиться на Соловки. Бог всё устроил ревностной рабе Своей. Она удостоилась и встречи с Преподобным отцом, и утешительной беседы. («Хочешь быть невестой Христовой? Сие дело великое и страшное... А невесты Христовы и кровь свою проливали за любезнейшего Жениха своего, как Екатерина и Варвара великомученицы. Но если не оставить любви к миру – мудрёно быть невестой Христовой. Тебе велю не кровь пролить, а только бы оставить любовь к миру и прилепиться любовью ко Господу Богу и отдать себя в рабство, то есть отсечь свою волю; а без того быть Христовой невестой невозможно, ежели по плоти дева, а по духу нет. То есть девство сохранила, а мир не оставила и духовной жизни не знает; это *мужатая*, прилепшая к миру, как к мужу. А прежде и грешницы были и пришли с покаянием к Богу, и пожили духовно; таковые причитаются к девственницам... По удалении от мира должно отдать волю свою в послушание во общем житии, продать себя Бога ради в повиновение, сие называется *многотрудное* житие, еже жити во отсечении воли своей во всём. А когда человек умертвит свою волю совершенным послушанием и возымеет совершенное смирение и терпение, тогда приходит в безстрастие... Тогда возможны и большие подвиги: пост, молитва, всенощное бдение. А еже жити хотя и уединённо, но по своей воле без послушания, да хотя бы и оставивши все пристрастия мирские, но не оставивши воли своей и не отдавши себя в повиновение человеку Бога ради, – равно как сидеть за печью и хвалиться безмолвием. Понеже по своей воле житие тёмное и безызвестное; а под послушанием, яко на войне, жизнь известна весьма. Человек в повиновении-то и познаёт себя: что́ – есть ли в нём совершенное смирение, послушание и терпение? А познавши себя, более может смириться и старание приложить к исправлению. А по своей воле живущий не может себя познать. Того ради нужно и необходимо всякому, хотящему спастися, идти под послушание»⁴⁴.)

⁴⁴ Из поучений преподобного Феодора духовным чадам Алексеевской общины.

...Мария возвращалась от Старца, преисполненная благодарности Богу. Отец Феодор благословил её перейти из Костромы в Арзамас, где и принята была Мария с любовью сёстрами общины. И было ей тогда двадцать лет.

А затем исполнится всё, о чём из отрочества просила она Бога. (Мы ведь помним, в какой строгости содержал отец Феодор своих *бедных нищих*. В строгости, да. Но и в любви...) И за её верность, за преданность Старцу, за её открытую совесть и великое терпение возлюбит её Господь. И как же возрастёт любимое чадо преподобного Феодора, если её, двадцатипятилетнюю, назначит он настоятельницей своей общины!.. И почти три десятилетия будет управлять она вверенными ей от Старца духовными сёстрами; и какими же словами будет до конца дней вспоминать *любезнейшего наставника*? – «подобного во всей вселенной не могу ему сравнить; нет на земле такого в человеках, какое наше сокровище было!..»

Да, всех проверяет Господь на верность своим духовным отцам.

Слушай вас (Апостолов, учеников Христовых, а применительно к нашей теме – истинных, от Бога, духовных наставников, Старцев...), *Мене слушает, и отмечайся вас, Мене отмечается*⁶⁸.

Каждому дана своя мера талантов; также сверх меры каждого не даёт Бог и испытаний. Мы ведь не об этом. Мы о верности и об измене; о *кротости смиренного сердца*⁶⁹ и о горделивом уме; о покаянном плаче и о непокорстве... Иеромонаху Венедикту до последних минут земной жизни будет дана возможность вернуть то, что когда-то им же самим было так пагубно искажено.

Прошло время, наступил 1783 год.

Гавриил, архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский, девятилетие назад *первым* подписавшийся под синодальным решением о «непорядочных и противных святым правилам и государственным законам поступках» Санаксарского настоятеля иеромонаха Феодора, – ныне *вторично* призывался к участию в судьбе Старца.

Архиепископ Гавриил⁴⁵ был к тому времени самым влиятельным иерархом Русской Церкви, и не только благодаря своим личным качествам, но и вследствие особого доверия и благосклонности Императрицы. Это кажется несколько загадочным: во-первых, потому что сама Екатерина II, откровенно называвшая себя⁴⁶ «Главою Церкви», никогда особенно не церемонилась с архиереями, взирая на них свысока, как просто на подчинённых, и избрав тон общения то властный, то насмешливый, чему, впрочем, немало способствовали в большинстве своём сами владыки своей усердной уступчивостью и восторженной угодливостью; а во-вторых – потому что Гавриил-то как раз отличался во всё время своего архиерейского служения независимостью, насколько это вообще возможно было в екатерининскую эпоху. «Он не расточал Императрице похвал (пишет о нём исследователь), не изливал восторгов и даже в благодарностях бывал довольно холоден.

⁴⁵ Митрополитом он станет 22 сентября 1783 года; но надо знать, что Екатерина II вообще очень ревниво относилась к укрупнению и *высокости* архиерейских званий, болезненно опасаясь возможного возрождения теории «двух властей», бывшей нормой в традиции допетровской Руси.

⁴⁶ В письмах к Вольтеру.

Он был безусловно тактичен, сдержан, *не прал против рожна* и умел подчиняться обстоятельствам. Из переписки с Екатериной II разных архиереев письма Гавриила к Государыне отличаются исключительно сдержанным, деловым тоном. Но, когда дело шло о церковных требованиях, Владыка не поступался ими в угоду влияниям и духу времени». Известно его столкновение с протоиереем Андреем Самборским, которому покровительствовала Екатерина II. Протоиерей Самборский был священником при Лондонской миссии и, возвратясь в Россию, продолжал ходить в светском платье, бритым и в пудре. Владыка Гавриил поначалу всё делал ему замечания, но затем, на освящении Софийского собора в Новгороде, где должна была присутствовать Императрица, повелевшая служить и протоиерею Самборскому, Владыка отказался служить с ним, мотивируя тем, что Русская Церковь не принимает брадобритых. «Я не хочу, чтобы Церковь наша страдала; ежели служить с ним, это значит всей России подать соблазн, что я это сам дозволил. Доложите Государыне: служить с ним не могу. Пускай один служит». Был скандал, оставшийся, впрочем, без последствий. Но однажды твёрдость архиепископа Гавриила вызвала настоящий гнев Императрицы, но тут уж он посмел коснуться одного из её любимцев – Григория Орлова, вместе с братьями сыгравшего решающую роль в дворцовом перевороте 1762 года. Граф Григорий Орлов (уже, впрочем, сменённый в фаворитстве князем Григорием Потёмкиным) влюбился в свою двоюродную сестру, *тринадцатилетнюю* Екатерину Николаевну, урождённую Зиновьеву; нашёлся и священник, который, как только достигла отроковица возраста, обвенчал их. Женитьба на двоюродной сестре строго воспрещается церковными канонами. Скандалный брак графа Григория Орлова был замечен. По приказанию архиепископа Гавриила Санкт-Петербургская Духовная консистория возбудила дело о незаконности венчания. Но Императрица потребовала дело прекратить. «Моё желание есть, – повелела она, – чтобы Ваше Преосвященство консистории своей учинили прещение далее поступать во *мнимом* деле графа Орлова. Столь знаменитые его предо Мною и государством заслуги – —» Владыка повиновался. Императрица демонстративно назначила молодую Орлову статс-дамой и осыпала её подарками. А чтобы впредь чета Орловых ограждена была от церковных преследований, ещё повелела архиепископу Гавриилу: провести через Синод официальное постановление, «дабы им и потомству их по оному браку никакое затруднение, беспокойство и взыскание учинёно быть не могло»⁴⁷. Впрочем, таковые «недоразумения и неудовольствия (пишет исследователь жизни Владыки) не охлаждали общего благосклонного отношения Императрицы к Гавриилу. Она не могла не понимать, что нельзя упрекать человека за преданность своему долгу; и была слишком умна, чтобы людям прямым и честным предпочесть льстецов и угодников. В свою очередь и судьба Гавриила слишком тесно и долго была связана с великой Императрицей, чтобы между ними могло возникнуть продолжительное отчуждение. Современники справедливо считали Гавриила непоколебимой опорой Екатерининского трона».

Вот к такому иерарху, чрез которого только и возможно было воздействовать на Императрицу, склоняя её к решениям на пользу церковную, промыслил Господь быть

⁴⁷ Взыскание *учинёно* было им от Бога: скоро и граф, и незаконная его супруга занемогли, поехали на воды, в Швейцарию; возвращаясь назад, по дороге она умерла. Он, уехавши за границу, сошёл с ума.

приближенным иеродиакону (тогда) Феофану – бывшему послушнику санаксарскому Фёдору Соколову, начинавшему у старца Феодора *жестокую* жизнь монашескую. При этом замечательно, как сам отец Феофан, вовсе не желавший подобного возвышения, всячески старался противиться такому ходу его жизни, и лишь убеждаясь, что такова воля Божия, немедленно покорялся⁴⁸.

Как только отец Феофан вошёл в доверие к Владыке, то и приступил к делу, которое страдальческим грузом лежало в его душе. Это была судьба несправедливо осуждённого первого его старца Феодора.

Но отец Феофан не был новичком в церковной жизни. Он понимал, что ныне первенствующий член Святейшего Синода Преосвященный Гавриил был *первым* и тогда, в 74-м; и несправедливое то разбирательство проходило при *его* участии, и как и что там было, и почему – о том Преосвященный знал, а вот для Феофана – то было тайной. И одно дело доверительное отношение теперешнее от Владыки, а совсем иное – высокие, неприступные сферы синодальной жизни: политика, замыкавшаяся на персоне Ея Величества. Надо было действовать осторожно, чтобы вовсе не загубить освобождение старца Феодора раз и навсегда.

Сейчас мы процитируем фрагмент самого раннего, из известных нам, житийного списка и выделим в нём одно слово, чтобы внимательный читатель увидел, что не всё было так просто для келейника архиепископа Гавриила.

«Будучи в милости ему у Преосвященнейшего, бывал он им по временам испрашиваем: где прежде жил в обителях и какие где повёдания и уставы; он же, иеродиакон, найдя благовременную оказию, *потонку* объяснил душеспасительные подвиги, устав и повёдания сего блаженного отца Феодора, и о восставлении им упавшей обители Санаксарской, так что ныне и мало таких в России всей видится... И то всё Преосвященнейший слышавши, благоволил проговорить: “Что ж, когда так, то надобно постараться и о возвращении из Соловков отца Феодора”...»

Мы видим: Феофан сумел мудро подать Владыке о наболевшем. Он не стал просить за Старца, тем самым избегнул как бы упрёка Гавриилу за прошлое; но, щадя Владыку, предоставил самостоятельно решить в совести и высказать всё, что требовалось. Феофан бережно, с истинно духовной чуткостью дал архиепископу Гавриилу возможность исправить то, что было упущено им девять лет назад.

«...и наступившим постом Четырёхдесятницы 1783 года учинил Преосвященнейший в Великий Четверток доклад самой Ея Императорскому Величеству образом следующим:

“Ваше Величество, монах Феодор Ушаков, посланный по делу темниковского воеводы Неёлова в Соловецкий монастырь, находится уже девятый год и от холодного тамошнего

⁴⁸ Много есть что сказать о выдающейся деятельности отца Феофана, который стал не просто келейным служителем у владыки Гавриила, но доверенным его лицом, надёжным секретарём, советником по важнейшим делам в поправлении и обустройстве монастырей и монашества в России. Во второй части мы даём чрезвычайно колоритные его воспоминания, из них читатель почувствует несравненное своеобразие, которым так богата была монашеская жизнь того времени.

Но не должны мы отвлекаться от главной нашей темы.

воздуху претерпевает великие изнеможения. И милостивейше не соблаговолено ли будет Вашим Императорским Величеством о возвращении его на прежнее пребывание?”

Ея Императорское Величество спросить соизволила: “Сколько ему от роду лет?”

Преосвященный же рече: “Семьдесят, Ваше Величество”.

Милостивейшая Государыня отвечала: “Лет столько ему не будет. Я его знаю”.

И Высочайше повелеть благоволила Преосвященнейшему о том записку оставить; а чрез неделю в Святейший Синод наслано было Именное повеление о возвращении отца Феодора, в какую он обитель сам пожелает»...

И всё? Как просто!..

Но где же был архиепископ Гавриил все эти девять лет?

Обратим внимание на одну особенность. Ничего не говорится о деле отца Феодора с епископом Павлом. А ведь было оно тогда, в 74-м, основным в обвинительном заключении синодских членов (дело с Неёловым шло уже по ведомству Сената, и – если б оно тогда единственным было... Да и Преосвященный Иероним, не залежись у него под сукном то *предерзостное* дело, навряд ли из-за Неёлова только беспокоить стал Святейший Синод). Ведь всё нами вышецитированное знаем мы из уст отца Феофана, с которым наверняка же общался писатель жития (скорее всего, иеромонах Иоанникий). Ведь никто же не мог поведать о диалоге между Императрицею и архиепископом Гавриилом – кроме самого Гавриила, с облегчением совести рассказавшего всё своему келейнику. И в *записке*, которую истребовала Государыня и которую незамедлил представить из Синодальной канцелярии владыка Гавриил, сказано о главном лишь в двух словах, обще: *неповиновение команде*, – а дальше и подробнее: о Неёлове. (Записка продублирована в журнале Синода, мы имеем её копию.) Нет, тщательно, очень тщательно умалчивают жизнеописатели преподобного Феодора об этом конфликте 1768 года, потому что в нём – корни многих санаксарских бед. И если бы не сохранившиеся архивные документы, если бы не слова самого Преподобного, верным учеником записанные: «Имелось дело моё с архиереем и воеводою...», – то и не узнали бы мы всей правды, так и повторяли до сего дня: Неёлов! Неёлов!..

В чём причина?

А вот в чём: стыдно... Стыдно, что правящий архиерей своего же, из своей же епархии, Старца под несправедный суд подвёл... (Можно подумать, у него *таких* – не впроворот было. Нашёл, чем разбрасываться.) До того стыдно, что епископ Иероним, извещённый 29 июля указом Ея Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода об освобождении отца Феодора и возвращении его в Санаксар, «где ему и священнослужение разрешить», – не дожидаясь прибытия Старца во Владимир – и, вслед за получением указа, 3 августа 1783 года скончался.

А то – каково было бы встретиться, в глаза взглянуть?⁴⁹

...Но мы несколько ушли вперёд.

⁴⁹ Другой участник этой скорбной истории: раб Божий Василий (надворный советник Неёлов) – окончил жизнь ещё раньше, в 1780 году.

18 апреля Императрица Екатерина II собственноручно подписала указ: «Преосвященный архиепископ Новгородский Гавриил. Двух монахов, под стражею содержащихся, Тобольской епархии в Далматовом монастыре Феофана Леонтовича и в Ставропигиальном Соловецком монастыре Феодора Ушакова, Ваше Преосвященство прикажите, освободя из-под стражи, определить в монастыри по рассмотрению Синода и сходно их желанию, подтвердя, чтоб настоятели тех монастырей наблюдали за поведением их. Пребываем в прочем вам благосклонной. ЕКАТЕРИНА».

26 апреля Преосвященный Гавриил собранию Святейшего Синода Именной Ея Императорского Величества указ этот *предложил*⁵⁰.

Тут опять видим любопытнейшую подробность. Из протокола заседания Синода узнаём: что «рассуждено Высочайший указ Феодору Ушакову в Соловецком монастыре объявить, из-под стражи освободить, а в какую епархию и в какой монастырь он пребывание иметь пожелает – взять от него письменное известие, которое прислать немедленно в Святейший Синод; а до воспоследования на то известие из Святейшего Синода указа – монаха Феодора Ушакова, ежели он в Соловецком монастыре быть не пожелает, отправить Олонецкой епархии в Александро-Свирский монастырь в число братства; и о том Преосвященному Олонецкому, и Соловецкого монастыря к архимандриту с братией, и в Александро-Свирский монастырь о принятии того Ушакова – послать указы...»

Очень любопытно! Такое впечатление, что архиепископ Гавриил *не хочет отдавать в Санаксар* отца Феодора и вот как бы предлагает ему другой монастырь: древнюю обитель преподобного Александра Свирского, – которая, между прочим, при общей в ней тогда благоустроенности, ещё и располагалась в «необыкновенно здоровом» месте, сухом, возвышенном, окружена была сосновым бором, и, по общему мнению тамошних обывателей, «живут в тех местах *самые долговечные люди*». Кстати же, и Преосвященный Олонецкий – епископ Виктор (Онисимов; вспомним это имя) – близкий человек и викарий владыки Гавриила... Но *затея* не удалась. 29 июня получен от соловецкого архимандрита Иеронима репорт, при котором было и взятое собственноручное от монаха Феодора Ушакова *известие*, в коем «он, Ушаков, показал, чтобы возвратить его на прежнее пребывание – в Санаксарский монастырь». В предании сохранилось ещё, что Преосвященный Гавриил «промежду прочего в ведение дал сему Преподобнейшему отцу, чтоб он, едучи из Соловков в свою обитель, заехал в Новгородскую к нему епархию: для

⁵⁰ Воспользовавшись расположением Императрицы в легко и успешно решённом деле монаха Феодора Ушакова, архиепископ Гавриил удачно включил в свою просьбу ещё одно имя: Феофана Леонтовича.

Архимандрит Феофан (Леонтович-Дорунин, †1786), будучи в 50-х и начале 60-х годов настоятелем Свято-Духова монастыря в Вильне на тогдашней территории Польши, «замучил» в те годы Синод жалобами о тяжёлом положении православных, притесняемых от католиков и униатов. Жалобы остались безрезультатными, ибо политические соображения диктовали Императрице нежелательность каких-либо с Польшей ссор. А так как Феофан был знаком с митрополитом Арсением (Мацеевичем) и, значит, *мог быть* единомыслен с ним, то в процессе судилища над последним сам подпал под Высочайший гнев и в 1764 году сослан простым монахом в Далматов монастырь, где находился вот уже девятнадцать лет. Теперь ходатаем освобождения был, очевидно, Тобольский Преосвященный, родной брат владыки Гавриила – епископ Варлаам.

свидания и бесед духовных». Но отец Феодор отказался: «по крайней своей, имеющейся издавна, немощи, от девятилетнего уже в Соловках претерпения, ово от холодного весьма воздуха, ово от великих бываемых в келиях угаров...»

Мы помним, что первое письмо преподобного Феодора из Соловков было в общину *бедных нищих* к настоятельнице Евдокии Ивановне. Последнее – за несколько дней до извещения, что освобождён, – тоже к духовной дочери, но пока ещё живущей в міру (и, очевидно, дворянского происхождения: список, сохранившийся в архиве общины, начинается обращением, выписанным по-иностранныму).

«Maria Ioanni, милость Божия да будет с тобою!

Письмо твоё я получил сего года в мае месяце, в котором известуется, что житие твоё по душе проходит весьма в слабости; но ты оное рассмотри, пожалуй, откуда в тебе таковая слабость рождается? Мне видится, не иное что тому вина, как токмо твоё небрежение и безпамятство о Господе и о жизни вечной. А если бы ты помнила Господа Бога своего и старалась бы всегда вечно не отлучаться от Него, то как бы ты могла в такой слабости жить? Рассмотри ты, пожалуй, того ли ради создал нас Бог жить на земли, чтоб все радости и утехи наши иметь на ней, паче Небеси? Но не тако, не праведное сие рассуждение; а того ради создал нас Бог, еже пожити *временно* на земли, то есть послал нас Бог на брань, на войну, еже братися нам с диаволом врагом нашим и всеми силами того побеждать. Послушай о сем апостола святого Павла, что он говорит: *несть, рече, наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к міродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным. Сего ради примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют и вся содеявшие стати*⁷⁰. Зриши ли, как нас божественный Апостол ополчает и вооружает противу врага диавола? Посему рассмотри, чего ради созданы мы и посланы на время пожити на земли, то есть на брань с диаволом. Так если кто его победит, так что же таковым победителям обещает Господь Бог? Во Апокалипсисе говорит Дух Святой: *побеждающему, рече, дам сести со Мною на престоле Моем*⁷¹. О коликия радости! О коликия Божественныя благности! Сести на престоле Его, то есть быти человеку близ Господа Бога своего и всех тех наслаждаться радостей Его, о них же Апостол святой говорит: *ихже, рече, око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*⁷². Посему рассмотри ты, пожалуй, что́ человецы забывают и каких радостей лишаются, да к тому же ещё не на время, но уже во веки вечные, конца не имущие. Что мы на всяк день исповедуем, в Символе веры говорим, *чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, и Его же Царствию не будет конца*. То есть или радости, или слёз, но всё без конца; о сем помысли, пожалуй, не страха ли достойное дело, не ужаса ли исполнено: когда будет конец? Никогда. На сие снисходительно скажем: аще и кроме злейших мучительств, единое токмо тёмное место грешнику человеку определёно бы было, то не сама ли его совесть всегда мучителем будет ему и обличителем: что за самые малые временные утехи да потерял всю Божественных радостей вечность и заключён без конца не видети света... Я снисходительно о сем говорю, что тёмное место. А понеже возвещает Господь и вечный огонь, и смрад, и мраз, и иные злейшие мучительства человекам грешникам... так ежели ты

всё сие будешь иметь в памяти, то я совершенно уповаю, что ты пребудешь в крепости твоей. Могут мне многие сказать, что и с мужем жить спасение неотъемлемо есть. И я в том не препятствую, токмо таковых ныне весьма редко, а паче таковых, что горше диавола друг друга ведут в душевную гибель. Так я тебе говорю: если будешь помнить душу свою, то лучше тебе быть свободной, нежели под властью развращённого мужа. Тогда уже большие тебе приидут печали. А единой быть – печали не велики. Если бы и отца не было, тебе уже не домом править, а надлежит искать токмо келию.

Монах Феодор. Божие благословение да будет с тобою. Мая 25 дня 1783 года».

Преподобный Феодор уезжал из Соловецкого монастыря во второй половине августа.

Прощался, по обычаю, с отцом архимандритом Иеронимом, который «пожаловал на дорогу ему белый хлеб – и отпустил с любовью». Отметим сказанное далее в житийной рукописи: соловецкий архимандрит и прежде, «в бытность в Петербурге Святейшего Синода присутствующим членом», отзывался на вопрошение об отце Феодоре «рекомендацией, уважения достойной» (значит, знали в Синоде о благочестии и терпеливом подвиге отца Феодора на Соловках!); хотя, «по человеческому рассуждению, удобно мог отвечать и противное», потому что при выборе его в архимандриты (после кончины прежнего настоятеля Досифея) «преподобный Феодор к всебратственному письменному приговору не приложил руки своей...» И далее удивительно говорит о Старце составитель Жития: «...однако, всегдашняя ясность его добродетелей сильно расчищала темноту пристрастий». Потому-то от братства обители Соловецкой никогда «не слышно было об отце Феодоре ничего противного, а только уважение к добродетели его, к скромности и искусству монашескому, как о том сказывали повсегодно ходившие к Преподобному его ученики».

И так отправился он «паки от северных стран к полуденным, не заехав трактом в Новгород, но – где способнее и ближе было»: на Вологду, Ярославль, Владимир (там обязан был в Духовную консисторию явиться), а затем в Арзамас.

2 октября он прибыл во Владимир. Здесь узнал о кончине епископа Иеронима, ровно два месяца назад. Что ж, в этой жизни встретиться им было не суждено. Но, думается нам, что дрогнуло сострадательное сердце отца Феодора. Он-то всем всё простил... В Духовной консистории ему объявили, что в священнослужении он разрешён, но и обязали подпискою: «чтобы он, живя в том Санаксарском монастыре, чувствуя Высокомонаршее Ея Императорского Величества к нему милосердие, ни в какие не принадлежащие до него, Ушакова, дела отнюдь не входил, а препровождал житие честное и благочинное, сходственно с саном монашеским, и у настоятеля иеромонаха Венедикта был во всяком повиновении и послушании...»

9 октября его встречал Арзамас.

Ещё когда только узнали об освобождении, то исполнились ученики и ученицы его «радости неизглаголанная»; из Санаксара в сретение его отправлены были два «первенствующие по казначее» иеромонаха, которые и дожидались на Арзамасском подворье. И вот 9-го, «во время утреннего пения» – въехала во двор долгожданная подвода... вернулся Старец! «...И в тот же час, узнавши сладчайшего отца прибытие, сиротствующее из вдов и девиц им собранное общество – в таком восторге радостном,

что, все дела оставив, бежало до подворья в осеннее время, иные по грязи, якоже распалённые любовью мироносицы ко Христову гробу... и падали, в радостнейших слезах, пред стопами его!..» Старец всех благословлял, со всеми радовался. «Такожде и прочих святых обителей тутошних приезжали власти, и почтенные господа, и купечество, мужи и жены, все приходяху, сорадующеся возвращению...» Приглашали, просили многие в дома свои – для посещения и наставлений духовных. И так провёл отец Феодор в Арзамасе целую седмицу. И, конечно, прежде всего посещал он почти ежедневно *своих бедных*, «якоже истинный пастырь: рассматривая, поучая и утверждая стадо своё».

В седьмой же день отправился в Санаксар.

Не доезжая до обители версты за три встречал казначей иеромонах Вениамин, а к перевозу чрез Мокшу (в пятистах метрах к северу от стен обительских) вышло и всё братство санаксарское; отсюда, приняв у Старца благословение, вместе вошли в монастырь.

«И вшедшу ему в церковь и к святым образам приложившуся, и дополненное без него обительское строение похвалившему, – разыдошася по келиям, и тако вси начаша в спокойствии духа, при наставлении Богом дарованного им паки отца, жити...»

Это очень значительный, чрезвычайно ответственный момент повествования: встреча Преподобного в родной обители. Не имеем права ничего додумывать, чтобы ни на чуть не ошибиться в душевных переживаниях святого, – а подробности, оставленные для нас тем *первым* жизнесписателем, так скудны!

Но остаются вопросы... Вот где, к примеру, был настоятель иеромонах Венедикт? О нём ничего не упомянуто. Вышел ли хоть встретить вернувшегося Старца? Молчание...

«Спокойствие» продолжалось недолго. Скорби начались уже через несколько дней; знаем даже (из немедленно возникшего консисторского дела) точную дату – 29 октября.

В этот день «во время собрания братского в трапезной, при всех монахах и трудниках», вдруг и совершенно для всех неожиданно иеродиакон Иларион, год назад указом Синода уволенный из Соловецкого монастыря на пребывание во Владимирскую епархию, а здесь, по его же просьбе, определённый покойным епископом Иеронимом в Санаксарский монастырь, – «объявил того монастыря на иеромонаха Феодора Ушакова по секрету *слово и дело* по первому пункту и, между прочим, назвал его, Феодора, противником Церкви, еретиком и атеистом...»

Чудовищное сие обвинение – тут уж мы и додумывать не усомнимся – внесло в братию впечатление двойственное. Те, кто знали Старца, кто оставались верными его учениками (а таковых в братии было немало), – для них объявленное Иларионом было дикой и возмутительной клеветой. Но для вновь поступивших в обитель, и для трудников, здесь живущих, и для *бывших*, кто давно уклонился от отеческого учения и *своё* утверждал, – вброшенное Иларионом смущением стало и соблазном. А страшный *первый* пункт «слова и дела», – до разбирательства и окончательного уяснения которого всё могло пойти и так и эдак, понуждало всех внутренне сжаться, устранившись, чтоб не подпасть под расследование, – Илариона же немедленно доставить в Духовную консисторию для допроса.

Кто таков был Иларион? Фамилия Медников. Лет от роду 43. На Соловках будучи, жил в Анзерском скиту. А в 1781-м, в июле месяце, просился у Святейшего Синода об увольнении из Соловецкого монастыря во Владимирскую епархию – «за прилучившейся ему от морского воздуха болезнию», и через год отпущен. Знаем мы о нём (нашлось в архивах), что и там, на Соловках, дважды, по крайней мере, отметился в подобных нашему эпизодах: подавал доношение о «выводе из Анзерского скита *святотатца* пономаря Леонтия Шарапова», а ещё объявлял тоже «секретное доказательство по второму пункту» на соловецкого архимандрита Иеронима; причем в последнем случае при усиленном допросе сознался, что делал объявление «по некоторому роду имеющегося у него головного припадка...»

Когда Илариона «в железах» доставили в Духовную консисторию, там уж находился только что прибывший на Владимирскую кафедру новый Преосвященный – епископ Виктор (да, тот самый: бывший Олонецкий, к которому на покойное житие ещё недавно хотели отправить из Соловков отца Феодора). Илариону учинили допрос *пред присутствием*, и «когда у него секретно спрошено было: в чём противу иеромонаха Феодора Ушакова обвинение его по первому пункту состоит?»⁵¹ – то он сказал, что в противности против Бога. Когда ж ему объявлено было, что сие дело до первого пункта не принадлежит, то он утверждал, что оное касается точно до первого пункта. И потому прочтён ему был состоявшийся в 1762 году октября 19 дня Высочайший Ея Императорского Величества с изъяснением о первом и втором пунктах указ, коего по выслушании оный Иларион объявил, что он по первому пункту донести ничего не знает, а имеет объявить на иеромонаха Феодора в чинении им противности против Бога, о чём-де он в консистории никак объявить не может, а должен-де письменно о всём том представить Святейшему Синоду и просит самого его туда отпустить...» И дело завертелось. Илариону позволили составить в Синод *покорнейшее доношение*, которое и присовокупили к доношению самой Духовной консистории, – и отправили всё это в Петербург; сам же он, покуда суд да дело, увезён был под надзор во Флорищеву пустынь. Но Иларион рвался в Синод (разумеется, на казённом коште), чтобы лично принести доказательства и объяснения, потому как (пишет он в доношении) «об оном секрете и знать не всякому надобно, и исправить одного иеромонаха Феодора Ушакова уже никак не надеюсь», а кроме того: «имеются при нём, Феодоре, и другие *окрестности нужнейшие*, которые ведать должно Святейшему Синоду...»

И весь этот воистину *бред*, однако ж, обязан был фиксироваться, дублироваться, рассматриваться церковными чиновниками во Владимире и Петербурге по узаконенным пунктам и правилам – и государственным, и Духовного регламента, – и вся эта бумажная *таскотня* продолжалась до февраля следующего 1784 года, когда, наконец, в Святейшем Синоде ПРИКАЗАЛИ: «оного иеродиакона Илариона, за ложное сказывание за иеромонахом Феодором Ушаковым по секрету слова и дела в противности против Бога, хотя он и извиняется, якобы то им чинёно в бывшей болезни и неустройстве разума, но

⁵¹ А надо знать, что доноительство и обвинение по *первому пункту* касалось Императорской особы и требовало тщательного разбирательства. Второй пункт был – хула против Бога.

как он с самой подачи доношения об отпуске его в Святейший Синод не единократно и усиленно о том настаивал, то потому и болезни в нём не признаётся, а единственно последовало всё сие из желания оного иеромонаха оклеветать, того ради, в страх другим, оштрафовать его <Илариона> снятием с него камилавки и клобука и употреблением в чёрной монастырской работе чрез месяц, а по прошествии месяца монашество ему хотя и возвратить, но у обиженного <иеромонаха Феодора> при всей братии испросить ему прощение, притом же и иеродиаконское служение ему запретить, и разрешить не иначе, как по усмотрении порядочного его состояния, и по засвидетельствовании того монастыря, где он будет, настоятеля и прочей братии, а без того не разрешать...»

Не утихла буча, поднятая Иларионом, как уж накатывался следующий вал.

Рясофорный монах Диодор, не стерпев «чинимых от иеромонаха Феодора Ушакова притеснений», побегал во Владимир к архиерею жаловаться. 10 января Диодор был принят Владыкой. Что там было в той «словесной жалобе», – не знаем; но епископ Виктор тут же повелел в консисторию составить указ к настоятелю иеромонаху Венедикту и в тот же день отправил с указом этим Диодора... во Флорищеву пустынь, где пребывал тогда (и уже немалое время) для некоего «следствия» настоятель Санаксарский. (Что это было за *следствие* – непонятно; а у нас помысл: не отсиживался ли Венедикт во Флорищевой потому, что рядом с отцом Феодором тесно было? Причину же пред Владыкою для отбытия найти несложно.) В указе читаем: «...известно мне учинилось, что возвращённый из Соловецкого в Санаксарский монастырь иеромонах Феодор Ушаков, не помня взятой с него в консистории подписи, вступает в распоряжение монастырских дел и тем присваивает себе непринадлежащую власть настоятельскую... Того ради вам настоятелю подтвердить помянутому иеромонаху Феодору, дабы он, по прежде взятой с него подписке, ни в какие монастырские дела и распоряжения отнюдь не вступал, и объявить ему о том ещё раз письменно, под опасением за противление должного суждения, и ту его вторичную подписку прислать в консисторию при репорте, а сверх того и вам настоятелю в том за ним наблюдать, и если б что было учинёно им тому противное, об оном репортовать ко мне немедленно...»

Дальше события развивались следующим образом.

23 января Диодор был во Флорищевой пустыни и вручил Санаксарскому настоятелю архиерейский указ. Но Венедикт (как позже, 31-го, жаловался опять-таки во Владимире Диодор, ибо вся эта его *беготня* продлится до мая месяца), прочитавши указ, сказал Диодору, что «за эту его приносимую на иеромонаха Феодора жалобу он, Венедикт, его теперь в монастырь не примет» и велел Диодору идти «куда хочет», почему он, Диодор, и принуждён был «вернуться обратно во Владимир и просить у Его Преосвященства о себе рассмотрения». Епископ Виктор в ответ вновь отправляет Диодора к Венедикту: «при указе, чтоб оный Диодор в Санаксарский монастырь, где к бытию его если никакого важного препятствия не имеется, принят был неотменно, и впредь вам настоятелю монашествующих из монастыря самовольно собою отнюдь не высылать. А для чего тот Диодор в монастырь не принят и от монастыря отрешён, и тем ему причинены немалые волокиты, об оном вам настоятелю прислать к Его Преосвященству ответ...»

Но Венедикт в объяснительной от 20 февраля всё обвинение диодоровское начисто отрицал.

Между тем Диодор подаёт прошение епископу Виктору о переводе в другой монастырь, по причине всё тех же от иеромонаха Феодора Ушакова притеснений. Владыка накладывает на прошении резолюцию: отослать Диодора при указе из консистории в тот же Санаксарский монастырь обратно. Но скоро Диодор вновь жалуется: «иеромонах-де Феодор за ту его просьбу о переводе причиняет ещё бóльшие притеснения – чрез монашествующих, которые по прежней привычке находятся у него в послушании»; так, за очередным отбытием настоятеля Венедикта во Флорищеву пустынь, правящий строительскую должность иеромонах Феодосий⁵² определил его, Диодора, «в тяжкую работу: рубить дрова и толочь корьё, употребляемое от монастыря в продажу; отчего-де пришёл он, Диодор, по слабости здоровья в крайнее изнеможение». И хотя он об увольнении его от такой работы и самого настоятеля Венедикта просил, но тот просьбу его не удовлетворил, почему и принуждён теперь Диодор из монастыря отлучиться к Его Преосвященству и просит, чтоб его «за предъявленными резонами из того монастыря перевести во Флорищеву пустынь». Настойчивый Диодор добился-таки своего: во Флорищеву он был переведён; а к Венедикту отправлен очередной и строжайший указ с требованием *очередного* ответа от «иеромонаха Ушакова: почему он, презирая определения Его Преосвященства, продолжает входить в монастырские распоряжения? И ответ оный с него взяв, прислать вам настоятелю при репорте немедленно...»

Иларион, Диодор, другие-прочие... не все же документы сохранились, не все нами обнаружены. Но вот думается: сколько же раз пришлось преподобному Феодору подтверждать перед *духовной командой* свою подписку о невмешательстве в дела монастырские? Подтверждать то, чему он никогда бы не подчинился! Потому что всё к нему лично относящееся принимал он с покорностью; но как он мог не вникать в духовную жизнь братства, когда видел, что она идёт наперекос, несогласно тем заветам древних Отцов, которым сам следовал и которым учил?

«...Сие говорить я понуждён от горести моей, понеже слышу, что некоторые от вас не обещанию своему исполнители бывают, но паче сладострастному житию подражают. Я сие вам говорю, а мню, что некоторым и противен буду; обаче же говорить должен, доколь от вас совершенно отчуждён не буду. Хотя я и слышу, что от некоторых нам есть любовь такая, чтоб и вовсе нас не видеть, да мне не настоят нужда, чтоб кому нас видеть; но токмо долг мой говорить, аще и является в том страстная злоба. Да и не дивно на нас той злобе простираться, она и Самого Христа терзала, а мы люди невеликие...»

Что же происходило в Санаксарской обители? Прочтём в рукописи первого составителя Жития:

«...По немнозем же времени ненавидяй добра враг диавол паки начал изыскивати средства, чем бы Преподобного утеснити. Настоятель обители, в небытность

⁵² Почему, кстати, Феодосий? Казначеем был Вениамин, и он по тогдашним уставным нормам должен был замещать настоятеля Венедикта в его отсутствие. Либо Вениамин тоже в отлучке был, либо – ныне, по возвращении из Соловков отца Феодора, не доверял Венедикт Вениамину?

Преподобного против совестей братских определённый, не имея любви и усердия к нему, тяжко начал себе вменять: что мимо его, настоятеля, все из приезжающих всякого звания почтенные люди желают от Преподобного наставлений, приезжают с Преподобным видеться, а о нём, настоятеле, и не упоминают; также и из учеников Преподобного было ещё тут довольно, и все всегда для решения совестей к нему в келию хождения, а к настоятелю – разве что по подобающему для принятия благословения к каковому-либо послушанию. И чрез всё то гневаясь, начал настоятель на Преподобного к епархиальному Преосвященному наводить: якобы безвременно ко отцу Феодору братство, кои ученики его, хождением толпами в келию наводят бездельными советами обители смущение; входит бо и сам он в дела, ему не принадлежащие. И наслано было при повелении от Преосвященного следствие, – но ничего порочного за блаженным не сыскали, ибо он по вся дни об истине духовной был распинаем и чист бо от всех клевет явился; учеников же комиссиаты называли лишь сообщниками и по следствию к доказательствам тоже не призывали...»

Но было и другое: настоятелю Венедикту противно стало учение Старца, потому что обличал отец Феодор проникшую в обитель пьянственную страсть, от которой расплодилось всяческие неустройства; обличал кичливость, неприличную монашескому званию, вместо прежней простоты и воздержания в жизни. Было это в некоторых братиях, было и в самом настоятеле.

Один случай, трагичный, но поучительный, восстановим по сохранившимся документам.

Иеромонах Парфений. Поступил в Санаксар при настоятельстве Венедикта, им пострижен, им рекомендован епископу Иерониму к рукоположению – «и в бытность свою иеромонахом обращался по многим временам в пьянстве, за что братством многократно был обличаем». Но исправляться не пожелал и вышел из обители в Москву, в Донской монастырь. Но и там: «в ещё большем обращался пьянстве и за то терпел великие наказания». Наконец, хотели Парфения, лиша монашества, отдать в солдаты, но он выпросился в Санаксарский монастырь – «на своё обещание» – и был отпущен. А в его отсутствие произведены были в обители другие иеромонашествующие: «люди добрые и воздержные», – и таким образом старшинство его хиротонии, «по невоздержанию его и по произвольному его отлучению, уничтожилось». Но когда Парфений из Донского в Санаксарский монастырь прибыл, то настоятель Венедикт, «незнамо по какой его добродетели, паки старшинство ему возвратил и, отставя прочих иеромонахов, дал Парфению первое место и первые советы». Понятно, *такое врачевство* привело к тому, что «житие Парфения паки началось пьянственное». В это время вернулся в обитель отец Феодор. И вот уже настоятель Венедикт с братией *представил* Владыке о Парфении – и указом консисторским «велено с того Парфения снять клобук и, с запрещением священнослужения, определить в чёрную работу», что настоятелем Венедиктом исполнено. Но прошёл месяц – епитимия Парфению была Венедиктом прощена, а Парфений от страсти своей не отвыкнул.

И теперь уже отец Феодор сам пишет Владыке о происходящем в обители с Парфением (при этом сам выявляя своё очередное «вмешательство в дела монастырские») – и отправляет с оказией во Владимир. Епископ Виктор получает от иеромонаха Феодора

Ушакова сие «письменное представление» 4 августа 1785 года. В ответ из Духовной консистории настоятелю иеромонаху Венедикту с братией послан указ (который мы и цитируем).

А в том указе Владыка выговаривает настоятелю Венедикту, что дело с Парфением, оказывается, не кончено, что, как пишет оный иеромонах Феодор, Парфений паки на пьянство возвратился: «у состоящего при аптеке монаха Иоасафа⁵³ тайным образом унёс для лекарства купленную бальзамную водку и пил её чрезмерно, отчего едва и жив остался; которую-де водку оный Иоасаф с трудником Данилой Александровым принуждён был у него, Парфения, обыскивать по приметам (как в келии у Иоасафа кроме Парфения другого никого не было), почему-де у него и сыскано, но только уже половинное число оставшейся водки, о чём – не в бытность вас, настоятеля, – от того монаха Иоасафа и объявлено было ему, Феодору, келейно; а когда вы, настоятель, прибыли, то им, Феодором, объявлено было и вам; но от вас было ли Парфению какое увещание, о том он, Феодор, неизвестен. Да и ныне Парфений по временам к тому ж пьянству следует тайным образом, в чём многие от братства в том его усматривают. А ныне паки, по прошению Парфения, вы, настоятель, хотели отдать ему старшинство, но токмо братство на то не согласилось, зная его невоздержность, и в том рассуждении, что старшему надлежит быть трезвому и воздержному, понеже во всяких делах, как в советах, так и в подписках быть первому и праворассмотрительному, а не пьяному и страстям порабощённому; того ради и оный иеромонах Феодор просит, чтобы ему, Парфению, пред другими безпорочно живущими иеромонахами старшинства не иметь». И вот всем этим Владыка весьма недоволен и приказывает: «Иеромонаха Парфения, ежели подлинно обращается в невоздержной жизни, сняв клобук и рясу, употребить в труды монастырские, доколе исправится; и старшинства ему пред прочими не иметь; а Ушакову...» – невозможно Владыке не помнить довлеющее над ним указное предписание – «Ушакову объявить, чтоб он без настоятеля и братии сам собою представлений не чинил, а когда востребует о чём-либо необходимость представить, то – с согласия братии и за подписью, по крайней мере, первейших».

Но замечателен при этом ответ настоятеля Венедикта, в котором он *благопочтенно репортует*: «...хотя вышеписанный иеромонах Парфений в прошлом 1784 году (как оной консистории уже безызвестно) за его преступление от Его Преосвященства наказан и был, но – как ныне он, иеромонах Парфений, находится в жизни добропорядочной, трезвенной и во всяком послушании и повиновении, и мною настоятелем ни в каком худом деле, которое бы служило к повреждению монашеской жизни (а не так, как представляет вышеозначенный иеромонах Феодор Ушаков), не замечен, то, в рассуждении одного обстоятельства, по вышеписанному указу снятием с него клобука и рясы одного иеромонаха Парфения штрафовать и не для чего. Иеромонаху же Феодору Ушакову об исполнении по сему указу – объявлено».

Было бы всё это грустно, если бы не закончилось так печально. Не прошло и месяца, как настоятель Венедикт вынужден был извещать Преосвященного Виктора: «минувшего

⁵³ Который, помним, был первым пострижен в Санаксарской общине; отставной каптенармус Лейб-Гвардии Измайловского полка.

сентября 21 дня Санаксарского монастыря иеромонахи Парфений и Нестор, отлучась самовольно в город Темников и зашед в питейный дом, пили вино, в коем из них Парфений, или от многого ему пития, или в рассуждении прежде бывшей в нём падучей и внутренних болезней, того ж дня умре... а Нестор неведомо куда отлучился...» На скорбный этот репорт последовал из Духовной консистории указ, а в нём – *определение*: «иеромонаха Парфения числить умершим; а как иеромонах Нестор минувшего октября 1-го дня сего года представлен в консисторию при доношении из Владимирского нижнего земского суда, взятый на дороге за неимением письменного вида, то по произведении ему в консистории допроса и с повеления Его Преосвященства того ж октября от 8 числа при указе отослан в Санаксарский монастырь, с тем, чтоб его настоятелю за своевольную из монастыря отлучку оштрафовать по своему рассмотрению и из монастыря его никуда не отпускать».

Что случилось дальше с Нестором – не знаем. Хочется верить, что образумился. А вот Парфений?.. Печальная история.

Можно понять, как тяжело было иеромонаху Венедикту. Кажется, неожиданным и *нежелательным* было для него возвращение Старца. И вот теперь – надо было с ним жить. И всё это трудно, тяжело... Легче всего – настоятельскую проявить власть. Тем более он видел: Владыка того же ждёт, в том и поддержит, да прямо же требует, чтоб пресечено было разрушительное двоевластие! Вот уж скоро все в монастыре будут ходить и ходить к нему – и что же тогда? и куда от этого деться?

И Венедикт принимает решение (которое, прежде всего, свидетельствует о собственном внутреннем его неустройстве): он запрещает настоятельской властью вход к старцу Феодору – кому бы то ни было, даже и с духовными нуждами⁵⁴. Но тут уж кто-то из лишённых доступа, и скорее всего из приезжавших к Старцу благородных, но, конечно же, с общего согласия верной части братии, поехал в Санкт-Петербург и поведал о происшедшем отцу Феофану – келейнику митрополита Гавриила. Феофан при первой же возможности изъяснил митрополиту суть дела, и Владыка тотчас составил письмо, которое и переправлено было преподобному Феодору.

«Честнейший отец Феодор, мне во Христе любезный брате!

Прошу вспомоществовать вашими молитвами в жизни моей и в делах должностей моих. Я же к вам пребываю всегда благосклонным.

Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский».

Здесь опять позволим себе некоторое разбирательство.

Прочтём у первого жизнеописателя, которому мы *обязаны доверять*: прежде всего потому, что он, вне сомнения, один из верных учеников Старца, а кроме того – составлял Житие в первые же годы по блаженной кончине дорогого ему отца, т. е. буквально *по горячим следам* (а если это отец Иоанникий, то – прямо был свидетелем происходящего). Он пишет, предваряя цитацию вышепомянутого письма: «Преосвященнейший же митрополит Гавриил Санкт-Петербургский, велию всегда имеяше любовь к

⁵⁴ Было, было всё это, помним! в 1750-х, в Александро-Невском монастыре... (Жест духовного отчаяния, – скажем мы в скобках.)

Преподобному, писаньями своими довольно его посещаше, от коих едино при сем и есть сие». То есть надо полагать, что *не раз посещал* Владыка митрополит преподобного Феодора письмами... Но, увы! – известно нам пока лишь это единственное.

И вот, не удержимся, сделаем горькое замечание.

Благодарим Бога, что такой человек, как Феофан, оказался рядом с владыкой Гавриилом. Но – сам-то Владыка? ведь влиятельнейший иерарх, приближенный к Императрице (до того, что даже бюст его скоро повелит отлить и выставить в Александровском монастыре, – случай неслыханный!), – а видим: опасается и он малейшее неверное сделать движение. Вот, все жизнеописатели в один умильный голос благодарят митрополита Гавриила за это письмо поддержки. Мы – присоединяемся. Но, удивительное дело! – отчего бы Владыке митрополиту не черкнуть записку и бывшему викарию своему – епископу Виктору, которого, наверняка же, сам и рекомендовал на Владимирскую кафедру? Ведь намного более сильное действие было бы в облегчение участи старца Феодора!.. Нет, не стал тревожить Преосвященного Владимирского. К чему такая крадучая осмотрительность? (А то, что не просил епископа Виктора, видно из дальнейших указов и требований настоятелю Венедикту от Преосвященного; документы мы приведём.) Так в чём же дело? Что мешало Владыке митрополиту? Или думал, что Старец будет *этим* письмецом-поддержкой размахивать, всем обидчикам угрожая высокой защитой? Но вот-вот убедимся мы, что письмо это, тут же ставшее Венедикту действительно известным, мало что изменило (да ничего не изменило, а лишь, после некоторой паузы-послабы, когда выждал и увидел продолжающуюся поддержку епархиального Преосвященного, – ещё, может быть, и усугубило желчную его ревность). Нет, митрополит Гавриил был опытен и мудр. Он знал, что записка его к старцу Феодору может пред притеснителями помочь, а может и не помочь... Но ещё при этом он отлично знал вот что: две-три строки иеромонаху Феодору Ушакову (недавнему *соловчанину*, откуда освободила его Императрица, но куда она же его и отсылала...), две-три строки с молитвенной просьбой и своей к нему благосклонностью – это одно, это, пожалуй что, переписка частная; а вот *подсказка* (уж не ждём мы внятного пожелания) правящему архиерею Владимирскому о покровительстве и защите Старца, о пресечении козней ему – это совсем иное, это уже как будто и не частное дело, это политика... а где *политика* – тут-то как раз и *персона Ея Величества!*..

И приходилось быть осторожным.

А что же Старец? «...По таковой от Преосвященного митрополита милости, – читаем дальше в рукописании Жития, – можно бы Преподобному и пожаловаться в наносимых от настоятеля ему обидах, а особенно в нападках от иеродиакона Филарета, по зависти на блаженного во всём настоятелю помогающего согласника, коего бы мог <старец Феодор походатайствовать> и в другой монастырь вывести, – однако Преподобный нимало ко отмщению неподвижен являшеся, лучше вся терпети соизволяше, нежели отмщевати и себе в жизни спокойствие приискивати...»

Прошло некоторое краткое время – и вот, повествует составитель, начались «паки от настоятеля доносы несправедливые, чрез то и паки был Преподобный яко взаперти: никому не дозволено было – ни из мирских, ни обительских – говорить и сходиться с ним,

кроме келейника одного допущенного; более месяца ученики уже письмами, секретно чрез келейника, свои духовные нужды в скорбях решали; но и об учениках настоятель старался, чтоб перевести их в другие монастыри, что вскоре с некоторыми было и исполнено. Во всём том настоятелю помогал реченный иеродиакон Филарет, который позже, по выведении учеников, стался и казначеем; и навождаху они вкупе различные на Преподобного оскорбления, а особенно иеродиакон все меры положил чрез представление епархиальному Преосвященному, чтобы остановить въезд в обитель бедным белицам собранного блаженным Арзамасского общества, которые приезжали ко отцу в важнейших нуждах духовных для решения, – и чрез то немалую бедным тем обиду нанёс».

Мы видим, как трагичен был расклад санаксарской жизни. Появилось и новое имя среди гонителей Старца – Филарет. Увы! из предания *слова не выкинешь*; хотя в других отношениях это личность выдающаяся в истории Санаксара. Мирское имя его было Филипп Иванович Былинин, родом из города Калязина Тверской губернии, из купеческого звания. Поступил в Санаксарский монастырь в 1776 году, будучи двадцати пяти лет от рождения. Его талант зодчего и живописца сразу и ярко выявился, и Филипп Былинин ещё при настоятельстве иеромонаха Иоилия включился в строительство монастыря, – и с того времени все постройки (кроме соборного храма и колокольни, которые закладывались и почти завершены были до изъятия отца Феодора) возводились по его проектам, и росписи всех храмов, украшения иконостасов – его великая заслуга. Пострижен настоятелем Венедиктом в монашество 20 ноября 1781 года с наречением имени Филарет, а уже 4 января 1782 года – рукоположён епископом Иеронимом в иеродиакона. К этому времени построены были двухэтажные, кирпичные, добротные корпуса: трапезный, три братских, в одном из которых, за алтарём соборного храма, поселили вернувшегося Старца (отчего до сего дня корпус этот называют «Феодоровским»); была выстроена, украшена и освящена Владимирская церковь с больничными келиями при ней; а как раз в эти первые годы по возвращении Преподобного строили корпус для настоятеля, казначея и старшей братии, возводили мощную каменную ограду вокруг монастыря, сооружали погреба, квасоварню, угловые башни; затем, чуть в стороне от святых врат, двухэтажный дом для богомольцев из благородных классов... И что же – противник был Старец строительства и благоуукрашения Санаксара? Конечно, нет! Напротив: вернувшись, «хвалил дополненное без него строение обительское». Но за строительством упустили духовную жизнь, и здесь-то преподобный Феодор мириться, тем более благословлять – не мог. Его обличения тех, кто допустил и, пусть невольно, укреплял перекося в жизни братства, и были прежде всего причиною ответных поругательств. Развитие Санаксара, за время вынужденного отсутствия преподобного Феодора, слишком ушло в том направлении, в котором он, вернувшись, оказался не очень уместен. А хотя бы отчасти изменить нетудашнее это развитие, подкорректировать, прислушавшись к наставлениям Преподобного отца, – но мы видим, каковы и от кого были к тому препятствия. Вот и отец Филарет: яркий, энергичный человек, увлечённо и с творческой самоотдачей работал над монастырским архитектурным комплексом, внутренним убранством храмов, большие заботы и немалая ответственность держались на нём... можно по-человечески понять и его: духовная безкомпромиссность старца Феодора Ушакова то и дело входила в противоречие,

мешала... Что уж там было в подробностях – не будем гадать; но, в общем, – не удивляемся, что упомянут остался Филарет как противник вернувшегося в обитель Старца. Не совсем уразумеваем мы другое: зачем он выстраивал возбранительные резоны *бедным нищим* и тем «немалую им обиду нанёс»? Или уж – чтоб больнее было? Ну, Бог ему судия...

Да, верными Старцу и действительно *послушными* оставались его чада-сострадалицы, община арзамасская, его *отрада и утешение*, хотя было им в эти первые годы после возвращения отца – очень тяжело. Об этом читаем у самого Старца, в скупых строках письма от 18 марта 1785 года к Марье Петровне Протасьевой, великой подвижнице и любимой ученице, только что им назначенной настоятельницей общины: «Просишь <благословения> поскорее съездить к архиерею попросить, чтоб поскорее меня видеть, и то ещё младенческое твоё рассуждение; ты думаешь, что попросишь, так тотчас по твоему и сделается, а того ты не знаешь, что больше злобы прибавишь, понеже не такое ещё время по делу нашему следует, что мне *вместе с вами жить и всегда неразлучно, чему и быть не можно*⁵⁵. Проси Господа Бога, чтоб неразлучно быть вечно...»

Но всё же съездить разрешил, и Марья Петровна с ещё одной сестрой из общины отправилась из Арзамаса во Владимир. В первых числах мая она была принята епископом Виктором. И – добилась желаемого! хоть и малого... В Санаксар заспешили счастливые, имея в руках две от архиерея бумаги. Первая: «Честный отец Венедикт. Дозволить сим просительницам Протасьевой и Бобыкиной, по приезде для моления в Санаксарском монастыре, приставать временно на гостином дворе. Епископ Виктор». А вторая была: «Честнейший отец Венедикт! Объявите Феодору Ушакову: когда ему будет нужда за своими надобностями отлучиться в Арзамас, тогда, по истребованию дозволения у вас, увольнять только в год два раза на краткое время. Доброжелательный вам. Епископ Виктор».

То-то была радость в общине!.. Закончилось заточение Старца.

Но – дальше, дальше перебираем архивные бумаги.

Ноября 18 дня 1786 года: «Санаксарского монастыря настоятелю иеромонаху Венедикту. Учинилось мне известно, что иеромонах Феодор Ушаков, выезжая из монастыря, жительство имеет в Арзамасе недели по четыре и более без всякой причины, чем наводит монашескому чину нареkanie. Чего ради ему без благословной причины из монастыря выезжать запретить. А когда надобность воспоследует, тогда о дозволении представлять ко мне с объяснением причин и нужд, и куда именно. Виктор, епископ Владимирский».

Августа 31 дня 1787 года: «Учинилось паки мне известно, что из жительствоющих в Арзамасе при Алексеевском упразднённом монастыре белиц приезжают к Ушакову и живут на гостином дворе по неделе. Да от того же Ушакова из монастырской рыбы отослано в общину восемь пуд и икры несколько. Чего ради вам настоятелю, подлинно ли

⁵⁵ Выделено нами. Здесь, кажется, ответ не только на желание Марьи Петровны видеть Старца, но и добиваться перед церковной властью перевода его на постоянное пребывание в Арзамасскую Алексеевскую общину.

сие происходило, дать знать обстоятельно, за общебратственным подписанием. Епископ Виктор».

И тут же – сентября 6-го дня: «Санаксарского монастыря настоятелю иеромонаху Венедикту с братией. Известно мне, что того монастыря иеромонах Феодор Ушаков неоднократно ездит в Арзамас и становится в упразднённом Алексеевском монастыре, который ни в штате и ни по каким положениям обителью не считается. Чего ради ему выезд из Санаксарского монастыря в Арзамас воспретить. Виктор, епископ Владимирский».

И стала им *последняя горша первых*⁷³...

Не знаем ещё, с какими волокитами сопряжено бывало «испрашивание дозволения» на выезд у настоятеля Венедикта...

А рыба монастырская? А икра? Но и это оказалось «напрасным оклеветанием», как о том настоятель Венедикт, озабоченный своей рачительностью, доношением Владыке представил. (А нам – прости, Господи! – хочется сказать обоим: да успокойтесь же!.. До рыбы, до икры ли *им теперь?*)

Из писем преподобного Феодора к настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины Марье Петровне Протасьевой:

«...Слышу паки другое твоё препятствие к приобщению Таин Божиих, что ты имеешь противную совесть на некоторых людей, которые тебя обидели каковыми-либо нападками за обличение незаконного жития их. И в том ты, пожалуй, не сомневайся: конечно, ты в том не погрешила, понеже и многие святые беззаконие обличали и за то от многих вражду и злобу принимали, да пред Богом в том не погрешали. И сего ради не оставляй приступать ко Святому Причащению».

«А что-де прежде собрала в келии, то де ныне потеряла, – то и в том, друг, конечно, обманулась. Не собрала в келии, а сидела токмо за печью; а ныне стоишь на войне, так ныне врага победи, а не за печкой сидя хвались безмолвием. А сия война и мнимый тобою мятеж паче лучше келейного твоего безмолвия; ты посему и сама в себе рассмотри, что келия твоя принесла тебе доброе? поистине ничего, ни смирения, ни терпения, ни послушания. По всему в келии жизнь твоя безызвестная, ныне сама в себе рассмотри: когда вышла на войну, так во всём побеждена. Так ныне надлежит тебе не скучать, но всему военному делу обучаться, то есть и послушанию, и смирению, и терпению. А в келии жила ничему необучена, не хвали мне, пожалуй, свою келию...»

«Писала ты мне о своих согрешениях, в чём подлинно много согрешила и просишь за то от меня наказания. Так вот я что скажу: накажи ты сама себя страхом Божиим и верь, что за всё содеянное гнев Божий на тебя следует, и если ты впредь себя не определишь ныне же к исправлению, а жизнь прекратится, то какой ответ дашь пред Богом? Ныне тебе всё оное прощаю, а впредь если сохранять себя от того не будешь, то уже Господа Бога много прогневаешь».

«Письмо твоё, друг, получил, в котором писала ты о помыслах своих твоей болезни; в том не погрешила и того, конечно, не опасайся, что-де благодарно не терпела отеческого гнева и печалилась-де чрезмерно. Того уже Господь Бог по немощи твоей на тебе не взыщет, оное всё и тогда тебе прощено было, и ныне прощаю, впредь же полагай своё

рассуждение о болезни на волю Господню, и отчего она есть – оставь рассуждать, а токмо единое знай, что кроме воли Господней ни от чего иного болезнь прийти не могла, и по воле Господней попущена. Воли же Его святой – кто противиться может? Анна Яковлевна Слюзова просила меня с большим усердием, чтоб ей на время побыть у Прасковьи Андреевны в стряпущей потрудиться; в том ей от меня и дозволено, пусть побудет, сколько ей надобно будет, а Прасковьюшке скажи, чтоб её приняла и с прочими равно бы содержала, и скажи ей от меня благословение, я труды её помню и потому её люблю, почему и от Господа Бога будет возлюблена, только б до конца трудилась благодарно. Слышу, друг, что болезнь к болезни тебе прибавляется, но токмо во всём том терпи благодарно, доколе Господь Бог благоволит твоей жизни продолжить, и всегда помни: *аще внешний наш человек тлеет, тогда внутренний обновляется*⁷⁴ к вечному Божественному житию...»

Сентябрь 1787. Из прошения диакона Василия Иванова к Его Преосвященству епископу Виктору: «В небытность отца нашего настоятеля Венедикта в обители, просился я оной же обители у иеромонаха Гавриила до города Темникова, для ради касающихся моих к родственникам необходимых нужд ко отсылке писем, увольнение от коего Гавриила и получил. А во время того моего увольнения, будучи в доме купца Матвея Иванова сына Немцова в гостях, который приязнью своею обласкал и полпивом меня довольствовал, отчего сделался я хмелён. Но однако, в тот же день после вечернего пения пешком в девятом часу по немощи ко обители возвратно пришёл, у коей врата были заперты. И за сие моё прегрешение иеромонах Гавриил (который сообщник иеромонаху Феодору Ушакову) меня ко священнослужению до прибытия настоятельского, не вем ради какой причины, более недели не допускал; а позже, будучи в трапезе, оный же иеромонах Гавриил обще с монахами Иосифом, Иаковом, да рясофорные Виталий и Дамаскин, и прочие его, Ушакова, сообщники, – настоятелю Венедикту выговаривали, что-де я *ихней половине* неугоден; и по выслушании тех речей, он настоятель, не хотя учинить с ними, яко ему противниками, ссоры, сказал мне, что ежели Ваше Преосвященство меня простит, то и буду я по прежнему. И во оном приношу Вашему архипастырству извинение... и прошу учинить милостивую резолюцию, ибо я определён от Вашего Высокопреосвященства указом, а от одного Ушакова и от его сообщников меня защитить, чтоб впредь мне от них какого утеснения не происходило».

На котором прошении резолюция епископа Виктора таковая: «Хотя диакона Иванова и следовало за учинённую им погрешность оштрафовать запрещением священнослужения и выслать из монастыря, но как он самовольно чистосердечное предо мною принёс раскаяние и впредь обещался препровождать порядочную жизнь, то, вменив ему ныне дальнюю волокиту до Владимира в штраф, оставить по прежнему в монастыре...» А вот дальше следовало от Владыки то, что было несравнимо прискорбней: «Касательно до разделения на две части братии: одних, приверженных ко Ушакову, других, приставших к настоятелю, – то, как указом Святейшего Синода велено Ушакову ни в какую не вступать должность, а провождать жизнь во уединении, себя только знать, а не над другими властвовать, – сего ради *ещё ему подтвердить*, чтобы в силу регламента и правил святых Отец неотменно поступал. Братию, нарушавшую тишину и покой монастыря [эти

нарушители – приверженные к Старцу ученики его], оштрафовать вам настоятелю по своему рассмотрению. А впредь, кто таковые же будут оказывать нелепости, наказывать вам, по снятии клобуков, употреблением в чёрную монастырскую работу».

Сколько всё это продолжалось бы? Чем могло кончиться?

На исходе 1788 года *безнадёжно* занемог настоятель иеромонах Венедикт.

Нам осталась из предания предельно скупой изображённая, горькая в своей непоправимости картина:

«27 декабря, перед началом вечерни, старец Феодор пришёл к настоятелю Венедикту, лежавшему на предсмертном одре, и просил прощения...» Пришёл к духовному сыну, хотя и отпавшему, предавшему отца, – но оттого лишь несравнимо несчастному, несравнимо более нуждающемуся в помощи. Нельзя же было допустить, чтобы отошёл Венедикт из временной жизни в вечную – непримирённым, нераскаявшимся!.. Старец Феодор пришёл и просил прощения. – «Но Венедикт, не сказав ни слова, отворотился к стене. Отец Феодор так от него и вышел. Оставшиеся при настоятеле запомнили, как он вдруг начал озираться туда и сюда и, сказав: *Что это за народ брюхатый набился в келию?* – вскоре умер».

Не оставим его без молитв, читатель! Да простит Господь ему пагубное упорство!.. И да послужит уроком всем нам печальная эта история...

1726 год. Рождён Василий Давидов сын Селиванов. – С 1743 в Лейб-Гвардии Преображенском полку. Мушкетёр. – В 1750-х знакомство с монахом Александром Невского монастыря Феодором Ушаковым. Входит в общину его учеников. – Январь 1757. Из *любви и послушания* Старцу ушёл вместе с ближайшими учениками и ученицами из Санкт-Петербурга в Саровскую пустынь, затем в Санакар: «в след отца своего». – Август 1763. В числе одиннадцати отставных гвардейцев Преображенского и Измайловского полков пострижен преподобным Феодором в монашество с наречением имени Венедикт. – Август 1768. В сане иеромонаха и в сговоре с иеродиаконем Парменом открыто изъявляет Старцу нежелание дальше быть в послушании ему и своё намерение покинуть Санакар. Но после годовой от правящего архиерея епитимии во Флорищевой пустыни вынужден вернуться под начало преподобного Феодора. – Декабрь 1778. После пятилетнего правления монастырём иеромонаха Иоилы, становится, «против совестей братских», настоятелем Санакара. – Октябрь 1783. Возвращён в обитель преподобный Феодор, и начинаются для иеромонаха Венедикта мучительные годы противоборства...

И вот – последние на земле, предсмертные часы, минуты...

В келейном дневнике одного из саровских братий, современника событию, читаем: «1788, декабря 27. Венедикт, строитель Санакарской пустыни, преставился во благовест к правилу». Монашеское правило совершалось после вечерни и повечерия. В этот день на церковной службе поминается святитель Феодор, архиепископ Константинопольский, и преподобный Феодор Начертанный, исповедник.

Завершился 1788 год. Санаксарский монастырь (то же и Саровский) возвращён был в Тамбовскую епархию, где правящим архиереем стал епископ Феофил (Раев), незадолго до того прибывший на кафедру из викарных митрополита Гавриила. Первым же указом Преосвященного Феофила к санаксарской братии было о выборе нового настоятеля; в указе сказано: «избрать с помощью строителя Саровского Пахомия и прежнего Санаксарского строителя Феодора»... (Видим, что епископ Феофил рассудительно подошёл к этой непростой для санаксарцев проблеме.) Настоятелем избрали иеромонаха Вениамина; казначеем – иеродиакона Филарета, которого Владыка тут же рукоположил в иеромонаха. Ещё один указ (несколько месяцев спустя) весьма любопытен: в нём видим *своеобразно выразившееся* воодушевление братии. Епископ Феофил выговаривает настоятелю Вениамину, что довольно наслышан он жалоб на санаксарских монахов: «где ни проезжают мимо других монастырей, везде подговаривают братию к переходу в свой Санаксарский, что с величайшею обидой сопряжено по отношению к тем обителям, из которых они братию выманивают». Так, иеромонах Арсений из Сканова монастыря, который там весьма нужен по малости братии, хочет по уговору с санаксарцами, свой монастырь оставить... «Удивительное дело: Санаксарский монастырь множеством и излишеством братии и без того нам угрожает опасностью от *высшей команды*, но сего не понимает и желает ненасытно ещё большего сброду; а лучше бы иметь то *малое избранное стадо*⁷⁵, о котором Отец Небесный благоволит по Евангелию...» И Владыка требует «пресечь сию нелепость и впредь отнюдь на подобное не отваживаться; и всю братию санаксарскую, никого не исключая, обязать в том строжайшей подпискою...»

Впрочем, обстановка в монастыре, кажется, налаживалась. Прекратились и явные утеснения Старца. Хотя противники остались, но, лишённые поддержки, затаили недоброжелательство. А когда Преподобный отец, видевший явные и знавший тайные недуги санаксарского братства, вынуждался «вступать в должности монастырские» (и разве возможно было для него поступать иначе?), – ответные действия правящего архиерея были всё же иными, не как прежде. Прочитаем из письма епископа Феофила настоятелю Саровскому иеромонаху Пахомию: «...прошу вас покорно по своему благоразумию посоветовать ему [отцу Феодору], чтобы он, как разумный и благочестивый, сверх сего уже слабый и дряхлый, не вступался в распорядок монастырский; я знаю и уверен, что наш новый Санаксарский строитель отец Вениамин и вся братия к почтению его расположены, и сего для его старости и дряхлости довольно; а строение и распоряжение монастырём должно во всём и обо всех относиться к строителю одному, ибо чрез то единение и согласие всей братии сохраняется...» Слава Богу, епископ Феофил оказался не только правящим, но и *рассуждающим*.

Прошёл Великий пост, и после Пасхи, в последних числах апреля 1789 года, преподобный Феодор выезжал в Арзамас для посещения и утешения своей общины (об этом знаем по записанным и сохранённым фрагментам его бесед, поучений – в эти завершающие земную жизнь годы⁵⁶). Таких поездок было несколько, последняя –

⁵⁶ Тяжело говорить, а скажем: в общине записывали, но и сохранили. А в Санаксаре... Вспоминает архимандрит Феофан: «От отца Феодора было поучений две тетради, которые писал послушник Иван Евдокимович, в пострижении наименованный Иоанникием... Написав поучения, он приносил к отцу

накануне кончины. Эти сохранённые *крохотки* бесед приоткрывают нам душевный мир Преподобного отца. Одна из сестёр общины, владевшая навыком стенографии, запечатлела для нас живую речь Старца: неласкательную, строгую, иногда шутливую, иногда грубоватую, – и всегда мудрую, всегда – исполненную любви. Перенёсший в жизни много злобы, клеветы, предательства, он неустанно говорит им о главном: о любви к Богу, о любви друг ко другу, из чего только и произрастает правильная христианская и монашеская жизнь.

«Слышали историю праотца нашего Авраама?⁷⁶ Какую он имел любовь ко Господу Богу! и доказал самым делом: сына своего единородного, которого имел в старости уже рождённого, и того хотел своими руками заколоть, в жертву Господу принести, и сделался уже как будто тиран сыну своему, а не отец... и не оцепенели руки его на сие дело любви ради Божией!.. Вот какая любовь и вера его была к Богу. Плачевна сия история... Один когда я вспомню её, не могу без слёз быть... Так-то и вы собрались сюда чего ради, как совершенной ради любви к Богу и совершенной ради любви к ближнему; то есть между собою вам паче всего надобно иметь любовь, но я сего в вас не нахожу. И сколько я вам говорю, что ежели одна позабудется, стропотно скажет, то другая должна сказать: прости, Господа ради, – то тут же беса и отгонит и сестру укротит, как смирится-то пред нею. А что ещё говорено мною было, что и в мире не отнять спасение, то не вам сие говорено, а тем, которые в супружестве живут и нельзя уже им отлучиться от мира, – а вы по всему свободны, так неотменно надобно к монастырской жизни приходить, из моря к пристанищу. Вам ли в море жить, когда вы и в луже утопаете, а уже в море чего надеяться?..

Удивляюсь роду человеческому, истинно удивляюсь! как живут в мире, не имеют веры, ни памяти Божией. И не помнят о вечности ни о которой, а ведь там – обо́я без конца, радость или слёзы. Или не верят, что будто не правду Господь говорит, что мука будет вечная, без конца? Но тогда узнают, когда книги разгнутся на Страшном Суде Божиим, а какие же книги? ведь не бумажные, а книги совести всякого человека, и что делали в мире сем и чему не верили. А если бы ещё рассуждали: какая любовь Божия к роду человеческому, что создал человека во усыновление и в наследие Божественного Своего Царствия, и что Ангелы-то будут – служить, а человек – будет сын и наследник. Вот ежели бы сие помнили! А человек сам собою без Бога – *червь, а не человек*⁷⁷. Вот я говорю, как имея от Бога разум. Ежели его отымет от меня, то что буду – ничто. И всё человека ради сотворил Господь Бог, рассуди всякий любовь Божию к роду человеческому и рассмотри всё. А ныне – сколько же окаянства умножилось в людях!.. И удивляюсь я тем человекам, которые не знают Творца и не помнят Его заповедей. Святой

Феодору для проверки и одобрения. Сии поучения помянутый послушник, выходя из монастыря [в 1799 году, будучи иеромонахом], хотел взять с собою; но они были у него отняты некоторыми враждующими на него и сожжены: чем лишены многие блага пользоваться ими во спасение души... Невосполнимая утрата!

Иеромонах Иоанникий после Санаксара был настоятелем древнего Рождество-Богородичного Коневского монастыря, затем жил на покое в Саровской пустыни, где и преставился к Богу в 1825 году, 4 февраля.

пророк Давид говорит: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им*⁷⁸. И я того человека почитаю человеком, который знает Творца своего и старается святую Его волю исполнять; а который Бога и Его святой воли не помнит, а одним окаянством своим увеселяется, то такового не я, а святой Пророк *скотом* именует, а не человеком.

Христос Спаситель нам образ есть жития монашеского общаго. Его общение было со Апостолами, и всё быша им обща. Ещё Христос говорит: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет*⁷⁹. Но сие не монахам токмо единым сказано, но и всем христианам, ибо всякий христианин должен жить по закону Божию и волю Его святую исполнять, и какое приключится злострадание или притеснение от кого, то всё благодарно терпеть и крест свой нести. И воли своей отвержение в том состоит, чтобы по воле Божией принимать благодарно всё печальное. И монахов ещё не было тогда, когда учил Христос Спаситель, а всем христианам говорил. И любовь Божия состоит во исполнении заповедей Его святых: *любяй Мя, заповеди Моя соблюдая*⁸⁰.

Слышите, что говорит Христос Спаситель к фарисеям и законоучителям жидовским: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери*⁸¹ и прочая; ибо они неудобь носима бремена налагают на человеков и великого от них взыскают, сами же и о малом нерадят. А мы, кажется, на вас ничего тяжёлого не налагаем: ни поста великого, ни стояния многого к молитве, а паче говорим только о любви, чтоб между вами была любовь да покорение друг ко другу, которое вам будет во спасение. И Пророк святой говорит: *Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе*⁸². Вот я о вас стараюсь, приезжаю, какую нужду претерпеваю, и толкую вам законное исполнять. Ежели не будете стараться так жить, то сие моё учение вам будет в суд и во осуждение от Бога.

О праздниках толкуете и в чём праздник состоит; да не в том, чтоб пение слышать и где поют хорошо, – а надобно жизнью сообразоваться воли Его святой, и чтоб помнить Господа Бога и Его всегда к нам великие благодеяния... А уж ваше-то пение противно мне весьма. Не голоски надобно уставлять, а слушать и внимать, что читают, да во умиление себя приводить; вот о чём надобно стараться. А то: в Никольском-де монастыре поют хорошо и служат хорошо как – рай-де у них там; да нечего тому радоваться: какая их жизнь, болтаются везде и бегают как бешеные, где бы и не надобно, и повреждаются. Пожалуй, и вам дать волю, то и вы станете распускать голоски не хуже их; да что добра-то: плюнуть мне на ваше пение! Жизнью надобно стараться по воле Божией жить – вот о чём всегда вам говорю... Ныне празднуем, что Христос Спаситель воскрес, и радуемся, ибо всем отверзл райские двери. Благодарить Господа Бога надобно всегда, но радоваться – только тем людям следует, которые по воле Его Божественной живут; и вот такому человеку подлинно прежде радости радость, где бы он ни жил, хотя в пещере какой-то, везде может радоваться. А то все радуются, что Христос воскрес; да не знают уже чему радуются те, кои развращённо живут, увеселяются одним окаянством в мире да роскошами; и чему *они* радуются?.. только горе их ждёт. И *праведник едва спасется*⁸³, то

есть боится и трепещет, не на добродетели свои надеется, а на Божие милосердие уповает. И Пророческое слово говорит: *не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живой*⁸⁴; и ещё: *егда прииму время и правоты ваши разсужду*⁸⁵... Вот уж тогда нечестивый и грешный где́ явится?»

Так и видим: в их общей большой келии *под сводами*, где обычно вкушали пищу и совершали молитвенное правило, сидят теперь они, притихшие (а было их в тот год в общине до ста пятидесяти сестёр), внимают каждому слову Старца... Горит неугасимая лампада в углу пред древними образами Божией Матери «Утоли моя печали» и преподобного Алексия, человека Божия, покровителя сего древнего монастыря, ныне вот упразднённого в приходскую церковь, при которой и живут в келиях, *спасаются* богадельницы, вдовы и девицы, благородные и из простых – община, собранная старцем Феодором. «Бедные нищие», богатые евангельской нищетой. Здесь теперь и те немногие, уже состаревшиеся, которые *оставили всё* и пошли вслед за ним из Санкт-Петербурга, тридцать лет назад. Здесь и другие, пришедшие в эти последние годы, есть совсем юные, шестнадцатилетние... Они все отреклись мира: с его безумием и уродством, с его утехами и наслаждением – и пришли ради духовной жизни, *невесты Христовы*, – пришли сюда потому, что в этой общине старцем Феодором по духу древних христиан созидалась любовь... Будут ещё задаваться ему и вопросы, будут и недоумения – всё Старец разберёт, всех утешит... (Не знаем, исповедовал ли? Священником-то приходской церкви был отец Алексей Ильин; а времена суровые были, – потому не рискнём утверждать.)

Осенью 1790-го, в очередной приезд, был в общине в день памяти своего небесного покровителя, благоверного князя Феодора, Ярославского чудотворца (сестра-стенографистка записала: «в день своего патрона...»), и после трапезы 19 сентября поучал:

«Вот слушайте, я хочу вам сказать Христово слово, что *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, – внидет в Царствие Небесное*⁸⁶. Так вот что я вам на сие скажу. Что не думайте кто из вас: мы-де ходим в церковь, кланяемся много, то и получим Царствие Небесное. Нет, – но кто заповеди соблюдёт. Первая заповедь ещё и до Рождества Христова была: чтобы *любить Господа Бога паче всего, всем сердцем, и всею душою твоею, и всем помышлением твоим, и любить ближнего аки самого себя*⁸⁷, и жить не себе только, а ближнему послужить, и ничего земного не любить, то есть мирского пристрастия не иметь. Так ежели бы вы жили во исполнении заповедей Его, то присвоили бы к себе Духа Божия, а понеже вы живёте не так, то и присваиваете к себе духа нечистого. Так потому-то и Апостол сказал, что *не оскорбляйте Духа Святаго Божия, живущего в вас, имже знаменаетесь в день избавления*⁸⁸, и за всякое праздное слово воздадут ответ в день судный⁸⁹. Или вот скажу со Апостолом, что *да не исходит из уст ваших всякое гнилое слово*⁹⁰, то есть вот чтоб сказать шуточку какую, чему бы было посмеяться, это, кажется, мирским уже только идёт, а вы вот монастырские называетесь – а зачем-то пришли в монастырь? Которых и я знаю, что одна против другой не хочет смолчать и друг против друга зависть; сие-то вас от памяти Божией и отводит. Духа-то нечистоты к себе и присваиваете, понеже страсти-то в вас все уже есть. Вот зависть, ненависть, злопомнение, гнев, гордость, лжа, клевета, укоризна, посмешество, обман, праздность, леность, кощунство. Так вот, это всё в вас есть, так и присвоите к себе духа нечистоты. А сколько

вам говорю, затем и приезжаю к вам и говорю, чтоб была между вами любовь, терпение, молчание. Вот уже для того и сторожей к вам приставил⁵⁷, чтоб духа нечистого отгонять и болтушки праздные оставлять, а все только думают о покое да как бы кто чего не оскорбил. Вот монастырские люди!.. А всё это от того, что нет памяти Божией в вас, а я всегда вам то говорю, что молитва ваша и поклоны бесполезны будут, ежели жить не будете по заповеди Господней. Так вот помните да присваивайте к себе Духа Божия, а духа-то нечистого отгоняйте. И просите Бога, чтоб дал прежде конца покаяние. Помните, что я вам говорю, и исполняйте».

В начале 1791-го был в общине в последний раз. Был долго, не менее месяца: остались три поучения, которые датированы сестрой. Нам они особенно дороги: ведь это последние, из сохранных, слова его на земле.

18 января после трапезы:

«Вы младенцы не по телу, а по душе ещё младенцы. Слушайте, скажу вам слово Пророческое: *помянух Бога и возвеселихся*⁹¹. В каком же разуме сказал он сие слово? Первое, стал рассматривать мир от сотворения, как всё создано уму человеческому непостижимо: сотворил Бог небо, утвердил и землю, дышут ветры, льются воды, и моря стоят, не превосходят меры своей... *Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему*⁹². То есть-де больше уже доходить разумом моим о тайне непостижимой премудрости не можно, ибо разум тое постигнуть не в силах. И так со вниманием рассмотрел всё, что есть на земле; и узревши, познал величие Творца. Потом рассмотрел человека и как всё премудро создано. И помянул любовь Бога к человеку и великие щедроты и благодеяния, и познал свою худость. Того-то ради и сказал, что *аз есмь пред Богом червь, а не человек*⁹³; и к такому брэнному человеку всегда чувствовал любовь Божию и сам старался доказывать за все Его благи благодарность, а чем же доказывал – жизнью своею, чтоб вся жизнь проходила во исполнении Его заповедей, и ничего земного кроме Бога не любил, и всегда горел духом с надеждою, что конечно будет с Ним неотлучно; так с тем и сказал: *помянух Бога и возвеселихся*, а помянул не просто, но жизнью, чтоб и жизнь была по воле Божией. Так помянул с надеждою Божия милосердия и получения будущих благ. Того ради и сказал сие. А какое пророк Давид претерпел от тестя своего Саула, потом от сына Авессалома гонение!.. И все их гонения за надежду Божия милосердия терпел, и что говорил: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Сего ради возвеселися сердце мое*⁹⁴... Так он знал, что Господь всегда с ним, потому и говорил: *аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста*⁹⁵...⁵⁸

Вот, слово Пророческое и ко всем следует: что за милосердие Божие всё сносить надобно с терпением и благодарностью. Так и всем говорю: по жизни кто живёт хорошо,

⁵⁷ Преподобный Феодор под «сторожами» имел в виду учреждённое им в общежительстве послушание *старших сестёр*, назначаемых в каждую келию и у которых все прочие находятся в полном повиновении; старшие же сёстры подчиняются настоятельнице.

⁵⁸ Здесь сестра делает примечание: «Сию историю как стал говорить, то и сам плакал и сказал, что “когда я сии слова или историю хотя один помяну, то не могу от слёз удержаться”».

тот может надеяться на благодать Божию и помнить, что *помянух Бога и возвеселихся*. А кто в небрежности живёт, так к тем сие слово не следует, они той радости не имеют. Про вас знаю, что сидите, никуда не выходите, трудитесь день и ночь, того ради и вам говорю: *помянух Бога и возвеселихся*, и подлинно все надежду Божия милосердия имеете. Так всем должно помянуть сие слово. Например, сказать: как из темницы да привести во светлицу, так каждый, я думаю, возвеселится, велика радость будет; а как уже из светлицы-то да в темницу посадят, так тут-то каково будет терпеть? Вот я приезжаю, говорю, иногда покричу, а иногда утешу... да кто как поживёт, то и получит. *Мняйся стояти да блюдется, да не падет*⁹⁶. То есть не надейся никто на добродетельное своё житие, ибо диавол всегда непрестанно на нас воюет».

Ещё поучал 3 февраля:

«Читали вы, что надобно искать драгоценный бисер. А какой то бисер? То есть Христа Спасителя. А чем же искать Его? Жизнью хорошею. И вам оное следует, потому что вы монастырские, за тем пришли. Вот написано, что *всё продай да един многоценен бисер купи*⁹⁷. Так оно; то есть все оставь страсти, кольми паче волю – так и сыщешь этот бисер. Вот Евангельское слово: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела*⁹⁸. Так сие следует до вас, чтобы ваша жизнь была светом, а не тьмою. Ибо все указывают на монастырских, как-де живут в монастырях. Так вот Спаситель и говорит: *аще свет тма, то кольми паче тма?*⁹⁹ То есть когда уже повредятся монастырские, то кольми паче мирские? Так того ради светом называют монастырских, чтобы подавать образ своею жизнью хорошею мирским; а как могут быть светом? Вот я всегда езжу, толкую, чтоб иметь любовь друг ко другу да покорение, смирение. Вот Апостольское слово: *чадца моя, имижже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас*¹⁰⁰, то есть до тех пор печалюсь, пока ваша жизнь не будет по Христовой заповеди. Так это слово и до меня следует, чтоб и ко мне сия скорбь не дошла о вашей жизни...»

16 февраля, в воскресенье, *неделя о Страшном суде*:

«Вот уже мне вам толковать много нечего; от Писания, что всегда читают, так к тому и идёт Апостольское слово: *всегда учащаяся, и николиже в разум истины прийти могущия*¹⁰¹. Оное вот что значит: всегда слышите слово Божие, а делом не исполняете, то есть жизнь не по слову Божию ведёте, так оно в разум истины николиже прийти не сможете. Ежели кто из вас живёт в небрежности – да вам ещё и живая-то книга потребна; так хотя бы то исполнили, о чём я толкую: чтоб наипаче всего была любовь друг ко другу да покорение, смирение, терпение, так этого Бог и спросит с вас, а много-то и Бог не спросит, о чём вы толкуете по неразумию своему, говорите о постах больших, да в церковь-де мы не ходим... От вас вот какое спасительное дело требуется – чтоб была между вами любовь; но того всего я в вас не вижу: вот пока да говорю, так помните, а как перестал, то уже и забыли. Смотрите же, чтоб не сбылось на вас Апостольское слово, что *всегда учащаяся, но николиже в разум истины прийти могущия*, то есть всегда слышите да не творите, о чём и Апостол говорит: *слышатель слова Божия, а не творец – подобен в зеркале зряще лице свое, а отошел – каков бе и забыл*¹⁰². Так уже пред Богом и отдадите ответ; но что вам говорю, то старайтесь помнить да исполнять».

Это поучение отмечено как последнее; но это не так. В предании устойчиво сохранилось ещё одно, действительно последнее слово, сказанное Старцем при прощании, может быть, пред самым отъездом, когда и сани были уже поданы, и все запомнили отца «в необычном против прежнего и особенном умилении», запомнили «слёзы, от очей его текшие»... Он толковал им псалом *На реках Вавилонских*, говоря: «Когда сыны Израиля, отечества своего лишившиеся и ни откуда себе отрады ни мало не видевшие в земли чуждѣй, седши при реках, горько плакали, то тем плачем изобразили состояние всех нас, в бедах живущих на земли. Всегда нам в мыслях наших весьма содержать надобно, якоже и мы зде обитающего града не имамы, и отечества *Небесного* присно есмы странники, напастьми от врагов наших томимы, тогда только себе в том и отраду находим, внегда разве помянути нам горний Сион: *помянух Бога и возвеселихся...*»

Когда он говорил, все плакали – и настоятельница, и сёстры...

Не думали, что видят его в последний раз.

Во вторник выехал в Санаксар. «И весьма к возвращению торопился, так что и во всю дорогу во обитель спешаше...» Но приостанавливался в Сарове, с братией саровской *прощался* (шла масляная, близился Великий пост...), в среду 19-го к полудню – был в обители Санаксарской.

И сошлись к нему в келию ученики, и он со всеми обще беседовал; но затем отпустил всех, оставив лишь двух из дворян, недавно в монастырскую жизнь поступивших (Сергей Андреевич Полтев и Алексей Андреевич Репнин, оба бывшие в немалых чинах), которые «в рассуждении новоначала своего особенно требовали ко утверждению наставлений...» О чём была последняя, общая с учениками беседа Старца – не знаем; но известно, что он во время этой беседы, «при двух дворянских высокородных лицах и при своих учениках» (и чувствуя, должно быть, подступивший страшный миг *перехода*), «долго и горько поплакал и порыдал пред Богом неутешно, близ четверти часа говоря: *много, много от юности согрешил*». Все ушли, остались дворяне, но скоро и они должны были удалиться по просьбе отца, который *нача изменятися в лице* и сказал им отойти *в келии своя, яко изнемогу ми...* И они, хотя знали эту его давнюю внутреннюю болезнь, от которой по временам нередко страдал, теперь с особенной горестью выходили от него, ибо чувствовали, что изнеможение сие необычно, и затворили двери, оставив отца одного – пред *ангелом смерти*, уже представшим ему.

...Когда-то, в дни полковой юности, почти пятьдесят лет назад, его ужаснул случай внезапной смерти товарища в минуту лихого бездумного веселья. Он ужаснулся тогда, что таким же неподготовленным и праздным смерть может застать и его, – и случай этот был одной из причин, может быть решающей, его тогдашнего бегства.

Но вот пришёл час – и в чём же застаёт его *ангел смерти*, посланный взять от исстрадавшегося тела бессмертную душу? Он застаёт его в трудах пастырства, старчества, – к которым и призывался тогда, от юношеских лет. Удивительно!.. Последние дни как бы вместили всё самое дорогое в его подвижнической жизни: Арзамас, община верных любимых чад, промыслительная Саровская пустынь, родной многострадальный

Санаксар... даже и санкт-петербургские дворяне, последними бывшие у него! Всем дал урок *духовного бегства* от безумств міра сего.

Здесь, «на земли чуждѣй», он исполнил послушание, заповеданное от Бога; теперь пора была уходить – в Небесный Иерусалим.

И он ушёл.

«...через некое же время монаху келейному пришедшу и молитву сотворшу, и до трёх крат – и не бе во ответ гласа отеческого. И вниде без благословения и видя отца на одре лежаща, ничтоже глаголюща, токмо уже хриплюща, – бежа скоро возвести братии, яко отец скончается. И снидошася вся, будучи в вечернее время, и присутствоваху отцу безгласну сущу – даже часов пять. В десятом же часу пополудни разлучися блаженного душа от тела в вечный живот... И плакавшие над ним ученики его и ученицы горько...»

Погребение старца Феодора было 22 февраля, в субботу сырной седмицы, когда по уставу церковному совершается переходящее празднование *Всех преподобных отец, в подвиге просиявших*. Гроб с телом почившего отца, скорбно утеснённый братией, учениками и ученицами, и всеми, кто успел в Санаксар к этому дню, стоял в нижнем Предтеченском храме, его трудами и молитвами воздвигнутом, и звучали над гробом дивные песнопения, так согласные с его святой страдальческой жизнью, которая осталась теперь для всех – как пример и как назидание.

«...Приидите вси вернии, преподобных отец лики воспоим... сия дрѣвеса яже насади Бог наш, сия плоды нетленныя жизни процветшая, принесоша Христу, питающе наша души... Радуйся всякое место и граде и странѣ, гражданы воспитавшая Царства Небеснаго, и сих в воздержании и болезнях возрастившая, и желаний совершенныя мужы Богу показавшая. Сии светила душ наших явишася, сами чудес зарею, и дел знаменьями, просияша мысленно во вся концы. К тем возопием: отцы всеблаженнии, молитесь спаситися нам!

Очистим себе братие от всякия скверны плоти и духа, свещи душ наших просветим нищелюбием, не снедающе друг друга оклеветанием; приспе бо время, егда Жених приидет всем воздати по делом их. Совнидем Христу с мудрыми девами, глас оный разбойника к Нему взывающе: помяни нас Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!

Отеческими молниями озарившеся, яко в рай красный ныне входяще, сладости потока насладимся, и сих доблести ужасно смотряюще, поревнуим добродетелем, Спасу взывающе: молитвами их, Боже, Царствия Твоего причастники ны сотвори!

Узы разрёшше страстей, прилепистесь любви благих, и в славу премірную во Христе облекостесь, от своих трудов обретше упокоение, воздержания трудами получивше вышняго живота. Темже достойно радуетесь купно с горними силами, богоноснии отцы наши, прегрешений оставление испросите празднующим любовию святую память вашу.

Преподобнии отцы, во всю землю изыде вещание исправлений ваших. Темже на Небесех обретосте мзду трудов ваших, демонов разрушивше полчища, Ангелов постигосте чины; ихже житию непорочно поревновавше, дерзновение имуще ко Господу, мир испросите душам нашим...»

После заупокойной Литургии, на отпевании, духовный сын старца Феодора священник из Вологды отец Николай произнёс подобающее надгробное слово, в завершение которого, среди общих рыданий и сам не удерживая слёз, воскликнул: «О горестнейшее сердца стеснение! Замолкли те приятные уста, которые сообщали Божественные наставления и обличали всякую неправду; те руки, которые упражнялись в трудах полезных для многих, положены неподвижны одна на другую на персех; прильпе гортани язык его, вещавый даже до последнего издыхания мир Христов духовному стаду сему. Но, ах! что за глас во уши мои ударяет! Слышу от гроба исходящие слова: “Не плачьте о мне, но о себе плачьте, любезные мои духовные дети! В сей жизни временной соединены мы были любовью Христовою во един дух, не разлучаюсь я с вами и по смерти моей, любовь моя к вам и во гробе моём со мною. Не плачьте о мне, но помяните мя и молитесь о мне Христа Бога, а я, представши Судии Безсмертному, не забуду в молитвах моих о вас, да облегчит печаль вашу и возвеселит вас веселием неизглаголанном. Духовные мои дети! возлюбленное о Христе стадо! Се последний завет мой завещаю вам: подвизайтесь, при помощи благодати Божией, тесным и прискорбным путём внити в живот вечный, а от мирских сладострастий оберегайтесь, ибо широкий и пространный путь есть вводя в пагубу”¹⁰³. Возьмём же сие в рассуждение и внемлем гласу сему! Оставим печаль об усопшем, помолимся вси купно о нём, да вселит его Господь идеже есть свет жизни вечной, а нам да послет благодать Всесвятаго Духа, наставляющую нас на всякое дело благое. Аминь».

Погребён был старец Феодор у северной стены соборного храма, рядом с могилой настоятеля Венедикта, чуть подале от него – к востоку. (*Здесь Венедикт снова был рядом...*)

По прошествии же трёх месяцев по кончине блаженного, а значит, 19 мая, когда Церковь среди прочих святых того дня празднует память благоверного князя *Иоанна Угличского, в иночестве Игнатия*, – явился сам преподобный Феодор во сне ученику своему: архимандриту Тихвинского монастыря Игнатию. О чём отец Игнатий так писал в уведомление сёстрам Алексеевской общины в Арзамас: «Я в болезни весьма находился, и всею братиею к житию безнадёжен был; но по власти Господней, хотя и грешен есмь, однако видел Батюшку отца Феодора в сонном видении, во славе великой. И он показал мне якобы его обитель и многие келии пречудные: каждая келия более вашего Алексеевского монастыря. И в них видел я отшедших санаксарских монахов и послушников бывших, и монахинь и послушниц ваших, отшедших от сея жизни, которых я знал, и во всяком покое многие лица. А о прочих Батюшка мне говорит: *Сии петербургские, ты их не знал*. И так мне сказал: *Время тебе быть в обители, пойдёшь...* И я проснулся»⁵⁹.

⁵⁹ Напоминаем читателю, что преподобного Феодора в мире звали *Иоанн Игнатьевич*. В начале повествования мы уже говорили, что некоторые факты: приписка в семилетнем возрасте к полку именно в мае; в это же время, но в семнадцать лет, отбытие в полк к службе; в это же время, но в тридцать лет, подача прошения о постриге, – как бы подсказывают нам *месяц* его рождения. Явление Преподобного своему

Из писем Марьи Петровны Протасьевой (в тайном постриге схимонахини Марфы):

«Помните всегда, сёстры, что нам Батюшка отец Феодор приказывал, чтобы иметь безропотное послушание, смирение и терпение, а если будем иметь сии три добродетели, то чрез оныя будет в нас и любовь, а где любовь, тут будет и Бог!»

«Пекитесь о своих душах, Бога ради, и помните отеческое учение или, лучше сказать, Божие учение, понеже отец наш не своё, а Божие учение предлагал. Так если будем помнить и жить в угодность Божию, то, конечно, не лишимся вечного воздаяния, и тогда Батюшка наш может нас представить ко Господу и сказать: *се аз и дети моя*¹⁰⁴. А если не будем так жить, как приказывает Господь чрез отеческие уставы, то в будущем веке отречётся: *не вем вас*¹⁰⁵».

«Помните, сёстры, зачем собрались: для спасения души, – о том стараться должно и просить благодать Господню, чтоб не лишиться вечного пребывания с любезным нашим наставником, о котором уже несомненно верим, яко сподобился лицеизрения Божия и неизреченной Божественной радости за толикое его терпение и любовь...»

«Милостивый мой благодетель и по духу истинный нам брат Иван Григорьевич!

Житие Батюшкино нам бы следовало *жизнью своею* списывать; а потому – в рассуждении его святости и великого по Бозе ревностного духа, – просим благодать Господню, дабы сподобиться хоть перстом коснуться великих его Богоугодных дел; и подлинно, великий угодник Божий! Нам, недостойным, по нашей лености можно ли приравняться во всём к его святому житию? Хотя бы отчасти, хоть мало чем – сподоби, Господи!

Любезный мой батюшка братец, прости меня, Господа ради, что *мнение* на тебя приняла: якобы вам ненадобно было, чтоб в моём сердце сладкий и пресладкий был любезнейший мой отец. Но из второго письма вижу, что не в том намерении было от вас написано, и уже не требуете ныне от меня, чтоб к отцу умеренней была моя любовь. Никогда на свете ни прежде не было, ни после не будет, кому бы из человек была я столь предана по Бозе моею любовью, как к нему; желаю, чтоб и Христа не менее отца, а паче и более любить. Да если б не предупреждена была наставлением любезнейшего моего отца: что *Небесный Отец если возмёт у тебя меня, земного отца, то уже должна любимую вещь любимому Господу с любовью отдать, а не роптать; а то если не так, се будет твоя паче Бога ко мне любовь...* Так по сему-то мне несносное разлучение от любезнейшего моего отца и сносно было; а если б не так, то могла бы я и возроптать, и опечалиться паче должного. Хотя должной любви ни Господу Богу, ни батюшке Феодору самым делом и не доказала, а всегда их в жизни моей оскорбляла и прогневляла, и ныне всегда оскорбляю своею леностию душевною и телесною.

За чистосердечное ваше ко мне писание благодарение вам приношу и обличение в моём самовольстве с любовью приемлю. Только позволь же и мне, братец, чистосердечно признаться: я вас почитаю за искреннего брата, а не за отца; и если мне что сумнительно, так я вас спрашиваю и спрашивать буду, прошу не оставить; а что мне не сумнительно, то

ученику именно 19 мая – не указывает ли нам *день* его рождения, а также и небесного покровителя, в чьё имя он был наречён при крещении?

я с общего согласия сама делаю. Может, у меня в обители и много таких вещей найдётся самовольных и мне не сумнительных; так почему же я у вас лицемерной буду, не поруча вам совершенно свою душу? Не с тем, братец, пишу, чтобы от вас скрываться в чём, но вам даю знать: что если что случится мне сделать, не спрося вас, на то не гневайтесь; а если что услышите или увидите мною сделанное и для вас сумнительное, прошу так же, как и теперь, меня спросить, а я вам как искренняя сестра во всём признаваться с Божией помощью буду. И сказывать на себя любезному братцу готова, в чём виновата нашлась или найдусь, или примечена от вас буду; и прощения просить готова. А любить тебя, батюшка братец, люблю, и слова твои мне не противны. Но в совершенное послушание ещё отдать себя не могу; боюсь: да не како стропотно поведёшь, не знаю ещё совершенно вас, ни нраву вашего, и можете ли наши немощи так сносить, как наш любезнейший Батюшка отец Феодор сносил. У него был нрав ангельский, а не человеческий; как матери чадолубивая согревал своих птенцов. Часто случалось: враг наведёт на него противность и помыслы ругательные, то когда все их подробно ему расскажешь, он отвечает с улыбкою: *Не скорби, друже! мать от младенца иногда и царапания по лицу принимает да терпит, не гневается; так-то и вы меня младенцы царапаете, да ужель мне на вас гневаться?* И много таких случаев, что я подобного во всей вселенной не могу ему сравнить; нет на земле такого в человеках, какое наше сокровище было! Вот вам чистосердечное моё признание. Прошу прощения в моей вине. Остаюсь, убогая Марья Протасьева.

А что не уведомляла вас о снах, в том прошу прощения; но только не от нелюбви моей оное произошло, а от неразумия: не почла за нужное, а за сумнительное. Да к тому же и у нас здесь была молва: кто верил, кто не верил. Авдотья Ивановна крайне сердилась, почто сны толкуют; того ради я и у себя не велела было сказывать, кроме меня одной. Согрешили мы, батюшка братец, верим иногда снам. И хотя Церковь не приказывает никаким снам верить, но я в том сомневалась. Когда же ты, братец, верить намерен, то и я верить стану без опасения. У нас такие чудеса: которую я сестру за недосугами долго для открытия её совести не беру, а она смущена, и череда долго до неё не дойдёт, тогда сокровище наше, пастырь наш любезный и привидится ей, и уврачует её, и утешит в смущении; а иногда видят во сне, что и со мною по келиям обще сестёр исправляет, и, случается, которую я келию намерена взять, той келии сестре и привидится, что Батюшка по обыкновению, как изволил при жизни исправлять со мною, ту келию и исправляет. Так я оному верю, что он без сомнения мне недостойной грешнице помогает, и с нами присутствует, и порадуюсь оному весьма, что врачует сестёр без моего труда. Одной сестре виделось, что Батюшка у нас в трапезе, и якобы я прошусь к нему, чтоб он меня взял; упала в ножки, обрадовалась ему (а знаем, что скончался); а он изволил мне говорить: *Потерпи, друже, я бы тебя взял, да некому стадо поручить; скажи мне – кого, я определю.* А я представляю, что знаю кого; а сестра та и говорит: “Батюшка! она же нарочно, подлинно некому быть, ей хочется к вам, так она и предлагает...” А Батюшка меня уговаривает: *Пожалуйста, потерпи, друже, подлинно не на кого возложить,* – и так уговаривал меня; а мне прискорбно было: и во сне, и на яву. – Уже теперь всё вам буду объяснять, чтоб опять в нерадении не заспать. Прошу прощения, что прежде не уведомляла вас о таких вещах...»

И шло время: день за днём, месяц за месяцем, год за годом.

В августе 1796-го отошёл ко Господу архимандрит Игнатий, начинавший монашеский подвиг у старца Феодора в Санаксаре; укрепивший обители: Введенскую, Пешношскую, Тихвинскую; восстановивший из запустения (так что уже и кавалерийский полк стоял...) древний Московский Симонов монастырь, где и упокоился. В том же году в ноябре закончилась земная жизнь Императрицы Екатерины II, названной Великой, и начал своё недолгое царствование Павел – единственный сын её от Петра III, свергнутого ею же с помощью отборных гвардейцев; много вынесший с детства от дворцовых буйств и интриг, Император Павел править будет иначе, не *как при матушке*. Граф Алексей Орлов, один из цареубийц, вынужден немедленно скрыться за границу. Митрополит Гавриил в опале, да и сам всё более устраняется чиновных дел, в молитвенных подвигах готовясь к переходу в вечность. Славно бьётся на Средиземном море адмирал Фёдор Ушаков, ещё вовсе не думающий, что скоро найдёт последнюю гавань и тихое пристанище в Санаксаре. Бывшие послушники санаксарские: архимандрит Феофан и схиархимандрит Макарий – великие несут труды старчества. И схимонахиня Марфа (*убогая* Марья Протасьева) множит и укрепляет во славу Божию общину бедных нищих, собранную и заповеданную преподобным старцем Феодором...

Завершался суровый, блистательный и тяжкий XVIII век.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...Се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом.

Евангелие от Матфея. 19, 27

Архимандрит Феофан (Соколов; †3 декабря 1832)

ИЗ РАССКАЗОВ

о своей жизни и современных подвижниках⁶⁰

⁶⁰ Записано сёстрами Воскресенского Горицкого монастыря в 1822 году.

Печатаем по: Архимандрит Феофан, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря /Сост. Н. Субботин. СПб., 1862; а также: Духовный журнал «Странник». 1862. Февраль.

Ради целостности восприятия сохраняем некоторые фрагменты, ранее нами цитированные. Для удобства чтения делаем незначительную стилистическую правку. По необходимости вставляем в квадратных скобках пояснительные слова.

Теперь мне семидесятый год. Родился 12 мая, а именинник 16-го, в день [преподобного] Феодора Освященного. Пострижен в двадцать пять; в монастырь пошёл восемнадцати лет. Я и прежде думал оставить мир, но всё откладывал. А как началась моровая язва в Москве, то я и убрался оттуда поскорее. На большой суконной фабрике начался мор: с шерстью привезли из Турции. А на Иване Великом всё кричал филин. И комета преужасная была, нынешней ниже, а хвост превеличайший: половину почти неба занимал. Страх находил на всех. Один знакомый офицер шёл по улице: лежит на мостовой империял, – он вынул шпагу и дотронулся концом: вдруг точно змея пробежала к эфесу! Он скорее шпагу бросил. К шерстяному платью всё более приставала... С вечера Богу молятся, легли, поутру – мёртвы. Один господин (Протодияконов) не запирает своих ворот, сам ходил в Успенский собор и своим всем велел ходить: жив остался...

Скажу вам, как мы делали своё начало, в какой жизни. Мы искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали. В Саровской пустыне? нет, ещё слабо! А к отцу Феодору! Пришли к отцу Феодору. Обитель забором деревянным огорожена; церковь маленькая, волоковыё окошечки, стены и внутри не отёсаны, и свеч-то не было: с лучиной в церкви читали! И платье-то какое носили! балахоны. Один смурый кафтан был тому, кто для покупок выезжал. Начало-то недостаточное было и трудное! В лаптях ходили: одни были мелко плетёны, другие крупно; так и лежали: одна кучка – меленькие, другая – крупные; ноги обёртывали онучами из самых толстых изгребней, а босиком не ходили. Придут к отцу Феодору. «Что?» – «Благословите взять ступни». И велит самому выбрать; из меленьких и выберут. Отец Феодор позовёт: «Поди-ка сюда», – и возьмёт. Случалось это и с отцом Игнатием: и у него отбирал частые ступни, и бранивал за это, что на лапти прельстился. А Игнатий был из придворных! Начнут говорить: «Живи, живи, и в этом-то утешения не сделают, в каких-нибудь ступнях!» Услышит это отец Феодор, позовёт: «Что вы там?» – «Да вот, Батюшка, какое смущение: и в этом-то утешения не сделаете!» Начнёт представлять: «Есть ли разум? Что вы из этакой безделицы теряете спасение!» Да, мы жили у старцев духовных...

Нельзя, чтобы и плевел не было между пшеницей: и нас старцы бранивали за противоречие, непонятие. Я жил в одной келии с Макарием: ему больше всех искушений было. Отец Феодор даст ему балахон худо сшитый, с длинной спиной или с заплатами; тот смущается, придёт к отцу Феодору, показывает, как на нём балахон сидит, какая спина несоразмерная. Отец Феодор начнёт увещавать: «Зачем пришёл в монастырь? да есть ли разум? что вы занимаетесь – чем? тряпками! Надобно заниматься тем, чтобы душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься!..» А после и привыкли... А отец-то Игнатий раза два к Преосвященному при мне уже бегал. И когда был поставлен иеродиаконом, то с вечера примочил волосы, заплёл да после и расчесал; надел парчовый стихарь, а в лаптях! Как встал на амвон, отец Феодор его и подозвал: «Ты, – говорит, – павлин! хвост-то распустил! посмотри на ноги-то. Поди, сними-ка стихарь!» Тот оскорбился и убежал ночью к Преосвященному [Иерониму] жаловаться, что-де

пристыдил, посрамил меня. А Преосвященный и прислал его к отцу Феодору, чтобы на поклоны поставил.

А чтобы при себе что-нибудь иметь, – ничего уж не было. Огня в келии никогда не бывало. А послушание было такое, что я и сам: полы мыл, щепки собирал, ложки мыл, пищу варил. Сами караулили по ночам: походим, походим, да поклонов несколько земных положим, помолимся.

А недовольных отец Феодор не держал, – говорил: «У меня ворота открыты для всех, кто хочет выходить». Уж он этого слова не терпел, истреблял и слышать не хотел – когда кто говорил ему, что-де *я этого не хочу*. Однажды отец Феодор по окончании трапезы сказал всей братии: «Ну, отбирайтесь, кто хочет в пустыню (а до этого многие просились, только он удерживал их, возбранял), становитесь на сторону, кто со мною – на другую». И отобрались. Но кто пожелал в пустыню, со всеми воспоследовал худой конец, потому что оставили *послушание*. А были все такие молитвенники, постники!..

Сколько я видел! все в одно время жили старцы – высокой жизни: отец Паисий [преподобный Паисий Величковский; †1794, память 15 ноября], отец Клеопа [†1778]... Жили сперва в Афонской горе, в уединении; да трудно очень: вышли в Молдавию; здесь отец Паисий и остался. Отца Паисия чуждая жизнь была! Он книги переводил, этим и занимался. У него тысяча братии было из разных наций: и валахи, и сербы, и немцы... В трёх монастырях жили, недалеко один от другого. Сам он в Драгомирне жил и никуда оттуда не выезжал; к нему туда приезжали из других монастырей. У него такой устав был, что позволялась разная пища: валахи свою пищу, сербы свою, немцы свою, но только всё по уставу. Кто мог содержать себя, тем позволял строить келии около монастыря. Великой был жизни! патриархи относились к нему в недоуменных делах. Имя его известно было и в России; из Москвы много присылали к нему. Светлейший князь [Григорий Александрович Потёмкин] ездил нарочно смотреть его. Принц Кобургский тоже приезжал; так он признался (ведь он немец был): «Я, – говорит, – не видывал такого человека!» Господь Бог за смирение даёт благодать. Терпение его всех препобеждало, всех преодолевало. Тысяча братии – было кому оскорблять! Дар пророчества совершенный имел, и – что́ скажет кому из братии, всегда сбывалось. Три монаха просились сюда в Россию повидаться с родственниками; он говорит им: «Вам будет не на пользу». Не послушались, приехали в Москву, – их задержали, назад не пустили.

А отец Клеопа пришёл в Россию. Он было хотел опять возвратиться в Афонскую гору, – думал, как в Молдавии: поехал да и всё тут! – а его поймали. Преосвященный Сильвестр [Страгородский; †1802] велел его оковать, назём заставил возить месяца два. Посмотрел, посмотрел отец Клеопа, не спрашивают его, – написал письмо к Преосвященному (письмо это и теперь хранится в Пешношской обители). Преосвященный, прочитав письмо, позвал его к себе. «Зачем ты ушёл?» – «Я не с тем пошёл, чтобы с худым намерением, а с тем, чтобы удалиться от молвы; мы в Афонской горе привыкли к уединённой жизни». Отец Клеопа прямо сказал ему: «Ежели Ваше Преосвященство не оставите епархию, вы не спасётесь!» Преосвященный говорит: «Я пойду к тебе в Пешношский монастырь». – «Нет, не уживётесь! а возьмите себе Воскресенский монастырь».

Преосвященный Сильвестр, когда был у Потёмкина в Москве, тогда тот рассказывал: «В Молдавии какие отцы! высокой жизни, почтенные! Здесь таких нет». Преосвященный говорит: «Нет есть, да только они не видны». – «Кто такой?» – «А вот Клеопа». Светлейший говорит: «Представьте мне». Преосвященный сказал ему, где его искать: у купца Матвеева квартирует. (У Матвеева стол открытый был для всех странных.) Светлейший карету и прислал. Они обедали. Спрашивают: «Который тут из вас Клеопа?» – «Я. На что?» – «Да Светлейший прислал за вами». Удивляется, почему узнал Светлейший. «Хорошо, – говорит, – я приеду, у меня есть своя повозочка». – «Нет, без вас не велено приезжать». Принуждён был ехать. Увидел Преосвященного: «Это вы меня, Ваше Преосвященство, затащили сюда старика!» – Начали говорить: понравился Потёмкину. Хотел представить его Государыне [Императрице Екатерине II]; а отец Клеопа поскорее и убрался во Введенскую пустынь. На дороге, когда он ехал туда, солдат жестоко бил его. Офицер, знакомый Клеопе, увидел это, спрашивает: «За что он бьёт?» – хотел солдата наказывать, но отец Клеопа упросил его: «Не троньте, – [это] Бог приказал. Клеопа, не тщеславься! ездил в карете! был во дворце!..»

Введенская пустынь в девяноста верстах от Москвы, на острове. Остров меньше нашего Новоезерского. Отец Клеопа в лесу жил; было с ним двое учеников: один Лука – теперь в Давидовой пустыни, другой – Матфей, – после удалился в Афонскую гору. Хлеба не достало у них; начали проситься ученики: «Батюшка, отпустите нас в деревни попросить хлеба». – «Подождите». День прошёл, другой, третий настал, – просят, чтоб отпустил их. «Подождите, завтра отпущу». На третий день, ввечеру, на паре лошадей приезжает человек, спрашивает: «Где эт-та Клеопа?» Всего навёз: и пшеничной муки, и ржаной, и масла коровьего, и постного, и крупы. Смотрят: каким образом он проехал? дороги-то нет, лес превеличайший, частый – по зарубам ходили.

Да, много на него искушений было. Был иеромонах Паисий – такой простой-препростой был. Поехал в Москву для закупок, лошадей-то и увели у него; да на них же воры и приезжают в монастырь. Братия увидели, узнали лошадей, спрашивают: «Где вы взяли? Ведь это монастырские лошади!» Привели их к отцу Клеопе. «Где вы их взяли?» – он их спрашивает. «Виноваты, увели». – «Ведь вот вас теперь надобно под суд отдать. Да что вы, в нужде что ли?» – «Недостаточные». – «Ну так возьмите одну себе». В другой раз зимой с полуночи опять находили воры. Братия бегут к отцу Клеопе: «Недобрые люди лезут на ограду!» – «Ну что же, – отвечает, – нечего нам делать. Идёмте все в церковь!» Так точно гром какой сделался превеличайший на озере; от страха воры попадали все; лежали до рассвета. Поутру приходили раскаиваться к отцу Клеопе.

[Граф Роман Иларионович] Воронцов, [Владимирский] генерал-губернатор, присылал спрашивать Клеопу, чего ему надобно – земли, рыбных ловель? «Кланяйтесь господину губернатору, – благодарю за усердие. Скажите, что для меня нужно земли три аршина – более не надобно, так у нас столько-то есть; а рыбу мы у мужичков покупаем».

Хотел один купец строить им каменную ограду, тридцать тысяч денег давал. «Кланяйтесь, благодарю за усердие. Ежели ему угодно, пускай строит». Тот обиделся, в Саровскую пустынь и отдал.

Отец Игнатий, когда был во Флорищевой пустыне казначеем, ехал оттуда в Петербург и заехал к отцу Клеопе. «Ты, – говорит Клеопа, – здесь после меня будешь настоятелем»,

– и надел на него крест. «Да это же, батюшка, архимандричий крест!» – «Да, будешь», – говорит. И всё сбылось по словам Клеопы в короткое время. Отец Игнатий, возвращаясь из Петербурга, заехал в Введенскую пустынь и уже не застал в живых отца Клеопы. Братия стали отца Игнатия просить, чтобы у них был строителем, и по просьбе их строителем сделан. Но как Пешношский монастырь, в котором и мощи преподобного Мефодия под спудом почивают, запустел уже совершенно, то Преосвященный Феофилакт [Горский] Переславль-Залесский стал просить отца Игнатия, чтобы перешёл в Пешношский монастырь; отец Игнатий перешёл, а с ним и отец Макарий, который после Игнатия был архимандритом; а отец Игнатий взят был на архимандрию в Тихвин монастырь. Крест, который надел на него отец Клеопа, первый надет был на него при посвящении в архимандрита.

Да, отец Клеопа жизни подлинно святой был и чудотворец! Он всегда был в молитве. От стояния ноги отекали у него. Книги читал [преподобных] Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника. Общее правило у него было сто пятьдесят поклонов в церкви поутру и сто пятьдесят после вечерни. Всенощная шла семь часов. Он охотник был петь. Дремлет, – и сонный-то поёт и читает! Так вздремлет, что только что не упадёт до земли. Он сверх [уставного] поучения своё поучение сказывал во всенощную.

А на трапезу у него позволялось ходить с белым хлебом, у кого было; и сам идёт на трапезу с белым хлебом. Другие не роптали; и блины пекли у него! Одинаково нельзя вести всех, иных грубая пища может привести в изнеможение. Одни пришли из бедности, от трудов в покой, другие от богатства, от нежного воспитания. Для последних и то за великое вменится, что они оставили богатство. А брашно и питье не поставит нас пред Богом. Более всего надобно, чтобы не было раздоров, непримиримой вражды, ненависти, которая как уж научится зазирать, то и конца этому не будет... Гораздо лучше научиться зазирать себя самого.

Во Введенской пустыни однажды случилось вот что: один послушник сказал, что он видел очевидное явление. Отец Клеопа велел искусить его, немножко пожуричь со стороны. Тот смутился, почёл за оскорбление, пришёл к отцу Клеопе и говорит: «Я не могу здесь жить, меня оскорбляют». – «Как же ты говоришь, что удостоился видения, а не можешь терпеть? Следовательно, это прелесть. В голову камень класть, поститься, на голой земле спать – это пустое. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*¹⁰⁶, сказал Господь, а не чудес и явлений каких-нибудь обещал...»

Да, без смирения хотя бы власяницу носили, хоть вериги – не принесут они никакой пользы. Нестяжание, раздаяние милостыни, пост и молитва – ничто без смирения. Сколько поклонов ни клади, а будешь мечтать о себе, что жестокою жизнь веду, – не получишь никакой пользы: вся сила в смирении...

Виду отец Клеопа был такого: ростом повыше меня, лицом кругловат, сед и как нельзя суше; он всегда плакал. Умер, думаю, более семидесяти лет. Он сам записался в синодик и сказал, в какое время умрёт. Он 40 мучеников [Севастийских] любил день [9 марта]: в тот день и умер. Прежестокоей был жизни. Он из малороссиян, из Киева, жил в Афонской горе; о себе сказывал, что в юности чистоту соблюл и никаких плотских грехов не знал. Потому-то и исполнен был благодати Божией... По смерти его было особенно важное исцеление: одна дьячиха испорчена была, лечили несколько лет, привезли в монастырь,

велели взять земли с его могилы и напиться. Как скоро выпила, тут же живую ящерицей вырвало её.

Сколько же случилось мне знать мужей добродетельных! Великие старцы были, от которых я учился. [Святитель] Тихон Воронежский, отец Феодор, отец Клеопа, – можно сказать, чудотворцы! Вот Преосвященный Тихон: много чудес от него. Я у него был ещё при жизни. Он меня оставлял у себя. А там схимник был Митрофан – добродетельной жизни. Он часто ездил в Елец, где многие пользовались от него. Раз оставил Игнатию (тамошнему иеромонаху) ключи от своей келии, а тот собрал нищих да всё и роздал им, что в келии было; оставил одну ложку и самое необходимое, – вычистил так всю келию! Митрофан приехал, увидел это, бежит к Преосвященному жаловаться: «Что мне Игнатий сделал! опустошил мою келию!» Преосвященный Тихон спрашивает отца Игнатия. А тот отвечает: «Да чего! про́пасть такая у него мшелоимства! Я всё лишнее роздал, а нужное оставил». Преосвященный и говорит Митрофану: «Ну – так ты, схимник, должен ещё благодарить отца Игнатия».

Когда отца Феодора послали в Соловецкий, так он сказал: «Кто желает жить в Санаксаре, пусть остаётся здесь; кто не желает – выходите с благословением, кто куда хочет». Я перешёл к отцу Клеопе. Туда приехали из Молдавии от отца Феодосия [Маслова; †1802] два монаха: Антоний и Арсений. Мне захотелось в Иерусалим. Отец Клеопа не препятствовал, благословил. Я первый из Военной коллегии взял билет, другие на меня глядя, и пятнадцать человек нас пошло. Но те пошли в Иерусалим, а я остался в Молдавии в Тисманском монастыре. Я желал в Иерусалим, намерение было и на Афонской горе пожить, но остановлен был отцом Феодосием. Мне уж как желалось к отцу Паисию! – нет, не допущен был. Мне говорят: не туда, а сюда ты зван. Через три дня меня постригли; я семь лет в России был послушником.

На Тисмане двое мощей: преподобного Никодима [Тисманского; †1406, память 26 декабря] и ученика его Аркадия. Место там уединённое. Монахи собраны из всех наций, числом около восьмидесяти. Тут Потёмкин-то конюхом был [один из родственников князя Г. А. Потёмкина]. Он одиннадцать лет в тамошних местах жил – и в каком послушании, в каком терпении и смирении жил! О послушании так внушено было: что бы ни делалось, сказали на послушание – тотчас оставляли всё. Я сапоги шил, полы мыл. Которые исполняли святое послушание – в каком спокойствии были! какого успеха превеличайшего достигли! Отец Феодосий святой жизни. Подлинно все как ангелы Божии! Вот этот [монах] отец Анастасий Потёмкин преучёнейший был, и по-французски говорил, и по-немецки, и по-латыни, и по-турецки, и по-волошки; а конюхом был, за лошадьми ходил, сукна ткал, горшки делал. Никто не знал, что он учёный, – скрывал своё благородство; там почитали его за сербянина и грамоте незнающим. Один монах [из пришедших в Тисман] узнал да и говорит Феодосию: «Да ведь это Потёмкин у вас!» Призвал его отец Феодосий: «Ты Потёмкин?» – «Да, – говорит, – но уж теперь жить у вас не буду». – «Ради Бога, съезди ты в Россию к Светлейшему, выпроси монастырь!» А нам тогда в Валахии нельзя было жить, как с турками замирение сделалось. Дали нам кибиточку; он на козлах сидел и колёса подмазывал, лошадей запрягал, а я и не знал, что

он Потёмкин. Феодосий сказал: «Выбирай из братии, кого тебе надобно». – «Мне дайте Феофана». Он написал письма от себя (отец Феодосий мне их отдал), а сам кучером поехал, не сказавшись и мне; а от кого письма – тот будто бы у Феодосия остался в монастыре. В Киевской лавре был у него родственник (кем, не помню, кажется – иеромонахом), и ему письмо написал. Приехали. «Ну, слава Богу, – тот говорит, – а мы думали, его и в живых нет». Приехали в Москву к матери Светлейшего, – он и ей письмо написал. «Ну, слава Богу, – говорит, – а то мы думали, его и в живых нет». Дядька его [т. е. старый слуга], живший когда-то с ним в корпусе, уже офицерский чин имеет, станционный смотритель, почту содержит. На эту его станцию приехали мы. «Куда вы?» – говорит. «Мы в село Никалаш», – отвечаем; а станция эта его от Никалаша верстах в тридцати. Станционный смотритель вдруг и говорит хозяйке своей: «Это Алексей Петрович!» А я, услышавши, говорю ему: «Что ты! это сербанин». Поехали мы дальше. К отцу его приезжаем; я подал письмо. Он распечатал, перекрестился и побежал к семейству своему: «Ну, слава Богу! а мы думали, его и в живых нет, а он ещё жив». Посадили нас, – а все на него смотрят. Спрашивают меня: «А что он не говорит?» Я отвечаю: «Он сербанин, не умеет слова по-русски». В это время отец Анастасий говорит мне по-волошки: «Я что-то чувствую себя нехорошо; мне дурно, – проси для нас особую комнату». Я говорю: «Не можно ли нам отвести покой особливый? с дороги отдохнуть хочется». Дали нам горницу, но в ней стеклянные двери. Отец Анастасий говорит: «Нам надобно как можно скорее сегодня выехать». Вошёл его отец. «Не можно ли сегодня отправить нас?» – «О, нет, – отвечает тот, – какую радость получили мы! Целую неделю не отпустим!..» Смотрит на отца Анастасия и говорит ему: «Ты наш сын». Отец Анастасий встал, поклонился ему и ничего не говорит, будто не понимает. Я говорю: «Иногда ведь человек на человека походит...» – «А позвольте снять вашу камилавку?» Посмотрел. «Нет, не он», – и вышел. Немного спустя опять входит. «Богом тебя заклинаю, скажи: сын ли ты наш?» Ну, тут уж отец Анастасий не устоял и сказавшись. Тотчас записки разосланы к родным о его приезде; уведомили и всех знакомых. Целый месяц прожили. Я говорю: «Отпусти хоть меня-то». – «Нет, – отвечает, – без тебя не остаюсь». А брат его, который теперь архиепископом [Преосвященный Иов (Потёмкин; †1823), архиепископ Екатеринославский], он приехал тогда из полка, двадцати пяти лет, а уж майором был; он всё плакал. После убежал в Молдавию, в лесу жил; имя ему было Яков Петрович, десять лет пропадал. Уже теперь и ему с лишком семьдесят, а он меньший был... А отец Анастасий после в Александро-Невском монастыре жил, был и игуменом Отенского монастыря. Когда [граф] Самойлов [генерал-прокурор при Императрице Екатерине II, уволенный от должности Императором Павлом тотчас после её кончины] выехал из Петербурга, он выпросил его в Одрин монастырь, там у него вотчины были: я, говорит, тебя не оставлю. Тут отец Анастасий и скончался. Даже никто не знал в монастыре до самого дня его кончины, что он – Потёмкин. Старец был добродетельный, премудрость исходила из уст его!

А в иеродиаконья меня произвели таким образом: как мы приехали сюда в Россию просить монастырь (и дали нам Софрониеву пустынь), то отец Игнатий из Флорищевой звал к себе: «Поедем к нам, вместе ведь жили у отца Феодора...» А туда как раз

приезжает Преосвященный Иероним Владимирский, требует кого-либо к посвящению. Строитель [Флорищевой пустыни] говорит: «Никого нет». А тут на меня и указали. Сколько ни отговаривался, не мог отговориться. Синодским указом во Флорищеву и определился; там жил временно, – покуда отец Феодосий с братией выезжали из Тисмана; я дожидался. А потом Синодским же указом перевели меня в Софрониеву пустынь. Года полтора там жил. А тут требуют из братии в Петербург в Александро-Невский монастырь, к разным должностям для укрепления (тут и отец Анастасий Потёмкин отрекомендован был). Я не хотел в Невский, стал проситься в Пекин (назначали тогда в Пекин охотников [в Первую Китайскую миссию]). Но всех желавших в Пекин отправили, а я остановлен. Все они там перемёрли, – только один возвратился, в Моденском монастыре игуменом умер.

Мне не хотелось в Петербург: я стал тогда проситься в Алексеевский монастырь в Москву. Нет, не пустили, – а велели быть в Петербурге. Сперва был [в Александро-Невском монастыре] в канонархах; потом сделали братским ключником: канонархом был год да ключником год, погреб братский с напитками был на руках; что у прежнего [погребничего] выходило в год, у меня стало на полтора года. Потом взят к Его Высокопреосвященству в келейники. Преосвященный Гавриил первый год с меня отчёту требовал; а уж после-то... Преосвященному и доказывали на меня, что у Феофана мешками деньги стоят, – кто ни придёт, своими руками берёт. Преосвященный смеётся: «Ему легче раздавать-то!» Я всё составлял: и напитки, даже водки. Сказали Преосвященному, что вот – вы столов не делаете, а у Феофана всякий день столы: человек по десяти обедает. Преосвященный спрашивает: «Что у тебя за столы?» – «Да вот, для странных, – отвечаю, – которым не случится где пообедать, я готовлю щи, горох да кашу». Потом сказали, что у Феофана погреб отворён, и, кто ни приходи, – всякий пьёт своими руками, что хочет. Однажды Преосвященный приходит сам: я в погребе один. «Что ты делаешь?» – «Да вот надобно мёд слить, отстоялся». А мёд варился из берёзовицы...

Малороссияне меня не любили – и вот за что: прежде монастыри вверялись им – всё малороссиян определяли в архимандриты, – и все монастыри опустели. Преосвященный тужил о сем и пёкся об их исправлении; спрашивал меня о духовных старцах, нет ли мне известных, годных для сего. А я всех своих знакомых, с которыми вместе жил в послушании у старцев, в Петербург перетаскивал: вот отца Игнатия, отца Назария, отца Иону и прочих. В Новгородской епархии все монастыри опустели; Клопский монастырь упразднить хотели; в Тихвинский монастырь приехал Преосвященный (и я был с ним), посмотрел, увидел его в великом упадке и сказал: «О, как запустел!» Архимандрит тут же был – старичок Евфимий. Преосвященный, возвратясь в Петербург, спрашивает меня: «Кого бы сделать архимандритом в Тихвин?» Я отвечал: «Ежели угодно будет Вашему Преосвященству, то Пешношского строителя Игнатия». Изволил спросить: «Ты знаешь его?» Я сказал, что вместе жили в Санаксарской пустыни. Он приказал написать в Синод доклад и, взяв с собою, предложил Синоду, что нужно Тихвин монастырь поправить, как самолично видел, в каком он великом упадке, и находит способным к тому Пешношского строителя иеромонаха Игнатия. Но как отец Игнатий в Богословии и прочих науках неучёный, хотя с великими природными дарованиями был, то Синод не соглашался неучёного в архимандриты произвести. И так продолжалось это с полгода. Напоследок,

приехавши из Синода, Преосвященный был весел и сказал мне: «Ну, слава Богу, Синод согласился!» Итак, отец Игнатий первый неучёный в архимандрита произведён, – и с того времени началось поставление в архимандриты из неучёных. Он завёл и порядок в Тихвине, и начал стенные росписи вновь в соборной Тихвинской церкви. Потом отец Игнатий переведён в Московский Симонов монастырь, который был упразднён и стоял в нём конный полк; он монастырь возобновил попечением и коштом именитого московского гражданина Афанасия Ивановича Долгова.

Да, Преосвященный Гавриил – премудрый, и богослов, и философ, а более всего – что угодил Господу Богу! Я сподобился послужить ему! Я не достоин; но Господь Бог привёл послужить такому великому мужу! Десять лет жил.

Он был великий Святитель, которого слова сбывались на самом деле на пренебрёгших ими. Вот что он сам мне сказывал. Жаловались ему на притеснения одного откупщика; Преосвященный призвал его и увещевал быть человеколюбивым; но тот не послушался, – и когда, от Владыки вышедши, поехал, то лошади понесли и разбили: головой ударился о камень, – тут и умер. Зимногорские ямщики, по размежеванию получивши землю деревенских мужиков, теснили их, не давали убирать с хлебом, до осени не терпели; Преосвященный уговаривал ямщиков, чтоб дали мужикам время убрать хлеб, – не согласились. Но покуда стояли они у него – вся деревня ямщицкая выгорела. Преосвященный говаривал: «Я уж боюсь так решительно и говорить-то». Сказывал ещё о графе [Григории] Орлове, который против воли его женился на двоюродной сестре. Он уговорил на своей даче священника обвенчать их. Государыня приказала Преосвященному, чтобы их не разводить за великие заслуги его пред Отечеством. А по всем церквам запрещено было венчать их. Священника, который обвенчал, потребовали к суду. Граф ему говорил: «Ежели тебя расстригут, я тебя майором сделаю». Его расстригли [извергли из сана?]. Через полгода граф занемог, супруга его занемогла: поехали на тёплые воды, в Швейцарию; возвращаясь назад, на дороге она умерла; умирая, говорила мужу: «Вот до чего ты меня довёл, что умираю, в пустом месте. Дай Преосвященному Гавриилу восемьдесят тысяч». А сам он, переехавши за границу, с ума сошёл. А священник в самом беднейшем виде после у Преосвященного просил пономарского места: майором-то не сделали! Однако деньги были выданы Преосвященному: он их в ломбард положил. После её родные стали просить, называли себя бедными. Он всё отдал; оставил только четыре тысячи, чтобы процентами пользовалась Лавра для поминовения её. С того-то и говорили: у Преосвященного Гавриила сто тысяч в ломбарде!..

Великие какие люди были! в карете ездили в четыре, в шесть лошадей – да ничего это не повредило! *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное*¹⁰⁷. Преосвященный Гавриил всё в слезах, всё плакал; когда служил, всё со слезами, а монашество-то, даром что всё по школам учился, получше нас знал. О себе он рассказывал, что в детстве его к родителям всё пустынники хаживали. «А я, – говорит, – всё это слушивал, это мне всё памятно: они о монашеских искушениях говаривали». Про брата своего Варлаама [Петрова] рассказывал, который в Тобольске был архиепископом. «Вот, – говорит, – брат начал учиться: ноги заболели. Он оставил словесные науки, начал живописи учиться – и это оставил. Пошёл в Невский монастырь в послушники. Никто его не уважал: поддиаконский сын. Досифей схимник там был: раз идёт брат, а тот его

[архиерейским чином] встретил. “Что вы меня так встречаете?” – “Я архиерея встретил, постригайся”». Когда брат жил у Преосвященного Гавриила, тот говорит ему: «Я бы тебе дал игуменское место, да нет теперь у меня». Пресвященный Иннокентий [Нечаев; †1799] это услышал: «Отпустите ко мне в Елеазаров монастырь». Потом в Отрочь монастырь в архимандриты перевёл его Преосвященный Гавриил; а потом уж – архиереем в Tobольск; там и скончался[†1802]. Антоний [Знаменский; †1827], после Ярославский, был на его месте в Tobольске. Приходят, говорят ему: «Ваше Преосвященство, завтра память по Преосвященном Варлааме, так как прикажете?» – «Пускай служит протопоп, а я к панихиде прииду». Назавтра смотрит: весь город собрался! Спрашивает: «Что это за народ?» – «Да на память Преосвященного!» – «Не знал я, – говорит, – надобно бы мне самому отслужить».

У Преосвященного Гавриила пятьдесят рублей положено было раздавать нищим в каждый день, – это медных только, а ассигнациями и золотом сам раздавал; да по триста рублей каждый месяц на тюрьмы. Медные деньги раздавал я, и по тюрьмам я же развозил. Когда он один кушал, всегда было только два блюда: кусок осетрины свежепросольной и уха; а когда архимандриты обедали, то четыре блюда и не более. В постный день ел только однажды. Приехал как-то Псковский Ириной [Клементьевский; †1818], а у Преосвященного рыбного кушанья не было приготовлено, подают пироги с горохом. Тот говорит: «Что это такое?» Преосвященный смеется: «Пироги с горохом ты ведь, я думаю, едал? что – разве забыл?» Ну, перекрестился Преосвященный Ириной: «Благослови, Господи, ясти нового изобретения кушанье – пирожки с горошком...» В постные дни щи с грибами и с постным маслом. Я говорю Преосвященному: «У нас есть всякие масла, даже миндальные (в жестяных коробках); не угодно ли с теми готовить кушанье?» – «Надобно, брат, привыкать; может быть, со временем и этого не будет». Он как пророчествовал: Император Павел ведь его отставил без всего, без всякой пенсии... Однажды говорит: «Навари-ка ты мне щей-то на неделю, только чтобы разогреть, – и заморозь». Я говорю: «Ведь это для здоровья-то не так-то хорошо». – «То-то, – говорит, – я это примечаю; нет уж вкусу-то никакого». После ранней обедни никогда не кушал; в девять часов уедет в Синод, а в третьем часу приедет, – и до того времени никогда не кушал. К вечерне и к утрени всегда ходил. Всегда в слезах был; кого оскорбит, после плачет. Когда во Дворец ездил, прежде всегда молился – и всё в землю. Однажды кладёт поклоны земные; я пришёл, – он говорит: «Дай Бог, чтобы сегодняшний день так прошёл». Он ехал тогда на служение, где вместе с ним должен был служить протопоп Самборский, с бритой бородой. Увидя Самборского, говорит: «Ты что за человек? Церковь наша не принимает бладобритых. Поди вон». [Протоиерей Иоанн] Памфилов [духовник Екатерины II] говорит: «Что вы делаете? воля Императрицы!» – «Я не хочу, чтобы Церковь наша страдала; ежели служить с ним, это значит всей России подать соблазн, что я это сам дозволил». Приходит [князь Александр Андреевич] Безбородко [канцлер и министр иностранных дел], – говорит: «Воля Государыни есть, чтобы он с вами служил». – «Доложите Государыне: я не могу с ним служить; наша Церковь не принимает бладобритых. Пускай один служит». Ну уж – думал, в кибитку!

Преосвященный не служил, а служил Самборский. После зовут к Государыне обедать, а Самборского уж не было, и никто не видал потом, чтобы он служил.

...Да, Бог меня привёл в моей жизни! Вот в Сарове великие были старцы: отец Ефрем [Коротков; †1778] человек простой-препростой был, словесного дара совсем не имел, чтобы дать какое наставление, а только поучал своею жизнью... Ещё в Саровской пустыни Симон монах добродетельный был, Иоаким иеромонах, что большой холодный собор строил, Пахомий, Исаия... Преосвященный Никифор [Феотоки; †1800] жизни святой был, Преосвященный Самуил [Миславский; †1796], митрополит Киевский. Подлинно замечательные были люди и добродетельные!..

Отец Назарий [преподобный Назарий; †1809, память 28 июля в Соборе Тамбовских святых] сказывал: такое чудо было близ Саровской пустыни во время Пугачёва, когда многие поля остались незасеянные и голод превеличайший был (в тогдaшнее время семь рублей была четверть ржи). Одна гора открылась наподобие муки, – и стали печь хлеба. Прошло время, смотрят – в той же горе песок. Тогда в Саровской пустыни премножество народа кормили. Стало у самих мало хлеба. Приходят братия к отцу Ефрему, докладывают, что хлеба остаётся уже у самих мало, раздавать просящим нечего, то – как он прикажет. Он отвечал: «Если отказывать, то будут умирать. Лучше уж нам прежде умереть, нежели люди будут умирать. Как Богу угодно!» Одна госпожа сто четвертёй и прислала к ним хлеба. Она советовалась с саровскими старцами, как ей употребить хлеб, которого у неё было очень много. Ей присоветовали на три части разделить: часть нищим, часть себе, часть на продажу. Которую часть на раздачу-то определили – роздали всю; только смотрит управитель, а хлеб ещё есть. Пришла сама госпожа, – а хлеб из сусека сыплется. Она тут же пала на колени и благодарила Бога.

Отец Назарий человек был простой, неучёный, писать не умел. Преосвященный Гавриил спрашивал отца Назария: кто у него хуже всех? Он отвечал: все хороши. «Ужели-то нет никого худого?» – «Владыка святой, я один». Случилось отцу Назарию ехать чрез селение, – играют дети; он остановился, созвал их и спрашивает: «Кто из вас лучше всех?» Они указали на одного: «Вот этот лучше!» – «Почему?» – «Он смирен; мы его браним, а он ничего». Отец Назарий сказал им: «Так и вы у него перенимайте». В Польше перерезано было наших [солдат] пятнадцать тысяч обманом: велено было, как дадут [им] повестку, то на квартирах [пребывать], чтобы [поляки] резали солдат [наших] сонными; иные [из них] о том были предуведомлены, а иные нет. Это было у меня; отец Назарий тут же был. Преосвященный Гавриил пришёл такой скорбный. «Что вы, Владыка, так скорбны?» – отец Назарий его спрашивает. «Да вот эти поляки!» – и сказал, сколько наших перерезали. «Не скорбите; которые к Богу пошли, которые за грехи наказаны. Нечего скорбеть! Бог знает, что делает с нами». И Преосвященный успокоился. Отец Назарий жил в пустыне семь лет. Я бывал у него. Он сапоги по шести лет нашивал, платье носил рублищное. Ему страшилища были в пустыне. Сказывал, мысль ему пришла: насея репы, будут приходить усердствующие братья её – и будут исцеления. «Да что́ им болезни! они святые, а я грешный», – подумал он, и в тот же миг его как палкой по голове ударили,

и так сильно, что не мог на ногах удержаться, упал; и почувствовал такой смрад и зловоние в воздухе... ползком кое-как до обители дошёл. Та́к вот смирение – как противно диаволу! А ежели бы принял мысль-то – и чудотворения бы враг сделал. Вот тщеславные-то мысли и со святой стороны заходят!

Отец Герман (он теперь в Америке [преподобный Герман Аляскинский; †1837, память 27 июля]) с малых лет жил в пустыне с отцом Варлаамом. Отец Варлаам однажды отлучился, оставив его маленького – 12 лет было – одного. А тут сбиравшие грибы в лесу заплутались и набрали на их келию-то. Когда он [двенадцатилетний отрок, будущий отец Герман] вышел к ним, так они даже испугались его: так необычайно показалось им его присутствие в лесу.

Около Сарова пустынный жил: пятьдесят лет в пустыне. Мне случилось знать его. Два послушника пришли его навестить; а он сидя молится. «Что вы?» – «Навестить пришли». – «О, не время ещё, придите ко мне завтра». Пошли они обратно; да одному из них пришла мысль вернуться. Другой ему говорит: «Ведь ты оскорбишь его». – «Ну, что делать? всё-таки пойду». Пришёл; пустынный его спрашивает: «Зачем ты?» – «Да мне пришла мысль воротиться». – «Ну, нечего делать: так, видно, угодно Богу». Помолился и скончался.

Игумен Зеленецкого монастыря Нифонт тоже святой был жизни. А то ещё Тихон иеромонах, капитан морской, жизнь чуждую проводил. Ежели ему дадут жалованье, нищие уже и смотрят: он [нарочно] рассыплет деньги, а они подбирают; а он только смеётся... Скажут ему: «На корабли!» – «Теперь, что ли?» – и келию свою, бывало, не заперёт; что в ней есть, так и оставит. А чай пил странным образом: положит сахару в медный чайник, а чаю-то в нём нет, только вода, – так из рыльца и пьёт: он так юродствовал. Ежели ему скажут: «Отец Тихон, послужите». – «Хорошо; я готов». А чтобы он с кем-нибудь бранился, ссорился, противоречил, – уж это никогда! Хоть маленький кто скажет ему: «Идите». – «Хорошо, пойдём». Хоть с него одежду кто возьмёт: «Хорошо, возьми!»

Ещё Варлаам был иеромонах, тоже святой жизни, такой добродушный. Его хотел удавить некто церковник. Варлаам пригласил его к себе, по его бедности, а тот увидел у него много серебра (Варлаам из богатых был): ложки, чашка серебряная полоскательная у него были. Церковник петлю-то ему и приготовил; но он спасся и рассказал всё Преосвященному.

Ещё игумен Андрей хорошей был жизни, скончался: больно избили его французы [в Москве в 1812 году?]. Мельхиседек, архимандрит в Серпухове, также добродетельной жизни был. Он прежде [в храме] у Иверской [иконы] Божией Матери был иеромонахом. А там был Пётр [Алексеев] протопоп, толковал некоторые слова славянские (его лексикон есть). Так он Мельхиседека не любил, по зависти к его жизни святой. Взял да и представил о нём в Синод, что Мельхиседек волшебник: волшебные чудеса творит. Преосвященный Гавриил прочитал донос – да и смеётся; говорит мне: «Ты знаешь Мельхиседека? Пётр представил о нём, что он волшебник». А я говорю: «Знаю; его можно почесть за чудотворца».

Тоже вот Алексей схимник был [в мантии Адриан, иеромонах (Блинский; †1812)]: прозорливец и добродетельной жизни. Я знал его: он был военный человек – из солдат, вышел в отставку и постригся в Симоновом монастыре. Потом ушёл в леса рославльские, там и жил с двумя своими учениками. Как я был с ним знаком, то он писал ко мне, не можно ли им к нам приехать и нет ли какого монастыря, где бы им поместиться. Я доложил Преосвященному; его сделали в Коневец настоятелем, оттуда на покой удалился в Симонов монастырь и меня приглашал к себе.

А вот ещё во Флорищевой Макарий старец был юродствующий и прозорливый. Этот Макарий рассказывал мне, что когда придёт ему смущение, так он пойдёт да и помолится на могилке Иринарха, первоначальника Флорищевой пустыни, так и легче станет. Этот Иринарх был после строителя Флорищевой пустыни Илариона, который позже стал митрополитом [Суздальским и Юрьевским с 25. 03. 1682]. От сего Илариона Царь Феодор Алексеевич [время Царствования 1676–†27. 04. 1682] исцелился вот как: Иларион, не быв уведомлён о приходе Царевом, за пять вёрст его встретил и предложил ему эти пять вёрст идти пешком; тот не хотел, – был болен ногами; однако же, бывшие с ним присоветовали ему идти. Иларион говорит Царю: «Вот, возьмите мои ступни» [лапти]. А тот и в пуховых сапогах ходить не может, а не то что в ступнях, – однако же, надел и прошёл все пять вёрст. Пришли в церковь, Иларион начал молебен. Царь стоит, исцелел ногами – и спрашивает предстоящих: «Не во сне ли мы здесь?» Отвечают ему: «Не во сне». Царь велел Илариону прийти к себе в гости в Москву; тот приходит, – Царь посылает его к Патриарху [Иоакиму (Савёлову; †1690)], чтобы посвятил Илариона в архиереи. Патриарх отвечает, что у нас ещё не бывало примера, чтобы из строителей прямо производили в архиереи; но, однако же, посвятил. После сделали его митрополитом в Суздале. При [Императрице] Анне Иоанновне он ещё был жив [неточность памяти: митрополит Иларион скончался, будучи на покое (во Флорищевой пустыни?) в Царствование Петра I в 1707 году]. Тогда как-то обирали из всех церквей серебро, не знаю уж для чего. А Иларион и употребил всё серебро монастырское: сделал ризы на все местные образа. Когда приехали к нему, спрашивают: «Где серебро?» Он говорит: «Пойдёмте, я покажу вам, где лежит моё серебро». И повёл их в церковь, показывает на ризы на местных образах: «Вот моё серебро. Если угодно, берите!» Те отвечают: «Экой волхв! прежде всё узнал». Он точно духом сие провидел...

Даже и при Дворе Императрицы Екатерины Алексеевны была одна добродетельная подвижница: [фрейлина] Марфа Родионовна Верделева; она и рыбы не ела, а не то что танцами заниматься. «Хлеб с кислыми щами, – говорила она, – это самая лучшая для меня пища». Отец Игнатий [тогда Илия Субботин, служитель придворной серви́зной] хаживал к ней часто. Государыня знала это и спрашивала фрейлину: «Что – монах был у тебя?»

А вот расскажу и некоторые случаи. Был некто Братков; он поначалу в Саровской пустыни жил, но пришло ему смущение: пойду в другой монастырь. Но как вышел – нигде покою не нашёл: там худо, в другом месте худо, – не мог нигде терпеть; не мог слова обидного снести. Сколько раз он и в Иерусалиме был (мы шли с ним до Тисмана, я тоже хотел в Иерусалим). У него всё одно мнение: что над ним будто шутят, – а этого совсем не

было. Человек он был с дарованиями, но хвастун и тщеславный: какие я добродетели сделаю, думал он; как меня будут принимать, как почитать!.. А ежели какое ему слово кто скажет, то этим обижается. Копил он деньги на колокол в одну пустыню; прежде времени всё говорил, как он колокол этот привезёт, у монастырских ворот оставит, а сам уйдёт в лес; братия увидят, удивятся, догадаются, что сделал это Братков, пойдут его искать, сыщут, будут угощать, благодарить... А пошёл купаться – и потонул. Нашли его в реке, а платье на берегу, – тем и кончились его замыслы.

В Новом Торжке был глава раскольников Марко Арефьев; сестра у него была девица, постница, за святую её почитали раскольники. Умерла она; стал Марко поститься и молиться, чтобы показал ему Господь, где её душа; и долго продолжал он молиться. И что же, – она явилась ему и говорит: «Я во аде; обратитесь, Бога ради, прошу всех вас». Он действительно обратился [в Православие], я из уст его слышал этот рассказ; он бывал у Преосвященного Гавриила.

А вот купец был, великий благодетель для монастырей, он и на Валаам [при отце Назарии] много жертвовал: Афанасий Иванович Долгов. А у него был в приказчиках раскольник. Отец Назарий много его увещевал; но тот сказал: «Пускай душа моя теперь пойдёт во ад, но не уйду из раскола». Тогда же пошёл он [по хозяйственным делам] в амбар, долго не выходил. Пошли за ним и нашли его: руки раскиданы, рот разинут – так и умер.

Да вот же и Ксенофонт: какой преемочайший был раскольник! Его [держали под стражей в Невском монастыре] долго уговаривали у митрополита Гавриила. Он хотел умертвить себя [в уверенности, что такая смерть вменена будет ему в мученичество], украл где-то нож, хотел зарезаться, но точно кто руку его остановил, и слышит голос: «Не погубляй себя». Он это за прелесть почёл, стал молиться и поститься; потом опять хотел зарезаться, опять тот же голос: «Не погубляй себя». Он опять почёл это за прелесть, опять молился долго, и в третий раз пошёл резаться, но и в третий раз слышит: «Не погубляй себя!» Хотел броситься в окно, но и тут встретил препятствие. Митрополит Гавриил, видя, что никакими убеждениями вразумить его нельзя, обратился пред иконой Божией Матери с такою молитвой: «Не могу этого жестокого сердца привести в чувство; Ты уже Сама, ими же веши судьбами, обрати его!..» Тот и смягчился, стал просить посмотреть, как служат Литургию. Старичок игумен Нифонт служил; вдруг превеличайшее благоухание услышал Ксенофонт и видит свет: и этот свет явился и опустился в потир. После этого уж он обратился [в Православие], а прежде и слышать не хотел: сядет и шапку нахлобучит... А тут пошёл на Валаам, там и постригся.

Преосвященный Иннокентий завидовал, что у Преосвященного Гавриила все служители, истопники и лакеи довольны и люди хорошие. «У вас все люди хорошие, – говорил он, – а у меня все пьяницы». Преосвященный Гавриил смеётся и говорит: «Который и пьяница боится места-то такого лишиться, так и ведёт себя в порядке...»

От Преосвященного из келейников по болезни ног я стал проситься: «Отпустите меня». – «Да куда ты?» – «В Саровскую пустынь». – «Я тебя игуменом сделаю». – «Куда я гожусь!» – говорю Преосвященному. «Ну, год поживёшь – дадим тебе пенсию». В Моденский монастырь и определили. Там выстроил я кухню и трапезу каменные... А застал прежнего игумена старичка, который после удивлялся, что ко мне в два года

набралось двадцать человек братии: «Сорок лет живу, – говорит, – а ни один человек ко мне не прихаживал проситься сюда в монахи». Из Моденского когда я приезжал к Преосвященному Гавриилу, то Преосвященный Иннокентий говорит ему: «Возьмите его опять к себе». Я уже и кушанье опять подавал и келейная моя была через залу; и бывало, Преосвященный Гавриил придёт ко мне сам и говорит: «К заутрени время». Келейник, который после меня поступил, не смог Преосвященному угодить, потому что был горяч: Преосвященный что скажет ему – а тот и не снесёт или вид какой покажет. Хотя, бывало, если Преосвященный кого оскорбит, то сам заплачет и старается наградить оскорблённого им.

Потом граждане кирилловские представили, что монастырь опустошён [преподобного] Кирилла Новоезерского [†1532, память 4 февраля и 7 ноября], – и просили настоятеля туда для поправления: туда меня и перевели. Да вот сколько и живу там! Видно, уж угодник [Божий] остановил! Когда я приехал в Новоезерск, то в монастыре двое только было постриженных: иеродиакон под запрещением и иеромонах в параличе. Службу правил белый священник; молебнов служить было некому; поесть нечего было в монастыре!.. – Время-то идёт как не приметно! Вот уж Бонапарту десять лет!..

Когда [Великую Княгиню] Александру Павловну [замуж] выдавали в Австрию, был духовный театр: все архиереи были, а Преосвященный Гавриил велел подать карету и уехал. Государь [Император Павел I] говорит: «Эти старики какие грубые!» И в двадцать четыре часа велено выехать из Петербурга. Да ещё Император разгневался за мальтийскую кавалерию; Преосвященный не принял её [т. е. отказался принять *знаковый* Мальтийский крест и кавалерство в «Державном ордене святого Иоанна Иерусалимского», великим магистром которого стал 29 ноября 1798 года Император Павел I]. [При этом митрополит Гавриил сказал:] «Острова эти нам не идут, они не выгодны, надобно там войска содержать; а с Англией надобно в раздор» [т. е. высказался вообще против «мальтийского» направления в политике]. Это Императору не понравилось.

Как только 1801 год начался, Преосвященный всё говорил: «Три, шесть... страшное будет». Перед смертью в Новгороде также говорил: «О, это столетие-то страшное начинается!»

Умер без меня: послал с Лаврой рассчитаться. И секретные письма пред этим я все писал – он никому другому не верил. Скончался сидя. Я за неделю до его кончины был у него с отцом Назарием. Сидел Преосвященный с нами за столом; говорит: «Близка моя кончина». Приобщался почти каждый день. Послал за Преосвященным Антонием – был тогда викарным в Новгороде, – да за другим кем-то из консистории. Призвал их, говорит: «Ведь у меня спрятанного ничего нет, не ищите».

Отставлен он был [Императором Павлом] 24 декабря 1800 года, а в 1801, в январе 26-го – скончался. А Император Павел на 11-е марта [*третий* месяц] того же года скончался [убит заговорщиками], только что *шесть* недель и прошло по смерти митрополита.

ПОВЕСТЬ КОНЧИНЫ ЧУДНОЙ⁶¹

(блаженной памяти отца архимандрита Игнатия,
ставропигиального Симонова монастыря всечестнейшего настоятеля)

Он, святой отец, нынешнее всё лето предсказывал своим ученикам кончину свою. Некогда выезжая в собор к молебну, изволил сказать: «В последний раз еду в собор». На что ему говорили: «Ещё будет молебнов». Он же ответствовал: «Да меня не будет...» В монастыре некоторый иеромонах скончался, то отец казначей Самуил отвёл место, где его погребсти, и Его Высокопреподобию отцу Игнатию доложили о сем, а между тем отец Самуил сказал: «Я ещё тут и себе место оставил». На сие изволил сказать отец Игнатий: «Тебе не достанется то место, а занято будет». (Где он, святой отец, ныне и погребён.) В некое время сшили отцу архимандриту башмаки келейные, то он отдал оные отцу Самуилу и сказал: «Мне носить их не достанется». Близ кончины его приехал из Тихвина иеромонах Герасим к нему на время; так неоднократно Его Высокопреподобие проговаривал: «Погребсти меня приехал сей монах». И за две недели до кончины своей сделался весьма болен. За неделю до кончины его оный иеромонах поехал было, чтоб в Москве побыть несколько времени за нуждами своими; но Его Высокопреподобие отец Игнатий приказал ему, чтоб в воскресенье в вечеру к нему побывал (в тую-то самую ночь и преставился). В болезни же своей исповедался и Святых Таин приобщился и елеем освятился.

Первого числа августа во благовест к вечерни колокол, в кой благовестили, завыл – и все сие слышали. Образ Божией Матери, подобием с чудотворного, кой отец Игнатий с собою привёз из Тихвина, чудесами прославился: двенадцать бо чудес от Нея было. Стояла сия икона в его келии; потом внесена была уже в соборную церковь и на столпе поставлена и украшена богато: риза на оный чудесный образ сделана с дорогими камениями. Пред кончиною же своею святой отец Игнатий приказал принести к себе оную икону Божией Матери. И тогда одному послушнику глас был, что «Божия Матерь идёт по монастырю», и он, вышедши из келии, увидел, что несут икону Божией Матери, о чём он прежде не знал. И как принесли к Его Высокопреподобию оную святую икону, то он приказал молебен служить и воду святить, и тогда, будучи в великой болезни, молчал. Почему отец Самуил и доложил ему, что икона Божией Матери принесена. На сие святейший Игнатий богоугодный отец отвечал: «Я вижу. Да где ж Апостолы? их много было здесь...» После молебна воды святой испил; и просил, чтоб ещё Святых Таин приобщили. И принеши тогда к нему запасные Святые Дары, коих приобщившись, сказал: «Уже я доволен. Более не требую от вас, благодарствую». И замолчал. А отец Самуил держал пред ним икону Распятия Господня. Он же несколько времени смотрел на икону Христову и молчал. Отец же Самуил напоминал ему об умной молитве. И тако всепречестнейший отец Игнатий, смотревши на икону Господню, затворил очи свои, и думали, что уснул: не постонал, ниже1 какого видно было виду и такого движения, как прочие умирают; только дыхания не стало.

⁶¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 218. Д. 734. Л. Л. 112–114.

И смотревши несколько времени, как скоро зажал очи свои, то отец Самуил стал будить, говоря: «Что вы, Батюшка, ответу не даёте!..» И тако преставися святейший отец Игнатий: августа 3-го числа, в десятом часу пополудни, в день недельный, 1796 года. Все его ученики и послушники восплакали горько, и доныне жалеют о нём.

На место своё благословлял отца Феофана, Новоезерского игумена, или отца Мелхиседека, наместника Невского монастыря. Тако завещал ученикам своим просить и объяснить имённо [т. е. за подписями просящих], аще Господу угодно будет, то и будет тако.

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИК⁶²

(близ алтаря Успенской церкви Симонова монастыря,
отделённый от дороги железною решёткой, белый камень с надписью)

Симонова монастыря архимандрит Игнатий, из великороссиян церковного чина, служил при Дворе Его Императорского Величества при казённой сервизной 15 лет, оттуда в 1763 в декабре уволен; а в 1764 генваря 11 числа пострижен в монашество по Именному Императорскому указу в Санаксарском монастыре строителем Феодором Ушаковым и, проходя при нём разные общежительные послушания, произведён иеродиакonom и иеромонахом; в 1776 переведён во Флорищеву пустынь, где исправлял должность казначейскую; в 1778 определён во Введенскую Островскую пустынь строителем; в 1781 переведён в Никольский Пешношский монастырь строителем же; в 1788 марта 20 произведён в Тихвинский монастырь архимандритом; 1795 апреля 4, при возобновлении Симонова монастыря, переведён в него для учреждения общежития; а в 1796 августа 3 скончался и погребён под сим камнем. Всего жития его было 65 лет и более, в монашестве 33 года и более; во всех же помянутых монастырях научася учительству уставом общежития, монастыри в немалую ветхость пришедшие поправил, братии же был примером добродетельного жития, а наипаче нищеты и нестяжания, ибо шёлковых одежд он на себе со вступления в монашество не имел ни единыя, к нищим был милостив, к бедным сострадателен, и братии был благодетелем, ибо и трапеза его была с братиею нераздельна – где часто повторял следующие слова: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе*¹⁰⁸. Аминь.

О МОЛИТВЕ⁶³

⁶² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 420. Оп. 1. Д. 1735. Л. Л. 10 об.–11 об.

⁶³ Этот текст сохранился в составе рукописного сборника и означен как «сочинение иеромонаха Игнатия, Божией милостию духовника Санаксарского монастыря». Сборник, представляющий из себя переплетённую тетрадь объёмом в 307 страниц, хранится в библиотечном фонде Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск; инвентарный №23628. На титульном листе надпись от руки: «Сия книга Тамбовской губернии Темниковской округи Санаксарского монастыря, казённая. Апреля 11 дня 1830 года», – судя по почерку и цвету чернил, это позднейшая, сравнительно с текстом тетради, запись. Наше предположение: рукописный сборник принадлежал первому

Во всех нуждах должны мы иметь прибежище к молитве, со смирением и любовью, совершенно объявляя [Богу] нужды наши, надёжно со всяким уверением. И прежде, нежели начнёшь молиться, должно духовно вспламениться и убегать пустых речей, безчинного смеха, дурацких шуток, заботы непотребной и всего, что христианам неприлично.

А должна быть жизнь благочестивая, совесть чистая, а хотя и погрешит человек, но [должен] решиться раскаянным образом удаляться от всякого зла, ибо если мы обращаемся чрез смиренную молитву к Богу, то и Бог к нам обратится благодатию и утешит нас, исцелит отягчённых грехами и избавит от всякого зла.

А кто выпустит из сердца своего молитву, такому человеку его совесть бывает препятствием; да и как может тот благоговейно помолиться, когда он только и мыслит, как бы учинить один грех после другого. А если в произведении молитвы приходят на мысль некие сомнения, знай, что Бог попускает сему быть, дабы мы познали свою немощь и слабость, а на свои силы не полагались бы, но со унижением и покорением пред Богом смирялись и гордость бы всю истребили. Ибо мы почитаем себя благочестивейшими, нежели ближнего; но будем содержать истинное смирение: когда бо познаём свою бедность духовную, тогда приятнее бываем Богу. Без смирения бо молитва не может быть приятна Богу, *Господь гордым противится*, писано, *смирренным же дает благодать*¹⁰⁹. А когда придёт тебе такая мысль, что ты ныне много добра сделал и своими добрыми делами много заслуживаешь, то обращай мысли свои вспять: что ты вчера зло учинил, и поминай грехи юности своей, и такое помышление побудит тебя к смирению, и удобно предостережешься гордости. В прочем должны мы иметь прибежище к служителю Божию и судии сомнений наших – к духовнику, и открывать ему свои нужды, и последовать его предводительству. Тако ж не надобно нам стыдиться, но спрашивать других разумных людей о том, чего сами не знаем. А если приступающий к молитве будет наполнен суетными размышлениями, не имея твердого намерения достоподобным образом молиться, такому бывают многие препятствия: разум его сделается слабым, воля непостоянной, коя склоняется то туда, то сюда, и сердце его не может совершенно устремлено быть к Богу, будучи развлекаемо разными помышлениями; сей удобно может

историографу Санаксара иеромонаху Иоанникию, скончавшемуся в 1825 году, будучи на покое в Саровской пустыни. Поступил сборник (автограф или, что вероятнее, список) и зарегистрирован как библиотечный (ибо *казённая* означает, скорее всего, именно это) лишь в 1830 потому, что в тексте сборника, в нескольких местах жизнеописания преподобного Феодора, резко и нелицеприятно упоминается иеромонах Филарет (Былинин; †1820), бывший с 1803 года настоятелем Санаксара. Кроме «О молитве» (с. 3–43) и «Жизнеописания, поучений и писем преподобного Феодора» (151–306), сборник включает в себя ещё три раздела: «Собрание от Священного Писания о небрежливых и небрежениях, сочинённое в Санаксарском монастыре в пользование хотящим жити благочестно; 1796 года» (вспомним в связи с этой датой, что иеромонах Иоанникий был вынужден покинуть Санаксар в 1799-м, а значит, сочинение это вполне может быть ему принадлежащим; см. также наше примечание на с. 180), «О слушании Литургии» и «О должности христианина», – но публикацию этих трёх разделов мы откладываем на будущее.

Допускаем нашу редакторскую правку, сохраняя при этом своеобразие орфографических и пунктуационных особенностей списка.

впасть в заблуждение. Так должно к молитве приступать твёрдым духом, с благопристойными и набожными помышлениями, воздыхать сердечно и иметь особое старание и труды, без труда бо ничего приобрести не можно; коварный бо сатана тем пользуется, что мы небрежливы бываем к молитве. А для искренной молитвы и благочестивого сердечного с Богом разглагольствия весьма выгодна темнота, такая как ночь, а удобнейшее время – от полуночи до восхождения солнца, а кой час сего времени, то даётся на волю.

Глаголет некто: солнце много нас увеселяет, а тот большее увеселение будет иметь, кто встанёт ночью и рассматривает в молитве Солнце Правды – Бога. Телесная бо темнота умножает душевный свет.

И Господь открывал таинства возлюбленным своим по большей части нощию. Аврааму повеле Бог сына своего Исаака принести в жертву. Нощию явился Самуилу. Нощию вызывал Иосифа из Египта. Нощию повелено волхвам отойти во свою страну. Да и Сам Господь удалялся в гору и молитву препровождал нощию. И [пророк] Давид рече: *полунощи востах*¹¹⁰ и прочая; *помянух в нощи имя Твое*¹¹¹. Посему по вечеру должно мало есть и вовремя ложиться спать, да удобнее можно пробудиться.

[А ежели] речет кто: невелика важность в наружном молении; сей ошибается, ибо поелику тело с душою соединены, так и молитву производить должно внутреннюю с наружною, якоже Христос молился в вертограде, дая нам образ. И ты встань на колени, нагибай главу к земли, молись. И в такой искренности кто нерушимо сие соблюдёт, тому будет награждение по его усердию.

Чти внимательно собрание о молитве.

Молитва есть возвождение ума и воли нашей к Богу, и прошение к Нему, от теплейшей веры, с надеждою – да восприимем просимое по воле Его. И ею же поём и благодарим Бога за все Его благодеяния, по Апостолу: *непрестанно молитесь и о всем благодарите*¹¹². И умоляем, да простит грехи наши и да избавит нас от мучений, по Апостолу же: *молитесь друг за друга, яко да изцелеете*¹¹³. И благословим за великолепие Его, по Псаломнику: *на всяк день благословлю Тя*¹¹⁴.

Молитва убо не во множестве словес, но в прилежном и сокрушенном сердце и смиренном желании состоит, и к Богу возвышается, по [пророку] Давиду: *к Тебе, Господи, воздвигох душу мою*¹¹⁵. И святой Киприан учит: егда стоите на молитве, бдети всем сердцем должно, и всякое мирское попечение и помышление да отступят от нас, и ум ничего суетного да не рассуждает, да заградится врагу сердце, Богу единому отверсто да будет. Во время бо молитвы враг приползает и, хитростне прельщая, прошения наши от Бога отвращает, яко иное во устех, иное же в сердце имети учит; како услышан быти может от Бога, егда молишися, а сам себя не помниши? но должно аще очесы спати, сердцем же бодрствовать. И Писание глаголет: *аз сплю, а сердце мое бдит*¹¹⁶, не глас бо слова, но разум и чувство молятся. Обаче егда наружно молишься, в молитве пребудь исправен, по [святителю Иоанну] Златоусту, непоколебим, долговременен; не лентяя, не ослабевая, не унывая, не отчаиваясь, не тщеславяся и не памятозлобствуя, но без всякого гнева. Рече бо Господь: *аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших*¹¹⁷. То аще кто будет гневаяся на ны, первее

сотворим примирение с ним, по реченому Господом: *аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянешь, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой*¹¹⁸. И смиренно, в сокрушении сердца, со слезами молись: ничто бо тако вещь сладку творит, якоже в молитве слёзы, как во уединении, так и во общих молитвословиях.

Рече Господь: *блажени плачущи, яко тии утешатся*¹¹⁹.

Некто виде Иисуса во иерейстей одежде, носяща сосуд со слезами, и глаголюща: «Се слёзы грешных». Виждь, коль приятны Богу слёзы молящихся.

Восплачи и ты, любезне, да очистишися: очищение бо без плача не бывает. Как не можно плата чёрна без воды убелити, так не можно без слёз грехов очистити.

Прослезися в молитве – грехи твои сотрутся, и книга, где грехи твои написаны, обрящется чиста. Каковому делу ты мнишь быть велику, скажешь – мученичество. Правда: мученики кровь изливают, а грешные пред Богом слёзы проливают, чем подобны мученикам бывают. Сею водою святии мыются, плачут. Сею водою Господь блудницу очисти: плакася жена у ног Христовых, услыша: *отпущаются греси ея*¹²⁰. Виждь: блудница не кровь, но слёзы излила, и тем грехи стёрла. Чтó упоминаю о блуднице; столп веры, глава Апостолов – Пётр, не отвергся ли Христа, не кровь же излив, но *изшед вон плакася горько*¹²¹, тем и грех загладил. Убо Бог смотрит слёзы молящихся. Слёзы краснейше душевное око соделывают, глаголет [святитель Иоанн] Златоуст, любомудрия исполняют, адамантову душу умягчают. Сею водою (слезами) грехи очищаются, огонь геенский угасает, червь утопает, тьма прогоняется, узы разрешаются, падшии восстают, грешнии спасаются, а Бог прославляется.

Сия вода судию укрочает, судимого от муки освобождает; видишь ли, коль велия [дела] малою каплею слёзною бывают?

Не престанем убо и мы душу омывати сею водою-слезами. А напаче в молитве: испущенная бо ныне во время молитвы от нас малая слеза, тогда, на Суде, будет великий источник и кладезь благ, венец славы и дерзновение к Богу.

Слёз ли не имаши, не отчайся, воздыхай от сердца, проси – и испро́сиши дар сей; рече Господь: *просите, и дастся вам*¹²²; а обрета слёзы – храни. А если видишь себя ещё суха, настой в молитве и непреставай, доколе не получишь искры, а как заметишь в сердце своём хотя малую искру, старайся, чтоб она не погасла, пребывай в молитве непрестанно со слезами, да сильнее та искра возгорится. Рече некто: да будет ти в молитве плач непрестанный, и сытости в слезах да не будет.

От непрестанных бо слёз приемлет душа мир помыслов и облегчение страстей – и сраспинается Христу. И Утешитель утешает плачущих в молитве и глаголющих: *Царю Небесный* и прочая. Слёзы в молитве есть знамение милости Божией. И яко огонь тростие, вся скверны греховные потребляют.

Велико оружие на враги – в молитве плач; диавол аще видит кого плачевне живуща, не пребывает тамо.

Аще мнит кто, что от подвигов его не быти добру, и слёз не имать, проси Бога, да дастся ти разум размышляти страдания Христа и святых мучения; сия размышляя, сжаливися, начнёшь плакати – слёзы бо бывают от чего-либо, сердце опечалящего. И

памятствуя, во-первых, злое своё житие, слези́ горце. Но мы много занимаемся страстями и о временном печёмся, и не стараемся исправиться, а когда и малейшее злоключение постигнет нас, изнемогаем и становимся хладными, и обращаемся к человеческим утешениям; а хладность делает дух дерзкий, что в одно время человек и молится и грешит: хладность есть истинный яд христианства, и если сей яд не истребится истинным обращением к Богу и смиренным молением, то вся твоя благая вотще. Но ты отдайся во всём воле Божией и не отчаивайся, молись с теплотою сердца и о всём благодари; и неложна будет твоя надежда спастися и узреть лице Божие. А когда определишь, по возможности своей, по скольку молиться или другое что добро делать, сделай твёрдое предложение, что то намерение никогда не пременишь и что будешь доброе делать, Богу помогающе, и о спасении стараться, – то [тогда] благодать Божию не токмо всякий день, но всякий час умножать будешь. Весть бо диавол, елико благо есть молитва, безчисленно належит [он] молящимся разными образы, наводит непостоянство мыслей и множество разномнений. Лишь только вознамеришься внятнее помолиться, то тотчас в мысль станут вкрадываться странные помыслы, сумнение представляющие, якобы молитвою мы испросить ничего не можем. А ты помни слово Христово: рече, *вся елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам*¹²³, – и не преставай от молитвы, а их [диавольские] помыслы опровергай как можно. И всеми силами, бдением, терпением же, и подвигом душевным, и трудом телесным прилежи к молитве: дѣла Божия с небрежением творити не подобает. Диавол бо во время молитвы паче наводит сон, уныние, тягость, расхищение мыслей, слабость и прочие худые припадки, да воспрепятствует молитве; а ты твёрдым предложением пребывай в молитве, ум удалив от всех мірских вещей. И Апостол глаголет: *в молитве терпите*¹²⁴, – являя, яко Бог зрит бдящих в молитве. Иже бо с теплотою сердца молится, яко злато огнём искушаемо светлеется, уповая на Господа, глаголющего: *просите, и дастся вам*¹²⁵, – [и просимое] приемлет. Аще и не всегда просимое приемлещи, однако в молитве не ослабевай и не унывай, но разумей, яко тем хочет Бог спасти тя, и о всём, аще приял или не приял, благодари. Иногда того ради лишаемся просимых, яко зле просим, или не к славе Божией просим, или не к пользе нашей, или во гресех есмы, или сами иным [людям] грехов не оставляем, – того ради услышаны [Богом] не бываем. Ничтоже бо помоществует тому молитва, в его же сердце злоба пребывает.

И [святитель Иоанн] Златоуст глаголет: злопомнителей молитвы Бог не слышит; и аще убийца, или блудник, или лихоимец, или пьяница, или гневаяйся туне, или кто, [будучи] недостойн, Святых Таин причащается, или завидует и памятозлобствует, и прочими грехами отягчѣн, а не кается, – таковых молитва услышана не бывает.

А [ещё и тем] Бога прогневляешь, егда [против] брата молишься. Просишь Бога милость сотворити, а против иного молишься; [при этом] не токмо сам [дóлги ему не] оставляеши, но и Бога молиши [брату долгов] не оставити, непотребные глаголы [к Богу] вещая: воздаждь ему, убий его... Хощеши ли уязвити врага своего? [Так] молися за него, да прощён будет от греха; ты [же] мниши дати язву врагу, отмщая; поистине [таким образом] себе уязвляеши. Истинная бо молитва есть не только не памятозлобствовати, но и молиться за враги подобает; моляйся за враги, за себя молится; а кляный врага – себя

проклинает. Рече Спас, *любите враги ваша*¹²⁶ и прочая. В молитве глаголем: *да будет воля Твоя, яко на Небеси*¹²⁷; [но] на Небеси никтоже есть зол, никтоже нечист. А от нас на всяк день злыми делами хулятся Бог. Но Бог [же] всё терпит и благоденствует всем: и хульникам, и нечистым, и нечестивым. Подражай и ты Богу, не памятозлобствуй в молитве; да будет молитва твоя чиста, что чистота: не [только как бы] водою омовенна, но буди ты чист от ран [греховных] сребролюбия, хищения, блуда, гнева, убийства, пьянства, памятозлобия, невоздержания; и друг пред другом не превозносится, но в простоте [пребывати], во общении любви и мира. И не тщеславяся; тщеславно творящих благая изобличает Господь, глаголет: *восприемлют мзду свою*¹²⁸. И не лентя; аще кто в молитве ленив пребывает, такового Апостол *праздным* называет, глаголет бо: *праздный да не яст*¹²⁹; и инде: *да не празден будешь, мнозей бо злобе научила праздность*¹³⁰. Тако ж [удаляйся] и других страстей. Но всеми силами подобает тщиться молиться, да не, бесплоден будучи, лишишься вечных благ; велие бо и спасительное есть благо – молитва, егда достойна бывает. Глаголет [святитель Иоанн] Златоуст: в молитве тот дерзновение имеет, кто думает, что не имеет дерзновения; кто ж мыслит имети дерзновение – лишается сего, как фарисей. Однако, аще и согреши, то не отчаивайся, но проси с надеждою, уверя себя, что просимое приимешь, аще по закону [т. е. законное] просишь.

Молитва есть вина [начало] спасения нашего, добродетелям источник, святости образование, Божие познание, Христова печать. Ничтоже ино тако может содействовать во благое, якоже чистая молитва; она страшна бесам, и без нея невозможно приблизиться к Богу. А молиться подобает усты и умом; умная бо молитва высшая есть всех деланий благих и глава добродетелей. Сила молитвы – умиление, сокрушение сердца, любовь к Богу и ближнему.

Во время молитвы должно имети ум безвиден, невообразителен, ничтоже приемлюще: ни света, ни огня, ни другого чего, и помысла [ни] лукавого ниже благого [не] имети, но в единых глаголах чтомых мысль заключати должно; не приемлет бо Бог смущенной молитвы.

Ум, удаляясь внешних, молитвою входит в разум Божий; тогда похоти плоти погибают, и, чистотою мысли Христа предзрящи, должно глаголати сие: *предзрех Господа предо мною выну*¹³¹; *Господи, пред Тобою все желание мое*¹³²; *очи мои выну ко Господу*¹³³; и *да усладится Ему беседа моя*¹³⁴. И Бог, видя сие тщание, дарует душе духовную радость; по реченному: *помянух Бога и возвеселихся*¹³⁵.

Уста, всегда благословящие Бога, благословенны будут; сердце глаголющее и во благодарении пребывающее – благодать приемлет. Аще и случится ти что [впасть в некое искушение], возверзи на Господа [печаль твою] и, воздев руце, помолися, и на небо взирай чувственными очима, глаголя: *к Тебе возведох очи мои, Живущему на небеси*¹³⁶ и прочая. И немощи ради да не оставиши молитву ни во един день.

Аще укусим в молитве [т. е. не торопясь, медленно будем творить её], она освобождает от злых помыслов и воздух очищает от прелестей вражиих.

Ничто бо молитвы сильнее и полезнее, глаголет [преподобный] Марк.

Аще же заунываешь моляся, оскорбляем от чего [опечаленный], то помысли исход, смерть и муку; или возьми книгу [духовную] и чти, рассматривая и рассуждая чтомое.

И егда стоишь в соборе или един на молитве и обыдет тя дремание – сопротивляйся; аще явится ти и вторицею – не отступай от места, и обрящеши пользу. А хотя и не совсем кто непорочно и свято провождал [бы] жизнь (что и невозможно), однако отчаиваться не надобно, но призывай Господа в надежде – и спасён будеши. А проси в молитве не то, что для тебя выгодно, но что Богу благоприятно, и, при всяком деле молясь, глаголи: Господи, если Тебе угодно и мне полезно, то да будет тако; а если Тебе, Господи, не угодно и спасению моему не служит, отыми от мене желание сие; Ты ведаешь, как лучше, да будет воля Твоя во всём, точию сохрани меня от всякого греха и прости, что я иногда во время молитвы о ином, а не о Тебе помышлял, и признаюсь, что я обык скитаться мыслями по различным предметам.

А молиться подобает тогда, когда в безмолвии будет ум, – паче в нощи; ибо, во дни вшедше, иные попечения и молвы изгоняют тщание к молитве и к памятованию о Бозе. [Впрочем] подобает бо и во дни молиться и бдети, а не токмо в нощи восставати. Когда [у кого] душа, молясь, помышляет и разумеет, яко в ней Бог есть и она в Бозе, – сей и во дни бдит. Потому что есть и в нощи молящемуся [искушение] спати: егда зевает, чешется, дремлет и неведает что делает, – сей несть бдит, но спит. Побдим, любезнии, чрез всю ночь, имамы бо поспешника, аще восхощем: Ангел бо хранитель каждому приседит. А мы храпаям чрез всю ночь или всякие неподобные [дела] деюще, упивающиеся, срамная поюще, праздная вещающе, иные в блудилища отходят, иные [же] лихвы исчисляют и другими попеченьями занимаются, и бдят [таковым образом] чрез всю ночь. Сии горшие спящих суть. И Христос моляшеся в нощи, да нас научит в нощи молиться и бдети. В молитве ж воздеем руки на высоту; аще рук протязати не можеши, протяжай произволение, и ум возводи на высоту: сей бо в самое небо коснуться может. Легчайше бо ум пера, скор, быстр, лёгок, подвижен, без труда в скором времени прелетает пучины, моря, горы, леса, поля, воздух и прочая; и ничтоже удержати его может, даже не разожжённые стрелы диавольские, егда человек от прелестей мирских отступит и с теплотою сердца к молитве прилежит. Диавольские стрелы – [это] похоти злые, и он [диавол] пускает всюду [эти] свои стрелы, да уязвит кого; аще же не уязвит того, на кого пускает, то сам уязвляется. Того ради потщимся тыя стрелы молитвою, бдением, терпением угашати; со врагом бо повседневно брань, борьба бывает. То и потребно на врага. Аще речеши: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, – много совершил еси. Аще сей стих глаголеши – бесы прогоняеши. Молись усердно: обще и наедине; невозбранённо [безостановочно] молись: ходящу, ядущу или ино что доброе творящу.

А молитва есть трояка: соборная, произвольная и умная. Соборная бывает в церкви в уставленное время. Произвольная, кто когда хочет. А умной всегда подобает быти, о ней же Апостол рече: *непрестанно молитесь*¹³⁷. Умная молитва [это есть] возведение ума к Богу и разглагольствие с Богом. Верую бо извещаемся, что молитву нашу Бог приемлет и всё просимое подаёт, если по надлежащему приносится молитва. Якоже рече Христос: *аминь глаголю вам, яко елика аще просите от Отца во имя Мое, даст вам*¹³⁸. Обаче в церкви велия сила молитвы; Господь рече: *аще два или трие собрании во имя Мое, ту есмь посреде их*¹³⁹.

Рече святыи Максим: всякий христианин приходить должен во святую церковь, а паче к Литургии, которая всех, обретающихся в церкви, претворяет [как бы] божественными, по мере каждого. Ибо нет ничего достопочтеннейшего и святейшего, как церковь, и нет ничего лучшего и большего, как слушание Литургии. В каком бы замешательстве или смущении кто ни был, должен в храм Господень прибегать, и здесь искать утешения и отрады, здесь испускать вопль свой во уши Господа Вседержителя, взывая с [пророком] Давидом: *Господи, услыши молитву мою!*¹⁴⁰ А входить в церковь [надобно] с горящим сердцем, чтобы получить от Господа обилие всех благ. Убо коликократно стекаются вернии к слушанию Литургии для воспоминания Страстей Спасителя нашего, толикократно бывают участницы плодов, кои приобрёл нам Спаситель смертию Своею. И сокрушаться о своих грехопадениях, и испытывать свою совесть; и если [кто] почувствует кое угрызение, то оное сокрушением сердца да очистит. Не услышать бы [нам] грозного изречения: *друзе, како вишел еси семо не имый одеяния брачна*¹⁴¹.

И должно располагаться [так], чтоб можно [было] и самого себя принести в жертву; но – не убить себя, ибо это незаконно. Глаголет [святитель] Григорий Двоеслов: когда мы молимся в сокрушении сердца, тогда самих себя приносим Богу в жертву, воистину сия жертва благоприятна бывает Богу. А притом и чрез всё продолжение Литургии должно бодрствовать и всем сердцем прилежать к молитве – и всякое плотское размышление да отступит от нас, а заниматься должно одними святыми размышлениями.

А хотя мы и не будем находиться всегда в святых размышлениях, в которых бы всегда быть должно, однако не надобно отчаиваться Божия милосердия, но со упованием прибегать к Церкви: она есть источник милостей Божиих и щедрот. И Апостол глаголет: *приступаем убо с дерзновением к престолу благодати* – к Церкви, *да приимем милость и благодать обрящем во благовременну помощь*¹⁴².

Глаголет святыи Игнатий Богоносец: потщимся, любезнии, чаще приходить в церковь, а паче к Литургии, егда бо вкупе бываем – ослабевают силы сатанинские и бездельны возвращаются его стрелы, разжигающие человеков ко греху.

А *нецыи*, по Апостолу, *заблудиша от веры*¹⁴³. В церковь не приходят, но бесполезная содевают, юродивых и карлов содержат, не человеколюбия ради, но увеселений своих ради, друзии рыбы во дворах своих заводят, зверей питают, о псах упражняются, пресыщением и пьянством расслабляются, и другие непотребные и ненужные вещи соделывают, а о молитве небрегут, не токмо еже бы в церковь прийти, но ниже в доме тщатся помолитися. Но о сицевых-то глаголет Апостол: *грядет гнев Божий на сыны противления*¹⁴⁴.

А некие аще и приходят в церковь, но в крайнем небрежении: небрежёт о том, чтоб в церковь прийти к службе к началу, небрежёт [в том], что до отпуста из церкви выходит, небрежёт, что у утрени не был, небрежёт, что Литургии или другой коей службы не слушал. А Церковь повелевает верному: слушать вечерню, утреню, Литургию и прочая. И Господь рече: *подобает всегда молитися*¹⁴⁵. И Апостол глаголет: *непрестанно молитесь*¹⁴⁶.

Также и в церкви стоят небрежливо: во время службы или повести деюще разглагольствуют, смеются, кощунствуют, или, ослаясь стеною или столпом, дремлют. А друзии, аще и молятся наружно, а мыслию парят по разным предметам, а пению и чтению

не внимают. А Церковь святая поёт: в храме стояще, на небеси стояти мним; и станем благоговейно в дому Бога нашего. И [пророк] Давид рече: *в храме Его всякий глаголет славу*¹⁴⁷. И во уставе церковном писано: не имать власти никто в церкви шепты́ творити. Глаголет [святитель Иоанн] Златоуст: посмотрите, любезные, на солдат земных царей, како при присутствии командиров тихи, кротки и в должностях своих исправны, а ты, любезне, [вчинился] в воинство не земному царю, но Небесному, а стоишь в присутствии Его безстрашно. Ангелы бо пишут безчинно в церкви стоящих. Также [и тех пишут, кто] небрежливо в церкви что чтет, или, борзяся, неистово что выговаривает, или что пропускает, или дремлет, или иное что мыслит, а что – тот того и [сам] не знает, понеже не внимает. О таковых-то рече Пророк: *сии людие устнами Мя чтут, сердце же их дале отстоит от Мене*¹⁴⁸. И [псалмопевец] Давид: *молитва их да будет в грех*¹⁴⁹.

Истинная молитва есть возведение ума и воли нашей к Богу, ею же благодарим Его за вся Его к нам благодеяния. А паче сею молитвою, что *Отче наш* егда глаголем *да святится Имя Твое*, молим, да даст нам жизнь благочестивую. *Да приидет Царствие Твое*, [то есть] да царствует в нас Бог, а не грех. *И остави нам долги наша*, да простит грехи наши. *И не введи нас во искушение*, да будем свободны всяких искушений, а паче тех, иже превосходят силы наши [как, например:] глада, рати, огня, напрасныя смерти и ада. И Пречистую Богородицу должно славить, и целование *Богородице Дево радуйся*, акафист и прочие песни, к славе Той сложенные, со благоговением глаголати: *много бо может молитва Матере ко благосердию Владыки и Сына*. Також и святых Ангелов, и угодников Божиих молим, требуем бо их помощи, да молятся о нас Богу: они бо наши молитвы и все наши добрые дела к Богу приносят; аще же сих ходатайствы пренебрегаем, то раздражаем Бога.

Небрежливый не истово знаменуется крестным знамением, но точию машет по лицу рукою, коему маханию бесы радуются. А Церковь святая повелевает христианину крестом знаменатися сице: десныя руки первые три пальца сложа вкупе, первее полагай на челе, таже низводи на чрево, потом клади на правое рамо и на левое, глаголя *во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*. Или *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго, аминь*.

Егда бо знаменуемся крестом истово, тогда диавол не может терпеть силы креста, но бежит и не искушает нас. Того ради подобает творити крест истово и вельми часто: стоя, сидя, ходя, пия, во дни и в нощи, в дому и где-либо будешь – на всяком месте и во всякое время, и не начинать и единого дела без сотворения креста. Крест бо нам, по Апостолу, *спасаемым сила, сила Божия есть*¹⁵⁰.

Также небрежливые и поклоны исправляют недействительно, о таковых и во Уставе церковном пишется тако: некие не радят о поклонах, нагорбясь, мало воскланяясь, крестится, аки трость ветром колеблема мятется, и вкупе с молитвою главою кивает, и тем своим безчинием аки бы положенный чин исполняет. А на ином месте таможе: хотящим святых Отец предания хранить и молитву с поклонами благочинно исправляти, кланяться подобает с молитвою не вкупе, но прежде молитву рцы, а затем поклон. Аще великий поклон, елико мощно главою до земли довести надлежит. Малые же или легкие поклоны, не падая до земли, но стоя поклонитися, до пояса главу довести.

Убо внимаем молитве, [которая] да бывает с прилежанием, биюще в перси якоже мытарь, глаголя: *Боже, милостив буди мне грешнику*¹⁵¹. И всякий удобь обстоятельный грех отложше, благоговейно да течём на молитвенный подвиг, взирающе на молившегося Господа, и принесём Богу тёплую молитву со слезами, в покаянии и в чистоте сердечной; Господь рече: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*¹⁵². И [пророк] Давид: *да будет сердце мое непорочно во оправданиях Твоих*¹⁵³. И *кто взыдет на гору Господню? Неповинен руками и чист сердцем*¹⁵⁴. Чрез сие означает, что и мысленных грехов [требуется нам] совершенное истребление. Глаголет некто: чистота сердечная нечто иное, неже непозволяти входить в душу нечистым помыслам. [Святитель] Василий Великий рече: весьма блюсти сердце надлежит, да никогда же оно помысла о Бозе отженет от себя, – чрез сие с Богом соединиться можно. А хотя мы и не сохраним сердце наше чисто, якоже Отцы, но хотя [бы] тела наши соблюдём безгрешны; веруем, яко сотворит Бог милость и с нами, якоже со святыми Своими. А сей лжёт, иже глаголет, [что] сердце имеет чисто. Сердце бо неизмеримая бездна, глаголет [преподобный] Макарий. И [пророк] Давид рече: *сердце глубоко*¹⁵⁵. Входят бо в сердце или в душу и мысленные грехи, а Господь весть и мысленные грехи со внешними в равной мере поставляти. Мысленные грехи суть сия: похоти, тщеславие, ненависть, зависть, гордость, осуждение и подобные. Потому и надобно, хотящему сердце иметь чисто, молиться и просить Бога о чистоте сердечной, с [пророком] Давидом глаголя: *сердце чисто созижди во мне Боже*¹⁵⁶. И удалясь от земных мирских вещей, даже и благовидимых дел светских, которые могут тебя опятнать, помрачить, замешать и в благом намерении воспрепятствовать, – запри двери сердца твоего, дабы не ворвались в него виды мирских вещей. Чистота бо сердечная между добродетелями занимает верховное место, и ничто так достойнейше принести Богу не можно, как чистое сердце, оно есть источник всех благ и мать добродетелей. И [преподобный] Макарий рече: прежде всего, должно приносить жертву сердца. То есть обрати сердце твоё к Богу и Ему единому прилепись всей душой. Когда убо человек отвергнет от себя все мирские склонности, молится часто и прочие благие дела исполняет чистым сердцем, тогда он Богу благоугоден, и близок к Нему, и во всём благопоспешен будет. Чистота бо сердечная аще хранится, – всё злое отсекается, а входит благое.

Поэтому, насколько возможно, соблюдём сердце чисто на всякий час от злых помыслов, помрачающих душу.

А невозможно сердцу очиститься от скверных помыслов кроме молитвы Иисусовой. Якоже рече Господь: *без Мене не можете творити ничесоже*¹⁵⁷. То и должен всякий христианин непрестанно вопити, глаголати: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*, и всегда всесвятое Имя Его как во устах, так во уме и в сердце имети, и с ним спати, ясти, пити, и всё творити, – и тако сему бывающему, всё сопротивное отгоняется и ко исправлению благих дел способствует. И Апостол глаголет: *всяк, иже аще призовет Имя Господне, спасется*¹⁵⁸.

Против умножившихся же лукавых помыслов Имя Иисусово употребим, сим бо удобь низвергаются [помыслы], яко огнём палимы отбегают.

А егда нерадяще молитву Иисусову оставляем, тогда озлобляемы или огорчаемы бываем от лукавых помыслов.

То всеми силами подобает хранить как тело от грехов, так и душу, да не приобщится скверным помыслам. Злые бо помыслы посохом отлучают от Бога.

Блаженно есть, еже отнюдь не приимати злаго помысла. Аще и начнёт входить во ум мысль скверная, абие приими память смерти и Суда Страшного. Или сие, что сбылось со иными, то будет и со мною: сиречь, померли прочие – умру и я. Или упражняйся в чтении Священного Писания, отойдут злые помыслы.

Тьмочисленные бо у противника нашего диавола козни, скверные и нечистые влагает помыслы, приводя на память прежде соделанные грехи и тем ища ввергнуть в отчаяние, якобы невозможно [нам] получить спасения, глаголя [при этом:] сам веси, колика зла соделал еси, обременён грехами великими и многими. Ты же отвечаешь ему сице: имеем милостивого Бога, Иже рече: *не хочу смерти грешника*¹⁵⁹. И что убо хочет Божие на землю к человекам сошествие, разве да спасёт человека грешного. И так исполняя, веруем несомненно, яко услышаны будем. И [пророк] Давид рече: *близ Господь всем призывающим Его во истине*¹⁶⁰. Да ведут все, с теплотою молящиеся, яко молитву их Бог услышит, и волю их сотворит, и спасёт их. Аще подание чаши студёной воды без мзды не оставляется¹⁶¹, то кольми паче просящим день и ночь даст Бог обещанное.

Снизшел бо Господь на землю к человекам, да и едино дело благое без воздаяния не пребудет. И аще Бога сотворим милостива молитвами и молениями, не единого врага будем имети и не убоимся. По [святителю Иоанну] Златоусту, иже рече: да обложим себя огнём духовным – молитвою; носяй сей пламень, не убоится сретающих зол, аще будет человек, или зверь, или безчисленные сети вражии, – все отходят.

Не пренебрегаем же [просить о нас] и у святых молитвы, [но не так, что] всё на тех возлагаем: молим их, да молятся о нас, – а сами [при этом] не молимся. Добро есть святых молитвы, но [только] егда и сами мы действенны молимся.

Аще же праздны бываем, ленивы – ничтоже нас пользуют иных молитвы. Ибо тогда пользуют, егда сами добро творим.

Просит иногда кто иерея, да помолится за него. Молится иерей, но не может [Бога] умоли. Того ради [не может], понеже тот, за него же иерей молится, не престаёт грешити. Иерей молится, а он грешит; иерей плачет, а он пляшет; иерей постится, а он упивается, объедается; иерей бдит, а он спит. Тем молитве быть услышанной творит препятствие.

Потребно [нам] знать и о соборной молитве.

Полунощницу совершая, размышляем, как Господь наш Иисус Христос, прежде Страсти Своея, молился в вертограде до поту, и как от воинов ят [взят, схвачен] и ведён ко Анне, и тогда от незаконных много зла претерпе.

Утреню же совершая, размышляем, как Господь ведён от Анны к Каиафе, тут много поругания претерпе. Первый час глаголя, размышляем, как Господь ведён от Каиафы к Пилату в претор, и тогда много пострадал.

Третий же час, как Господь в сей час судим был Пилатом, и много наругания и раны претерпе, и терновым венцем уязвлен и на смерть осуждён.

Шестый час, как Господь на пропятие ведён, нося Крест Свой, и распят, и на Кресте висяше, – мимоходящие же хуляху Его, и воины разделиша одежды Его, и тьма бысть по земле.

Девятый же час, как Господь душу предаде, и земля потрясется, и мертвии от гробов воссташа, и прочая.

Вечерню же совершая, размышляем, как Господь, на Кресте вися, прободен в ребра, и снятие со Креста, и положение во гроб.

По вечерни же, каноны и молитвы на сон грядущим читая, размышляем, как душа Христова, во ад спешши, праведных души от ада свободи и в рай всели.

Литургия же образует всё Христово смотрение, Воплощение, Рождение, учение, страдание, смерть, погребение, Воскресение и Вознесение, и Второе пришествие, и Страшный суд.

Внимай: когда иерей речет *Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа* и прочая, – поклонися, благодари Бога, яко Его смотрением познали мы таинство Святыя Троицы.

Егда поют *Единородный Сыне*, сие возвещает Сына Божия в мир пришествие.

Вход с Евангелием, значит: исшествие Христово на проповедь. Свеща пред Евангелием – значит Предтечу.

Когда диакон глаголет *Елицы оглашении изыдите*, помышляй в себе: не в числе ли оглашенных грешных и аз нахожусь? – смирися пред Богом, воздохни, прослезись.

Егда запоют Херувимскую песнь, чти псалом *Помилуй мя, Боже*¹⁶² и – *Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою* и прочая.

А как с переносом [на Великий вход] выдут, глаголи: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем*¹⁶³, – и воспомяни страдание Христово и погребение.

Егда же глаголет иерей: *Горе имеем сердца*, – и ты возведи ум свой на небо, и благодари Бога за вся благая.

А егда чтут *Верую во Единаго Бога*, чти и ты про себя то же и, прочетши, поклонись, и глаголи: утверди мя, Господи, во истинной сей вере.

Егда глаголет иерей *Твоя от Твоих*, глаголи и ты: *Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа* и прочая.

А как запоют *Достойно есть*, ты глаголи *Богородице Дево, радуйся*.

А как чтут *Отче наш*, и ты чти то же про себя.

А когда глаголет иерей *Со страхом Божиим и верою приступите*, ты припади на землю – знаменует бо явление Христово по Воскресении.

А как речет *Всегда и ныне и присно*, ты поклонися до земли – значит бо Вознесение Христово. Молися, провождая Его, Христа, на небо, да не оставит тя без благодати.

А егда речет иерей *Благословение Господне на вас*, приклони главу и глаголи: *Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны*¹⁶⁴.

И так совершается таинство Спасителя сего смотрения.

Будучи же при святой Литургии, сия вся размышляй и, елико возможно, буйственные помыслы умирай, да не без пользы из церкви изыдеши. *Творяй бо дело Господне с небрежением есть проклят*¹⁶⁵, глаголет Писание.

ПИСЬМО ОЛЬГЕ ВАСИЛЬЕВНЕ СТРИГАЛЁВОЙ⁶⁴

Возлюбленная о Господе сестрица Ольга Васильевна, спасения вам от Господа получить усердно желаю!

Письмо ваше получила, в котором видно, что совет мой в девстве проводить жизнь вам приятен, чему сердечно порадовалась, что в вас есть ещё память Божия; поистине, если бы рассмотрели краткость века сего и на какой конец мы созданы, то есть не на временное здешнее пребывание, но на вечное и бесконечное житие, в усыновление и в наследие Небесного Царствия, то конечно бы не столь стремились к здешним временным мнимым утехам. Подлинно, мой друг, мнимые только радости века сего, а сами по себе никакого добра не имеют; но если небесного восхощешь поискать, то воистину найдёшь и временное спокойствие души, и будешь свободна от многих печалей. Когда замуж сама не пожелаешь, то и родители тебя к тому принудить не могут. Так конечно тебе, мой друг, советую не налагать на себя оковы сии нерешимые, а свободной быть к шествию в путь Божий; а на мирские советы, пожалуй, не полагайся, а имей всегда в памяти Жениха Небесного и святых Божиих, как они старались всегда в угодность Божию пожить, – оных в пример себе бери. Мирская [это] речь: дух-де бодр, а плоть немощна; но если их спросить: к чему сие слово Христа Спасителя следует и на какой конец [в каком смысле] сказано, – то не могут ответить. Христос Спаситель во время страдания Своего, когда молился в вертограде и видел Апостолов Своих сном отягчённых, понеже естество немощное плоти требовало сна, на сие изволил сказать: *дух бодр, а плоть немощна*¹⁶⁶, что побдети с Ним и помолиться не могли. И мы со Христовым словом согласны, что не может плоть наша без сна пробыть, без пищи, без одежды, а особливо на морозе без шубы немощно естество наше; но могут ли извиниться те люди сим словом – немощию плоти, – добрые дела творить, земное презирать, небесное любить? и могут ли сказать на том свете: «Господи, ведь дух бодр, плоть немощна; мы не могли по сему слову заповедей Твоих сохранить». Когда Господь требует через Апостолов Своих: *не любите мира, ни яже в мире*¹⁶⁷, и аще кто *восхощет друг быти миру, враг Божий бывает*¹⁶⁸, – [то] мир толкуется [как] страсти мирские, то есть сладострастное любление богатства, славы человеческой, прохладное и плотоугодное житие, – то как же Господь требует сего от нас, а Сам нас немощных сотворил? По сему их слову, что дух-де бодр, а плоть немощна, Создатель виноват стал. Так сие страшно нам и подумать, и сею отговоркою клеветуют на Зиждителя, будто Он нас немощных сотворил пожить в угодность Ему; а требует Господь

⁶⁴ Стригалёва Ольга Васильевна поступила в Алексеевскую общину вскоре после получения этого письма, будучи двадцати лет от рождения. В 1813 году избрана настоятельницей. Тайно приняла монашеский постриг с именем Олимпиада. Жизнь проводила истинно подвижническую. Скончалась 6 августа 1828 года, будучи на богомолье в Киево-Печерской лавре; там же и похоронена в дальних пещерах, при церкви Рождества Богородицы. Прославлена УПЦ МП: преп. Олимпиада.....

Печатаем по: Жизнеописание, наставления и письма настоятельницы Арзамасской Алексеевской общины Ольги Васильевны Стригалёвой. СПб., 1866. С. 4–9; с учётом списка из: Центральный архив Нижегородской области (г. Арзамас). Ф. 11. Оп. 1. Д. 131. Л. Л. 15–16 об.

от всякого христианина в след Себя хождения, отвержения себя, то есть воли своей, и креста ношение; но ленивые души и миролюбивые, и о любви Божией нерадивые всегда немощию плоти отговариваются, да и тебя к тому же приводят. Но не слушай, мой друг, их советов: не знают и сами, что толкуют. Если бы не советы развращённые последовали твоей бедной сестрице, как я слышу о её усердии к Богу, не оковалась бы и она супружеством и не променяла бы злато на серебро. Апостол пишет и о женатых, какое безпристрастие должно иметь ко всему земному; *братие, глаголет, яко время прекращено есть прочее, да и имущии жены, якоже не имущии будут; и плачуущия, якоже не плачуущии; и радующияся, якоже не радующеся; и купующии, яко не содержаще; и требующии мира сего, яко не требующе; преходит бо образ мира сего. Хощу же вас безпечальных быти*¹⁶⁹. А к нам с тобою Апостол глаголет, то есть безбрачным: *не оженивыйся печется о Господних, како угодити Господеви; а оженивыйся печется о мирских, како угодити жене. Разделися жена и дева: не посягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом; а посягшая печется о мирских, како угодити мужу*¹⁷⁰. Так что лучше? человек ли тленный, а иногда и развращённый, или Христос сладчайший, Который столь нас возлюбил, что Пречистую Кровь Свою пролил нашего ради спасения? Не силен ли Он подать любящей Его душе помощь свою Божественную, если и случится ей какое препятствие ко спасению? Посмотрите в жития святых Отцев, кто из них немощию плоти отговаривался? Не паче ли стремились к подвигам, и плоти своей не жалели, на смерть готовы всегда были, – и который из них оставлен бысть от Бога? Многие говорят: и в мире-де спасение не отнято; и мы в том не спорим, что можно спастись в мире, но неудобно. Иоасаф царевич мог бы в мире жить, жениться, милостыню подавать, добрые дела творить; но рассмотрел, что неудобно в мирских вещах жить и безвредно от страстей душу свою сохранить, того ради и удалился от мирских соблазнов. Но и прочие угодники Божии рассмотрели суету и прелесть мира сего, старались удалиться от него, и всё оставляли: родителей, друзей и сродников, славу, богатство и сладости, – и вся, яже в мире, возненавидевши и презревши, стремились иное житие, то есть иноческое предпринять, и собравшеся един по единому, монастыри устроили и монашеские уставы учредили, старались невидением похотей злых и вин, к прелести влекущих, чтоб и из сердца желания их и из памяти оные искоренить, и любовь Божию и желания Божественных радостей в сердцах своих насадить. Если бы способнее было в мире спастись, для чего бы им удаляться от мира в монастыри? Но как угодники Божии мир морем называли, того ради не восхотели в море плавать, боялись, дабы не погрузиться волнами житейскими, стремились к пристанищу, то есть к монастырскому житию, для удобнейшего спасения душ своих. Советую тебе, моя любезная, также удаляться от мирских соблазнов, которые весьма приводят к душевному вреду; душа, видевши и слышавши всякие виды и слухи, весьма от всего повредиться может, а особливо, которая тщится уневеститься Христу, Жениху Небесному; должно от всего храниться, чтоб сердце чисто от всех страстей соблюсти, и помыслами чтоб не оскверниться, и ничему земному любви своей не прилагать. А в мире совершенно любящему Бога весьма тяжело сие сохранить и мучительно в грехах жить. Из письма твоего вижу желание твоё к нашей обители; весьма бы сие полезно вам было; могли бы

увидеть Богоспасаемые обители Саров и Санаксар, и отца нашего наставника иеромонаха Феодора, совершенно житие Богоугодное имущего, могли бы видеть; и наставление от него своей жизни услышать⁶⁵. Не худо бы, хотя [бы] побывать к нам постарались; положившись на Промысл Божий – и старание своё должны прилагать, а Господь готов помогать. Не только что: надеяться да и только; но с надеждою на Божие милосердие – и к делу приниматься; а что боишься храмины разрушения, сие до тебя не следует, понеже Христос ясно сказал: *всяк грядый ко Мне и слышай словеса Моя и творя я подобен есть человеку зиждущу храмину на камени*, то есть которая на заповедях Божиих основана, и не может поколебати её наводнение; *слышавый же и не сотворивый подобен есть зиждущему храмину на песке*¹⁷¹, и будет храмины той разрушение велие от наводнения. Так если не хочешь разрушения храмины, твори заповеди Божии и старайся в угодность Божию пожить, и намерение твёрдое ко исправлению Божия дела полагай, – так и будет на камени храмина твоя. Советую тебе, мой друг, и впредь рассуждения свои к нам писать, которые влекут вас к отчаянию, и чего мы не доразумеем, то премудрый наш наставник [отец Феодор], который по жизни своей получил от Бога дар рассуждения, он нам растолкует, а мы вам отпишем. А то весьма слово Божие по слабостям и по своим страстям толкуют многие и к отчаянию друг друга приводят. Того ради и Апостол пишет: *не бывайте мудры о себе*¹⁷², но *духовная духовными сразсуждающе*¹⁷³. И паки глаголет: *слово Божие меч обоюду остр*¹⁷⁴, с обеих сторон остр; человек может одним концом врага победить, а другим и сам заколоться отчаянием может; как мы и видим многих, погибших от своего рассуждения и мудрования пустого. Многие расколы и ереси прозябли от сего: человек примет слово Божие и растолкует по-своему, и утвердит за истину своё мудрование, и других зачнёт невинных повреждать. Берегитесь, Бога ради, в разные рассуждения вдаваться, а особливо хранитесь от врагов Матери Святой Церкви нашей, то есть раскольников; они весьма убивают души несмысленных, отвращают верных от Церкви Божией, от Святого Причастия, приводят в крайнее безнадёжие своего спасения, якобы уже не можно в нынешние времена и спастися, и много окаянства всякого толкуют, якобы уже нет никакого ныне и спасения в Церкви Божией чадам истинным, и вера будто переменялась. Но совершенно их неправда: Церковь Божия основана на камени, и врата адавы не одолеют Ея. Берегитесь, мой друг, их слов слышать, яко смертоносного яду. А что ты, мой друг, пишешь, что родителям твоим неприятно будет твоё намерение, и ты сего трепещешь, дабы не узнали, так на сие я тебе опять предлагаю жития святых Отцев, возьмите их себе в пример, как их ни строгость родительская, ни прещение, ни слёзы, ни ласкательства, ничто не могло их от благого намерения поколебать и от Христова пути отворать; и редкое житие читается Преподобных, чтобы добрым порядком родители их отпускали, а особливо те, которые временным богатством обложены и привязаны к суетам века сего, – таковые всегда детям своим ко спасению препятствовали; но дети на то не взирали, а стремились в след Христа, и не отлагали своего намерения, по писанному [у преподобного Иоанна Лествичника]: *лучше в мале опечалити родителей по плоти, нежели сотворшаго нас Господа*. Почитайте [житие преподобного] Феодосия Печерского, как

⁶⁵ Преподобный Феодор скончался через два месяца после написания этого письма, и Ольга Васильевна в живых его уже не застала.

матушка его вооружалась на него: неоднократно гналась за ним и, бьющи, домой приводила связанного. Но душа, распалённая ко Христу, не могла ничем поколебаться: своим терпением он преодолел матернюю жестокость. Наконец и сама матушка его пошла в монастырь; а если бы он, не хотя оскорбить её да во угодность ей, несколько лет в мире пожил, то может и он бы поколебался в спасении своём. В мире столь опасно мешкать [тем], которые хотят уневеститься Христу, что я вам и описать не могу, как нечувствительно можем ту искру погасить, которую Бог, по Своему человеколюбию, возжигает в нас, и от миролюбивых советов мирских человек тотчас ослабнет и в мире погрузится, так что и вспомнить о Христовом пути не захочет. Я всё сие, грешница, на себе испытала, сколь человек между мирскими разговорами простывает и усердие к Богу теряет. Итак, я как своей душе, так и вашей равно желаю, чтобы Христу Спасителю в юности своей поработать, как мы видим Преподобных матерей Царского рода: Евпраксию святую, Аполлинарию, Евфросинию, Ксению странную, другую Евфросинию Полоцкую; не откладывали они на старость своё намерение, но, вся оставивши красная века сего, текли спешно за Христом, чего и тебе, мой друг, желаю и Божию хранению тебя поручаю.

Остаюсь спасения твоего желательница, Марья Протасьева. Декабря 31-го, 1790 года.

ТРИ ПИСЬМА⁶⁶

(благодетелю и духовному брату Ивану Григорьевичу)

Милостивый государь мой, братец Иван Григорьевич, спасайтесь о Господе!

Прошу прощения, что с отцом Германом не успела вам написать, причина тому, что во время их Макарьевской езды [т. е. на торговую ярмарку в г. Макарьев Костромской губернии] приезжала из Вологды госпожа, которая меня сюда [в 1781 году впервые] привезла, и [теперь] за семьсот [вёрст] потрудились на короткое время, единственно только для меня, чтоб со мной поговорить, так мне времени и не было к вам отписать; а особливо по болезни моей: когда с кем посижу, то уже не могу и отдохнуть, после валяюсь без памяти; а другой верной оказии не случилось. Ныне с Герасимом Авде<евичем> отвечаю вам на ваше письмо. Во-первых, пишете, что вы слышали, что я запрещаю сёстрам в келию к Авдотье Ивановне ходить, то я сему весьма удивилась, понеже у меня даже в помысле сие не было, и я свидетельствую всеми, что ни одна сестра от меня не слыхивала, что не ходи к Авдотье Ивановне; уже это злобу делать, а не мир. А было у ней с сёстрами злоба и противность по весне, когда они Авдотью Ивановну оскорбили; то хотя я их с обеих сторон и смирjala, но ещё в сердце у них было: Авдотья

⁶⁶ Адресат нами не установлен. Письма написаны вскоре после кончины преподобного Феодора, когда осиротевшая Мария Петровна, приученная жить *в послушании и открытой совести*, искала наставника, сходного по духу с почившим Старцем. Неоднократно упоминаемая в письмах Евдокия (Авдотья) Ивановна – это первая настоятельница общины, которую в 1785-м отец Феодор сменил от должности, назначив двадцатипятилетнюю Марию Петровну.

Печатается по списку из: Центральный архив Нижегородской области (г. Арзамас). Ф. 11. Оп. 1. Д. 264. Л. Л. 8 об.–17.

Ивановна на них сердилась, а они её отчуждались. И я три раза призывала Авдотью Ивановну и сестёр, но не могла укротить; и целый месяц продолжалось сие. Наконец принуждена была при всей трапезе говорить, чтобы сёстры с ней мирны были и её почитали и любили; и её в трапезу тогда позвала и тем её успокоила. Вот мои против неё поступки. А что я к вам в первом письме⁶⁷ подробно об Авдотье Ивановне писала, [то] не с тем, чтоб взыскать на ней, а только для того, чтоб изъяснить вам, отчего ссора зачалась у сестёр с Авдотьей Ивановной. Когда уже Батюшка оставлял таковых ропшущих на правосудие Божие, а толковал только всем на обществе о ропоте, не обличая на имя ни одной, – так и я: [только] открытым [мне] толкую, а закрытых в совести – не понуждаю. [Впрочем] таковых, благодаря Всевышнего, молитвами отеческими весьма мало находятся, а паче таковых, кои весьма ко мне усердием преданы. И я как при Батюшке, так и без Батюшки сёстрами весьма довольна и перемены в них не вижу к себе, разве которая заразится и не откроется, – [ну] так уже я в том не виновата, понеже и на Батюшку случалось сие. Но как откроется [в совести сестра] – так и свободна, и я на таковых гневу не имею, а паче сожалею, если которая врагом побеждена бывает. И не чувствую в себе перемены в совести моей к сёстрам: как при Батюшке, так и без Батюшки. Только чувствую без него великое сиротство, безчасное своё; однако, и тут на Господа Бога надежду мою полагаю. Любезный братец, печалишься о моей душе, благодарность вам за сие приношу, и молитв ваших во исправление моё себе прошу, желала бы и я в оном исправиться, чтоб труп мой смердящий не препятствовал мне с любезными сёстрами быть за трапезой, понеже я и сама весьма люблю, когда сподобляюсь с ними быть вместе, столь они мне, и я им рада, что с обеих сторон на глазах слёзы бывают, и весьма бы сие полезно было и им и мне, и Святой жертвенник сподобилась бы слышать [т. е. святоотеческое чтение во время трапезы?], но всего сего лишаюсь, по крайнему моему безсилию, а особливо по зимам; летом сподобляюсь быть за трапезой, а зимою и в осеннее время никогда не бываю: весьма бывают тяжкие болезни, и не знаю, как ещё по сие время жива нахожусь. Видно, что Господу Богу и любезнейшему моему отцу [Феодору] так угодно; я бы и сама по отлучению моему в пище от сёстр в крайнее безнадёжие и печаль пришла, о чём и любезному моему наставнику подробно докладывала, да к тому же предлагала, что уставы монастырские запрещают [иметь отдельную трапезу], и нарекания и соблазны мирские [от сего] быть могут, но Батюшка изволил мне сказать: *Всё сие на себя беру и ответ Богу за тебя дам, не сомневайся одна есть, я довольно знаю твою немощь, во сне и в пище приказываю тебе именно, да не сомневайся же.* И так я два года с лишком при жизни его в моей такой слабости находилась. Не знаю, чего ради Батюшка так обнадёжил; если бы изволил здравствовать, то конечно бы вы его могли спросить, и он бы вам за меня отвечивал, когда [даже] Богу отвечать поручился; я и вас бы от печали [тогда] избавила. Но я оправдываться и отвечать за себя не могу, а только того не чувствую в своей совести, чтоб презирать любезных моих сёстр, которые для Бога живут, Царя Небесного дети, избранные Ему на службу, а мне недостойной [лишь] на время в смотрение поручены. По святому Макарию: приставница Царским детям дана, для них всю мою жизнь полагаю. Да жизнь моя, может, [только] для них в юдоли сей

⁶⁷ Письмо нами не обнаружено.

продолжается, такой грешнице окаянной. А что сёстры вновь приходят потрудиться Богу и обители святой, на сие вижу власть Божию; посему, [когда] за пятьсот и более вёрст одна или две приедут, оставя свои монастыри, желая с нами нищету и тесноту терпеть, не Божие ли это действие? А сверх того здоровые, а иные из них и рукодельные. [Разве] какая быть может [от сего] тщета монастырю? Прежде пришедшие, по власти Божией [когда] делаются немощными и из молоденьких, то Господь Бог вновь работниц посылает, и не только я не слышу заражения от сёстр, а паче всякая старшая, на которых послушания общие положены, рада свежему и здоровому человеку; разве которая, сидя в углу, поропщет, до которой ничто не доходит, а всякая просит [помощницу] к себе. И теперь во всяких тяжких послушаниях все новоначальные. Да у нас, благодаря Бога, праздной ни одной нет, кроме меня окаянной; не даром хлеб едят. И юные младенцы лет по десяти, [а] на чулках более ста рублей в год чистых денег выработают, включая что и шерсть окупят, и себя оденут, и всю обитель обвяжут. Ещё сукны в барышах [т. е. в прибыли, в избытке] аршин до семисот и более. Сверх же того вновь приходят в обитель, а имение Христово не истощается, а паче ещё за расходами [год] от году ещё остаётся, – столь милосерд Господь Бог до нас. Так если и меня ветхую возьмёт Господь Бог к себе, так убытку от приходящих вновь и мною принятых – после меня с Божией помощью и молитвами отеческими не останется. Принимаю любви ради Божией и по отеческому [отца Феодора] приказанию, да уже и не скучаю Божиими душами, и не плачу: почто идут. А после меня когда скучно и тяжело будет, как бывало и при Батюшке ещё роптал и скука: не бери [дескать] ни кого, отец, нечем содержать, – то могут овец Христовых тогда и выслать излишних. А теперь ещё лишних нет у Христа и у наставника моего в стаде, я их [всех] люблю и не скучаю ими, и они меня любят и слушаются; а которую враг научит не меня, но старшую свою не послушать, то пожалуется и без наказания не останется, – и так живут о Господе да трудятся, в страхе Божиим и человеческом смотрении, благодаря Бога. Знаю, братец, кому скучно ныне – [тому] и было, и будет скучно. Но Батюшка довольно [таким] толковал, что много погрешила и погрешает; а чтобы на соборе [т. е. в общем собрании сестёр] спрашивать: принимать или отсылать? – так Батюшка такого устава у нас не полагал, для того сам и изволил говорить: *У нас в Санаксаре соборы делаются, а паче содома, нечестивый Кир* [т. е. господин (греч.): епископ, очевидно] *более всех накричит, а бедного настоятеля совсем загнали, никакого-де страху нет, нечестивых принимают, а бедного Дамаскина...* и ещё, не знаю кого... *не надобны стали; Боже тебя избави* [от] *такого содержания, как у нас в Санаксаре; одна Федосья Мошкова тебя в полон возьмёт...* Да при всех изволил сие говорить и всем подтверждал, что *нет вам дела, если матери рассудилось сестру принять!..* А мне изволил, оборотясь, сказать: *А ты исчисляй свои доходы, принимай да строго содержи, так Божии души останутся, а негодные сами выдут.* Так по его благословию подлинно и делается: многие, ещё [только] погостив, уезжают; говорят, что трудно да строго, нельзя жить, – а мы таковых и не зовём, а Божии души остаются навсегда. Вот вам, что думала, то и написала, чтоб вы знали, что у меня и намерения нет на чужую шею накладывать бремя, а доколе Господь и отец [Феодор] полагает – сама желаю понести. Знаю по себе, что каково отвергать приходящих. Когда я приехала сама-четверта [т. е. с собою ещё троих привела], с совершенным желанием ища крепкой и трудной жизни, оставя монастырь [в Костроме]

и монашество [т. е. предлагаемый там постриг], то меня нельзя было отвергнуть для того только, что отец [Феодор] принял; однако знала, что настоятельница [тогдашняя: Евдокия Ивановна] плакала и сердилась на меня, почто много привела. Так каково мне было тогда и приедем со мною? Знаю же довольно и сие, что ныне в штатных монастырях почти жить не можно молодому человеку, чтоб не избаловаться: столько бывает вредов, что и описать вам не могу; разве тем [желающим в штатные] способно, кто [сам] ищет слабостей всяких, так я уже искусом сие довольно знаю, – того ради [не как в свою, но] в отеческую [т. е. отца Феодора], а наипаче в Божию обитель [всех приходящих] принимаю от житейских волн и смущений. Прошу в том прощения, что много вам наврала от чистосердечия моего, я желаю всем, как своей душе, спасения и радуюсь, что есть в нынешние времена желающие и усердствующие к духовной жизни: в тишине пожить и поработать милосердому Господу Богу. Итак, кончив сие [письмо], требую ваших святых молитв, остаюсь, за молитвы любезного отца моего [Феодора], ещё в живых грешная сестра ваша Мария. Всенижайше кланяюсь.

Милостивый государь мой, братец Иван Григорьевич, спасайтесь о Господе!

Уведомляем вас о правиле, что у нас как при Батюшке, так и без Батюшки всё равно: в будни два часа и менее, а в праздники и в воскресные дни три часа, потому что поют сёстры ирмоса, икосы, иногда и стихиры, и то, по благословию Батюшкиному, по их малодушию приказал; начинается [правило] ныне у нас летом, вскоре как отужинают, в восемь часов, а зимою посидя до девяти часов [т. е. после девяти начинают зимой правило]; летом приказано пять часов в ночи спать да в день два часа. Смущение же в сёстрах ныне случилось не по каким общим делам, а вот почему: как я вам и прежде писала, что есть человек тридцать или менее, которые к Батюшке и ко мне чистой совести не имели, а паче и на Батюшку роптали: почто Авдотью Ивановну сменил отец, – оные, по любви к ней особенной, жалуются [и ныне] ей на меня часто и в пище, и в одежде, а выхваляют её: как-де при тебе, матушка, всего было много – и каша-то молочная, и ряски-то хорошие, – что и при Батюшке бывало роптали, но Батюшка меня защищал и ропотникам воли не давал, а паче мне приказывал, чтобы по страстям их не ходить и широких подолов по восемь аршин в ширину и по семь аршин, как бывало в старину, не шить... Ныне оные без Батюшки оперились, жалуются Авдотье Ивановне: и то, и другое, – а она мне выговаривает, иногда и при многих. Ныне о правиле стала мне выговаривать, что-де ныне поздно правило, то я призвала старшую в стряпущей, при ней же побранила её, почто так долго не приготавливаешь ужин, – и так дело кончилось, выговоры и упреки её некоторые я снесла от неё, не говоря ничего. Проводив её, пошла в пустую келию, заперлась, чтоб мне не помешали никто попросить Божией помощи и отеческой, чтоб он [отец Феодор] меня вразумил да к тому же и защитил, по обещанию своему. Когда я не хотела принять [в 1785 году] начальство, то изволил отец мой говорить: *Я тебе помогу, я тебя защищу, не ты, но я буду править*. Ныне же единая без отца осталась, не имея человеческой помощи кроме Божией и отеческих его святых молитв, не думая, что от сего какое произойдёт смущение; но сестрицы мои, узнавши, что я в пустой келии плачу, келейную мою призвали, стали спрашивать её именем Божиим, – то она и сказала: что Авдотья Ивановна выговаривала о правиле, о неудовольствии, что сёстры голодны, и о

прочем, что-де у неё всё было хорошо, а у меня не то... То все [сёстры верные] и взбунтовались [возмутились], и согласились, чтобы собравшись идти и выговорить ей [Авдотье Ивановне], чтобы она наушников не слушала и меня бы не упрекала; а которые ропщут, то [тех] выводила бы наружу, да и не оскорбляла бы их мать; и много [таковых] расплодилось... А я [всего этого даже и] не знала, сошла сверху из пустой келии и узнала, что такое возмущение. Но как до Авдотьи Ивановны такие речи дошли от прочих, да ещё и с прибавкой, то крайне её пересказами ожесточили. И Герасим Авде<евич?>, понеже он не знает наших дел, [а] мне говорить с ним [о подобных делах] не благословлено, [то] если бы были мы при нём вместе с Авдотьей Ивановной, так и Герасим иначе бы посудил. На другой день, призвав Авдотью Ивановну, собрала [тех,] которые против Авдотьи Ивановны возмутились, и велела им прощения [у неё] просить, с тем чтобы впредь того не делать. Вот, братец, по требованию вашему я вам объяснила, да всего, конечно, описать нельзя. Однако ныне, слава Господу Богу, стало по-прежнему. Пред сим ещё возмущением, говорила я при трапезе, что некоторые сёстры не ходят в трапезу под видом недосугов; но [что] уже и в стряпушую не стали ходить [на кухню кушать, после окончания общей трапезы], а требуют по келиям пищу, – так чтоб сего не было, понеже Батюшка запрещать о сем изволил, кроме [причины] великой немощи. Так некоторые и от сего [моего приказания] возмутились: мы-де навеки не пойдём в стряпушую... Вот отчего возмущения бывают. Грешная Марья Протасьева.

Милостивый государь, братец Иван Григорьевич!

Изволите писать, что вы грубы, а не ласковы; так мы от сладкого нашего наставника [отца Феодора] к ласкательствам не преобучены и не желаем его, а паче любить должны и искать, по слову [его] отеческому, всякую правду. Так пожалуйста оным не извиняйтесь, нам то и надобно, чтоб ваши советы сходны были с Батюшкиным учением; ласкателей и потакателей видим много, но мы их не просим и не желаем, а вас просим в случае нужды, по требованию нашему, советы нам преподавать в нашем сиротстве, если за большой труд не почтёте. О сем вас всепокорнейше просим, понеже уже ныне ослабевает дух мой без попечения отеческого; ныне яко корабль без кормчего находимся; да и писано: *неимуции окормления падают якоже листвие, спасение же есть во мнозе совете*¹⁷⁵. Так я, грешница, что долее живу, то более печаль сердца моего умножается по любезном моем отце. Стадо Христово от Батюшки мне, грешной, поручено при его жизни было, но не я его управляла, а он сам их окормлял, а наипаче и меня с ними, понеже и я требую ещё путеводителя и наставления, и ничего без отца [Феодора] не могла и не смыслила сделать, он меня и подкреплял и наставлял, и в падениях моих восставлял, и наказывал милостиво, да к тому же и утешал. Ныне же всего сего лишена и не знаю как живу, при Батюшке известна была своего спасения: по отеческим словам, по послушанию, по открытой совести; обнадёживал отец к получению милосердия Божия, хотя и часто падала, но он восставлял, и в печалях моих, по малодушию моему, отчески утешал. Вот моя ныне большая скорбь и сокрушение, что не только не знаю о сёстрах, так ли их управляю, но и сама в себе неизвестна. При Батюшке всё было известно ему по открытию совести: разбирал, что в нас находится, и рассматривал всё в тонкости, что худо, что хорошо, а особливо в моей грешной душе, – и при [таком] кормчем плавание моё было спящее [т. е.

покойное] и подлинно по Лествичнику. Не наученый [всё равно ведь даст] ответ Богу. [А при Батюшке] не только сёстр, но и своё бремя не несла, а возлагала на отца. Ныне всего лишена – сладкого сего послушания, и облегчения совести, и всего доброго. Так прошу вас всепокорно, яко искреннего и большего брата своего, преподайте мне некоторое утешение в моих таких печалях. Убогая сестра ваша Марья Протасьева⁶⁸.

ПИСЬМО
ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО⁶⁹

(к Марии Петровне Протасьевой)

Пречестной госпоже Марии с Богособранными сёстрами, о Господе радоватися!

Христос истинный Бог наш глаголет: *огня приидох воврещи на землю, и что хошу, аще уже возгорется!*¹⁷⁶ Сей огонь Божественный, вверженный на землю сердец своих, святии Апостоли и ученицы Господни от Него приемше, абие пламенем любве к Нему возгоревшися, оставиша мир и яже в мире, и пришедше к Нему, яко к Господу и Учителю своему и истинному Наставнику на путь спасения, предаша себе душою и телом во истинное послушание и отсечение воли своея и рассуждения своего до последнего своего издыхания, и с великою и неисповедимою радостью глаголаша к Нему: *се мы оставихом вся, и в след Тебе идохом*¹⁷⁷. Еже послушание, имуще присно огонь сей Божественный в сердцах своих, и во всём последующе Божественной воли Господа и Учителя своего, чисто и непорочно, яко зеницу ока, до кончины жизни своея сохраниша, запечатлевше оное терпением безчисленных искушений и многообразных смертей и изливанием до последния капли крове своея, юже излиша за веру свою и любовь ко Христу Богу, яко да сохранят послушание своё к Нему, яко жертву чисту и непорочну до смерти. Сей огонь Божественный любве Божия святии Мученицы приемше, многоразличная мучения и самая прелютейшия смерти за Христа Бога с неизреченною радостью претерпеша, и прияша от Него венец славы Его Божественныя в Царствии Небеснем. Сей огонь Божественный вси Преподобнии и Богоноснии отцы наши приемше, бежаша мира и всех яже в мире, и ови от них во общих житиях в совершенном послушании и отсечении воли своея до последнего издыхания пребывше, мученический венец от десницы Господни прияша; ови же подвизавшися в пустынях и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных, тесным и узким путём ходивше, всегда мертвость Господа Иисуса в теле своём носивше, – Христови сраспинавшися, в алчбе и жажде и всяком злострадании пребывающе, в молитве непрестанней и молении и слезах, и в последней нищете Христовой и святых Апостол жизнь свою провождающе, и Евангельския заповеди, яко зеницу ока, чисто и непорочно сохраняюще, сподобишася Царствия Небесного. И что множае глаголю? Сей огонь

⁶⁸ Следующее (и последнее из известных нам) письмо к Ивану Григорьевичу мы прочли на странице 194–197.

⁶⁹ Печатаем по: Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского. Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2001. Репринт: Москва, 1847. С. 259–268.

Божественный благодати Божия вси святии приемше, душеспасительные заповеди Евангельские, без ихже делания единою Православною верою спастися не возможно, всеприлежно сохранивше, истинные рабы Христовы, всякого чина и звания, и на всяком месте владычества Его, спасение получиша. Сей огонь Божественной любви Христовой, благодатию Его прилежным и внимательным прочтением некоей душеполезной книги в землю сердца твоего вверженный, от благодати Его приемши, абие возненавидела еси мир и вся яже в мире, и восприяла еси намерение, оставивши мир, в безсупружном житии день и ночь безмолвно работати Богу: аще же и покушался есть родитель твой, по уведении намерения твоего, всяким образом от него отвратити, и многообразная гонения наводил на тя, хотя угасити огонь ревности Божия в души твоей; но, благодати Божией содействовавшей, вся терпением твоим препобедила еси, яко и сам родитель твой, отчаявся более удерживати тебе в мире, и видя утверждённое намерение твоё оставивши мир работати Богу, отпустил тебя в монастырь, обретающийся в Костроме, в нём же четыре года пребываючи, сподобилася еси, благодатию Божиею на сие побуждаема, множество книг отеческих читати, от ихже чтения прияла еси душевную пользу таковую, яко пожелала еси общего жития, и просила еси у Христа Спасителя подати тебе истинного наставника, с таковым обещанием, яко аще обрящеши совершенного наставника, то, по учению [святителя] Василия Великого и [преподобных] Иоанна Лествичника и Симеона Нового Богослова, предаши себя ему в совершенное душею и телом послушание, всё хотение твоё и всю волю твою возненавидевши и отвергши, и да будеши во общем житии всем в поправление. — Таковое твоё намерение и о нём прошение, яко по всему благое и благоугодное, исполняя, Христос сердцеведец даде тебе истинного ко спасению наставника, покойного во блаженной памяти отца Феодора, о нём же услышавши, ездила еси к нему в Соловецкий остров, его же и возвратил Господь в общежительный его монастырь, и понеже и другой он имел монастырь женский общежительный, расстоянием за сто вёрст от его мужеского монастыря, в который женский общежительный монастырь и перехала еси из прежнего штатного монастыря из Костромы в Арзамас, и тамо пребывала еси со святыми сёстрами, у предреченного святого мужа в совершенном, по Божественному Писанию и Преданию и учению святых Отец наших, послушании и во всём отсечении воли своя и разума, приемлющи от него учение, яко от уст Божиих, и повинующися ему во всём, не яко человеку, но яко Самому Христу Богу, исповедуя ему, егда от своя обители приезжаше к вам на посещение, яко самому Богу, тайная сердца твоего со всеми сёстрами, и приемля от него во всём, даже и до малейших вещи, наставление духовное. — В таком убо послушании пребывающей тебе во обители той три года, возлюбил есть тебе по Богу отец и наставник твой, такожде и вся сёстры тебе возлюбили, и восхотел духовный твой отец вручить тебе от святого послушания сёстр святых во твоё о них попечение: ты же отнюдь сего не искала и не хотела; но, зная силу святого и Божественного послушания, яко послушание есть живот, а непослушание смерть, и не хотя подклонила еси выю твою благому игу Христова послушания, и прияла еси на себе лёгкое бремя Христово попечения о спасении душ сёстр святых, собравшихся во имя Христово, и предавшихся тебе добровольне во святое послушание. Принявши же сию тяготу, известную имела еси надежду, яко не ты, но духовный твой отец и тебя и всех сёстр управляет, и на нём, а не на тебе лежит вся тягота управления душ святого собора: и

того ради святое послушание с радостью неисповедимою проходила еси, повинующися во всём святому отцу, аки Самому Богу. И тако по начальстве сем прежившей тебе два года, Божиим попущением наидоша на тебя различные душевные искушения и душевные многообразные немощи, и ко отцу твоему духовному веры и любви умаление, и прочая, яже мне вся подробну объявляеши. В таковом же многоразличном разорении душевном прежившей тебе два года, духовный отец твой и учитель от временныя к вечной преставися жизни: и тогда отверзошася тебе душевные очи, и начала еси познавати тщету душевную, и яковаго по Бозе наставника лишилася еси, и поминая воспоследовавшее души твоей разорение, плачеша и рыдаеши, и мало что не во отчаяние от зельных туги и печали сердца твоего приходиши, и пишеша ко мне, и просиши и молиши со многими слезами, да напишу к тебе некое духовное утешение.

Не презирая убо твоего о сем моления, аще и отнюдь в сем художестве, еже писати к кому, ненаучен есмь и неискусен, пишу к честности твоей, и молю и советую о прешедшем искушении и немощи души твоея не скорбети выше меры и не отчаяватися, но, с несомненною надеждою на милосердие Божие, начало истинное истинного покаяния за прешедшие немощи пред Богом полагати, и от всего сердца и души каятися, и прощения от благодати Его просити, и Той, яко Благ и Человеколюбив Бог сый, радуяйся о истинном покаянии твоём, якоже всех грешников покаявшихся простил есть, простит и тебе вся согрешения твоя, без всякого сумнения.

Приходит мне, честная госпоже, и сие в рассуждение, яко Христос Спаситель, истинный Бог наш, егда вселенную имеяше вручити святым Своим первоверховным ученикам и апостолам Петру и Павлу, да проповедят в ней благовествование Его, и уверовавших в Него проповедию их да наставят на истинное Богопознание и хранение заповедей Его, и яко, да будут милостиви к согрешающим и удобно прощают согрешения кающихся, Божественными и непостижными Своими судьбами попустил есть, яко Пётр отвержеся Его трижды, Павел же гоняше церковь Его и разрушаша: по истинном же Петровом покаянии и Павловом чудесном уверовании во Христа, оба сии святии Апостоли, понеже сами на себе познали немощь человеческого естества, сего ради премилосерднейши были, по подобию Христа Господа, к согрешающим и истинно кающимся, и якоже сами тяготы всех на себе носили, так и всех к сему побуждают, глаголюще: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*¹⁷⁸. Не таковым ли неким образом и на тебе неведомыми судьбами Христос Спаситель попустил есть найти предреченным душевным искушениям и немощам, яко да совершенно чрез долгое время увидевши, яко в зеркале, немощь души твоея и слабость естества человеческого, научишися носить немощи немощных, и удобьпреклонна будеши к милованию согрешающих от немощи и кающихся, и исправляти будеши таковых духом кротости. Сего ради, каяся пред Богом, прославляй Его непостижный Промысл, дивне спасение боящихся Его и кающихся устроющий.

А понеже, всечестная госпоже, от чтения книг отеческих желанием возжелала еси обрести истинного наставника, иже бы тебе наставил на путь спасения, и Божиею помощию обретши таковаго, пребывала еси у него во истинном послушании, и содержиши и сёстр святых в таковом же послушании, и познала еси самым делом и искусом и плоды благословенного послушания, и плоды проклятого преслушания: то

нужда мне належит и о святем послушании к честности твоей мало написати. — Послушание Божественное столь вещь нужная есть ко истинному Богоугождению, яко без неё отнюдь невозможно есть благоугодити Богу. Сего ради пресвятое послушание во триех местех от Бога насаждено бысть: на небесех, и в раи, и на земли; на небесех убо — в Силах небесных, в раи же — в первозданных человецех, на земли же — во святых ученицех и апостолах Господних. И в триех сих местех явися и плод преблагословенного послушания, и плод треклятого преслушания. На небесех вся Силы небесныя, добрым своим произволением пребывше в послушании к Богу, сподобишася, Духом Святым просвещаемы, вечно в нём [в послушании] пребывати; диавол же, сый от Ангельского чина, самовластным своим произволением отпад от послушания и возгордевся, низвержен бысть с небесе, со всеми отступными того же ангельского чина силами, послушавшими самопроизвольно нечестивого его совета, и лишившися света Божественного, тма волею своею быша, врази Богу и спасению правоверных Христиан вечно сотворшеся. Се и на небесех явися плод и послушания, и преслушания. В раи, дондеже первозданнии пребываху в истинном к Богу послушании, лицецерия Божия и многообразных даров Пресвятаго Духа наслаждахуся; когда же, самопроизвольно послушавше совета диавола и отпадше от послушания, возгордешася, восхотевше равни быти Богу, тогда изречение смерти от Бога приемше, из рая изгнани быша, и всему роду человеческому виновни быша смерти; и аще не бы Сын Божий Своим к Богу и Отцу до смерти послушанием разорил преслушание Адамле, то отнюдь бы иныя надежды спасения от смерти и погибели вечныя роду человеческому не осталось. Се и в раи в первозданных показася плод послушания и преслушания. На земли же Христос Сын Божий сшедый с небесе, не да творит волю Свою, но волю пославшего Его Отца, Его же послуша до смерти, смерти же крестныя, послушание Свое Божественное насадил есть в святых Своих ученицех и Апостолах. Пребывши убо в нём даже до смерти, сподобишася проповедию своею вселенную привести к Богопознанию, и ныне со Христом Господом своим и Учителем царствуют на небесех; отпавший же от послушания треклятейший Иуда, вместо Господа послушавый во всём диавола и отчаявыйся, удавился и погипе вечно с душею и телом. Се и на земли явися плод послушания и преслушания. Сие убо Божественное послушание, насаждённое от Самого Христа Господа во святых Его ученицех, преиде во святой ангельский монашеский чин, в нём же мнози во святом послушании, яко солнце, просияша, и совершенно Богу угодиша; но и весь монашеский чин на послушании святом основан есть, и в древние времена или во общих житиях, или в царском пути, сиречь во двоих или триех, пребываху, или аще и в пустынях, то по большей части от послушания житие своё начинаху, и тако Божию благодатию избегаху от прелестей бесовских. Самочинно же житие монашеское начинавшим многжды многообразные прелести бесовские последоваху, от нихже да избавит нас Господь Своею благодатию.

Послушание Божественное и от сего имать велию похвалу, яко по святому Иоанну Лествичнику и прочих святых Отец учению, мати есть основания всех заповедей Евангельских, сиречь любви, яже послушанием совершаема бывает, якоже Господь глаголет: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите*¹⁷⁹. И паки: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя*¹⁸⁰. И паки: *не любяй Мя словес Моих не соблюдает*¹⁸¹.

Соблюдение же заповедей Христовых и словес Его не что иное есть, точию совершенное послушание ко Христу Господу. Послушание Божественное столь велия есть пред Богом добродетель, яко по согласному многих святых Отец учению истинные послушницы, в послушании истинном до конца жизни своя пребывшие, венец мученический от Христа Господа приемлют; занеже отсечение во всём воли их и разума пред настоятелем – во излияние крови, мысленное и самопроизвольное, за имя Христово [им] вменяется пред Ним в день праведного Его по делом воздаяния.

В таковом убо Божественном и святом и треблаженном послушании, честная госпоже, содержащи собор сёстр святых, во имя Христово собранных, не инако, но по истинному разуму Божественного Писания, якоже предаша и учат Преподобные и Богоносные отцы наши, наставляй их на путь спасения, самую себя во образ им всякого благого дела, помощию Божиею укрепляема, представляй, прилежным деланием заповедей Евангельских, любовь к Богу и ко ближнему, кротостию и смирением, преглубочайшим всегда ко всем миром Христовым, матерним к ним милосердием, терпением и долготерпением, со слезами молением и утешением и побуждением на всякое дело благое, носящи с любовью Божиею вся тяготы их и немощи, горящи к ним любовью Божиею, яко к сёстрам и ученицам Христовым, прилежно наставляющи их на истинное во всём к Богу послушание и на отсечение, паче же и умерщвление воли своя противныя, и оставления разума своего и рассуждения; себя же в тайне сердца твоего и души твоей имей пред Богом [яко] прах и пепел, горшу и грешнейшу паче всех человек. Понудися же преподати собою образ святым сёстрам: и соблюдением заповедей святых Отец, и трудами телесными по силе твоей, аще возможеши, предстоянием на правиле церковном, поклонами и великими и малыми; ещё же и правило келейное, уставленное от святых Отец, со страхом Божиим совершай молитвами, псалмопением и чтением; такожде прилежно и с великим вниманием и испытанием прочитывай в книгах отеческих о молитве, единым умом в сердце совершаемой, яже есть самый истинный, паче всего приятнейший Богу подвиг монашеский, и аще Божиим споспешеством уразумеши о ней истинный разум от учения святых Отец, то и понудися на делание ея, Бога призывающи в помощь, и велию от нея пользу души твоей обрящеши. Понудися никого же осуждати: един бо есть праведный Судия Христос Господь, иже воздаст комуждо по делом его; но точию себя осуждай, и не будеши на страшном и втором Его пришествии осуждена. Всякому согрешающему пред тобою от сердца отпущай согрешения, да и Отец Небесный отпустит тебе согрешения твоя. И что более возглаголю? На вся заповеди Евангельския от всея души твоя всегда нудися, всю же надежду спасения души твоя на едино милосердие Божие имей без всякого сумнения. За прежде же бывшие по попущению Божию немощи твои и согрешения душевные Бог благодатию Своею и человеколюбием да простит тя и благословит: и в сей век и в будущий.

Писать же ко мне со всяким дерзновением пиши; и Господа ради молю тебя: об общежитии вашем и чине церковном и трапезном, и о препитании вашем, и о всём жития вашего устроении подробно ко мне недостойному написать. Господь же наш Иисус Христос, истинный Бог наш, рекий: *идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*¹⁸², молитвами Пресвятыя Своея Богоматере, Владычицы нашея

Богородицы и Приснодевы Марии, и всех святых, да будет посреде вас, собравшихся во имя Его Пресвятое, во веки. Аминь.

[На подлинном собственною рукою Преподобного старца Паисия написано:]

Пречестности твоей со всеми святыми во имя Христово собравшимися сёстрами совершенного в заповедех Евангельских предусеяния всеусерднейший желатель и недостойный Богомолец.

Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдовлахийских монастырей архимандрит Паисий⁷⁰.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ НА ГРОБНИЦЕ СХИМОНАХИНИ МАРФЫ⁷¹

(описанное собственноручно
купеческой дочерью Параскевой Александровной Грязновой
и дополненное сестрой Алексеевской общины)

Сентября 7-го дня 1838 года. Во-первых, благодарение Богу приношу за Его неизреченное милосердие ко мне недостойной. На день честного Рождества Божией Матери я получила исцеление от моей жестокой болезни молитвами угодницы Божией

⁷⁰ После получения сего письма Мария Петровна намеревалась ехать к преподобному Паисию в Молдавию, но извещена была о его кончине (†15. 11. 1794). Впоследствии состояла в переписке с преемником Старца по настоятельству в обоих монастырях – архимандритом Софронием; по своей просьбе получала от него списки святоотеческих книг в переводах преподобного Паисия.

Читаем в кратком (более полного до сих пор нет) жизнеописании схимонахини Марфы, составленном в 1866 году настоятельницей общины Варварой Степановной Вальронд (в тайном постриге схимонахиня Варвара; †1879):

«Приснопамятная схимонахиня Марфа мудро правила общиной до 1813 года, когда после многотрудной и скоротечной болезни к общему всех прискорбию скончалась апреля 30 дня на 54 году от рождения. При погребении было необыкновенное стечение народа всякого чина, пола и звания. По неограниченному же её нищелюбию многие тайно творимые благодеяния явлены были при гробе её; ибо многие бедные и несчастные со слезами и воплем от избытка благодарного сердца изливали жалостные чувства своего лишения милостивой благотворительницы. Кто, плача, говорил: “Матушка ты наша, ты нам келию поставила!” Другие: “Ты нам коровку купила!” Или: “Оброк за нас заплатила!” – “Шубу нам пожаловала!..” И всякие многообразные подаяния и пособия она, всеблаженная, втайне совершала. Что же можно сказать о скорби и горести любезных ей сёстр? Вопли и рыдания заглушали погребальное пение и не умолкаемы были до тех пор, как архимандрит Арзамасского Спасского монастыря Александр [(Подгорченков; †1845), старец высокой духовной жизни, делатель Иисусовой молитвы, бывший в близком духовном общении с митрополитом Гавриилом (Петровым), с учениками преподобного Паисия, многими святогорскими старцами], питавший к покойной глубокое уважение и любовь, движимый собственным своим скорбным чувством, не мог более продолжать отпевание и во всеуслышание должен был сказать сёстрам: “Ради Бога, престаньте от слёз и рыданий! сам я изнемогаю и продолжать не могу...”»

⁷¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 304/II. Д. 248. Л. Л. 488–499.

схимонахини Марфы. – Первое, опишу моё страдание: вот исполнилось десять лет, как я получила эту болезнь, которую, полагаю, получила от злонамеренных людей. Сначала припадки были тихие, но при огорчении бывали с криком, потому [врачи] полагали, что припадки истерические, начали пользоваться; три года безпрестанно лечили, и все доктора сказали, что не постигают моих припадков; которые мои припадки все год от году больше усиливались, до такой степени стали быть сильны, во время которых меня по четыре человека держали; тогда обнаруживали во мне такие силы, что я избивала себе руки, а особливо грудь, со столь жестоким криком, что в других домах слышно было; всё в безпамятстве; а после слабость ужасная. С начала болезни во время Литургии делалась со мною тоска; а вот уже три года, если когда и была в церкви, в ужасном страхе выходила. По кончине моей родительницы я имела намерение ехать в Арзамас в Алексеевскую общину к родным погостить; сначала разные препятствия останавливали мою дорогу; а потом болезни столько усилились, что я не в силах была ехать. – Нынешний Великий пост, бывши вся больна, не могла быть в церкви. В Великую Пятницу (то есть 1-го апреля, на память преподобных Марии Египтяныни) столь нестерпимую чувствовала тоску, что весь день проплакала: все невозбранно во храме Божию, а я лишена святого щастия; от слёз уснула; – вижу, во сне мне говорят: «Пришла Алексеевская начальница»; встречаю, – входит монахиня; молится; я подошла к ней, она меня перекрестила, поцеловала, сказала: «Милость Господня с тобою! Приезжай ко мне в монастырь». В это время я ей всё рассказала, даже всю свою жизнь; она [в ответ] много говорила, утешала, последнее сказала: «Не унывай, Бог – Отец сирот! Прощай, приезжай, – я начальница монастыря, я заставлю за тобою ходить». Проснувшись, сначала думала – просто сон; но после совершенно забыла; так прошло до дня Вознесения Господня. В ночь на праздник видела то же, опять звала и говорит: «Что́ же не идёшь?» – последнее сказала: «Если бы ты ко мне на праздник приехала, то весело бы праздновала с сёстрами». Тогда я спросила об имени ея? – «Грешная Марфа!» Проснулась – и опять забыла; я думала, всё это от моей болезни. Вот опять в Троицын день то же видела, и – «Что́ ты, зачем не едешь?» Тогда я рассказывала ей, что прошусь, но никто не постарается насчёт моей дороги; последнее [она] сказала: «Бог всё устроит, тебя соберут в три дня». Что так и случилось, в три дня собрали. Иногда я имела намерение сказать, но не могла, мне делалось дурно, особливо в день моего отъезда. 14 июля, бывши в церкви, такой чувствовала страх и тоску ужасную, что не могу изъяснить. Доро́гой заезжала в Балахну молиться, исполняя обещание родительницы; бывши в церкви, была постигнута жестоким припадком, который продолжался долго с ужасным криком, которого я не помню; но сказывают, что кричала: «Тогда кончится, когда добродетельная встанет, она избавит!» После ехали в Алексеевский монастырь, такое чувствовала отвращение, что несколько раз хотела воротиться домой. В монастырь приехала 20 июля; увидев церковь, поражена была столь великим страхом, что не помню, как вошла в келию; на другой день сделалась больна, [но] не была в церкви не столь по болезни, как по страху; но не имела духа сказать никому. 1-го августа, во время заутрени, видела во сне, мне говорят: «Молись утром и вечером по десяти поклонов: *Господи! за молитвы схимонахини Марфы избави меня от болезни*». – 4-го числа я была в церкви в первый раз после обедни, пошла помолиться; как

пришла в придел Печерских чудотворцев (совершенно ещё не зная, где погребена схимонахиня Марфа и во имя чьё оный придел устроен), то услышала необыкновенный стук под полом; я от страха ушла из церкви. В ту ночь на 5-е число видела: опять приходит [та же] монахиня и говорит после обыкновенной молитвы: «Что моя гостыя хвораешь? Вот и я пришла к тебе после всех; что́ – мои послушницы ходят ли к тебе?» Тогда я рассказывала всё, также и какие лекарства принимаю; тогда она сказала: «Всё пройдёт, ты будешь здорова, ходи чаще ко мне». Я в это время думаю: «Как же она говорит, что начальница, а совсем другая – не матушка Марфа Павловна» [тогдашняя, в 1838 году, настоятельница общины], – то она, оборотясь ко мне, сказала: «Я была начальница и буду; а это моя послушница». – Проснувшись, весь день чувствовала ужасную тоску. Пошла ко всенощной на 6-е число; как пришла в церковь, почувствовала страх; наконец, пред величанием, вдруг вижу: пол раскрылся, выходит монахиня, встала на амвон и вошла в Царские двери. Меня столь великий страх поразил, что не помню, как вывели; и на каждый раз, как приходила [возвращалась] ко всенощной, то же видела – и от страху не могла достаивать. А на другой день, на праздник [Преображения Господня], не могла идти к обедне. – На другой день 7-го числа по разным неприятностям хотела ехать домой; лишь только думала послать за лошадьми, как в ту минуту почувствовала необыкновенную слабость, упала на постелю, уснула; – опять вижу то же, говорит: «Я приказываю остаться, ты должна исполнить волю Божию». Тогда я хотела непременно сказать [что не желаю оставаться?], но не имела воли. Мне делалось дурно, когда начинала говорить. Решилась молчать, думая, [что] если Богу угодно прославить Свою угодницу, за её святые молитвы исцелить меня недостойную, то Сам [меня] устрасит. Вдруг мне говорят, чтобы надо мною читать молитвы заклинательные от припадков, я согласилась. 21-го числа начали читать молитвы, я ничего не помню, как только [то,] что когда они [сёстры общины?] за мной приходили, то великое чувствовала отвращение, и что во время чтения бывали припадки, но я их не помню, только после чувствовала отвращение ужасное. В это время я говела (к 29-му числу [августа, Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна] хотела сообщиться Святых Таин). 27-го числа видела утром во сне: приходит [та же] монахиня с образом Благовещения Божией Матери, свет от лица необыкновенный; сперва велела перекреститься, приложиться к образу; а потом говорит: «Знаешь ли, что значит этот образ?» Я говорю: «Это образ Благовещения, Архангел благовествовал Деве радость». Тогда сказала: «И я тебе скажу радость, ты будешь в двенадцатый день здорова». И много говорила, наставляла, что собственно относится ко мне. – Молитвы продолжали читать. Во время двенадцатого раза читали молитвы пред [чудотворной] иконою Божией Матери «Утоли моя печали», [со мною] сделался припадок, во время которого вижу: пол раскрылся, вышла [та же] монахиня, подошла ко мне, говорит: «Дайте ей три ложки масла от Богородицы, всё вырвет». Как мне дали, то почувствовала ужасную тошноту, и после рвоты сделался припадок. Я ничего более не помню; как опомнилась, то повели ко гробу [схимонахини Марфы], такое почувствовала отвращение, что не могу объяснить; а когда приложилась к оному, то почувствовала необыкновенную лёгкость, как будто что тяжёлое с меня спало, и страх миновался. А на другой день во время [заклинательных] молитв, которые читали 12-й

раз у гроба, сделалась рвота – и после как будто что горячее вылетело из рвоты, всё обожгло во рту, после лишь сделалась слабость.

Бог молитвами угодницы схимонахини Марфы избавил меня недостойную от моей жестокой болезни.

7-го сентября 1838-го года. Кинешемская купеческая дочь Прасковья Александровна Грязнова.

[Прибавление рукою сестры Алексеевской общины:]

Ещё запомнила она написать, а также и в какое число: видела она сон, незадолго до своего исцеления. Видит себя в нашей холодной церкви, и архиерея во всём облачении со свечою в руке стоящего, и многое множество народа со свечами же в руках. Посреди церкви стоит гроб, архиерей же говорит к народу: «Это мощи схимонахини Марфы, они уже засвидетельствованны, прикладывайтесь». Обернулся ко мне: «Приложись – твоё первое получишь исцеление, а по тебе и другие также получают исцеления».

Бывшие происшествия с больною во времена праздников, которых [происшествий] она совсем не помнит:

В первый раз, как священник начал читать закликательные молитвы (на которое оных чтение всегда с большим принуждением её приводили), она бранила священника: «Что тебе за дело до моей болезни!» – и всё продолжала браниться и смеяться; икала и зевала безпрестанно необыкновенным образом, и всё раскаивалась: зачем приехала. – С первого [чтения] Евангелия до того её ломало, что едва четверо сестёр могли её с трудом удержать, дралась и самого священника била по рукам; когда же он надел на неё служебный священнический пояс, то она сильно кричала: «Что за попишка навязался! удавить что ли меня хочешь? и где слыхано, чтобы людей ремнём давили? Я обличу вас монастырских всех, что́ у вас потихоньку-то делается; все дела ваши знаю и всё знаю, только дня скончания не знаю. В тартарары провалиться бы вам, и с попишкой тем вашим!» Безпрестанно говорила: «Тошно...» – и бранила себя: «Зачем я сюда приехала? Ведь ты знала, что́ тебе будет! Ох! Крепись, Пашинька, не сказывай». И шесть дней таким образом с нею продолжалось во время чтения закликательных молитв: рвало её, икала, зевала, дралась, ужасно сердилась и священника совершенно ненавидела; а как только он отчитает, то [она] и бросится бегом из церкви. После шестого чтения молитв – бес в ней притишился; и она не тяготилась чтением; стояла тихо, молилась и выполняла все приказания священника с полным духом. Видя же её тихое положение, намеревались покончить чтение молитв. Между тем, однако, со стороны мы замечали, что ещё кроется в ней неприязнь бесовская: по непрестанной тоске, которую она в себе чувствовала, и по случавшимся ещё с нею припадкам. Начали опять убеждать её продолжать над нею чтение закликательных молитв, хотя она и старалась сперва сильно сему воспрепятствовать, и с большою скукою говорила: «Долго ли вы ещё будете мучить меня? не надо; я не только не боюсь вашего чтения, но напротив того, всё мне хочется хохотать; этот попишка досаждал мне до смерти, всю меня крестом истыкал до синих пятен». Но, однако, после сама она просила, чтобы до двенадцати раз продолжали над нею чтение молитв. В одиннадцатый раз, с самого утра как она проснулась, говорила о чём-то, что поразило её всю болезнью; с великим трудом больную провели в церковь, где намерены

были ей читать молитвы у образа Божией Матери. Она говорит: «Лучше бы в другом месте почитать, а не в этой церкви». С великим принуждением по приказанию священника она приложилась к [иконе] Божией Матери, и после сего замертво посадили её на стул. В продолжение чтения молитв с нею сделалась такая смрадная рвота дважды, что едва устоять [можно] было при ней. Принесли жару и окурили лесным ладаном. После сей рвоты покатила замертво, и держали [её] на руках. Пришедши же в себя, начала ухать и несколько раз весьма громко вскрикивала. Спрашивали её: «Что вы, матушка?» Отвечает: «Страшно мне», – и повторяла неоднократно с криком: «Страшно!» Потом спросила: «Что за стук? Что за стук? Батюшки! Пустите!» И начала превеликим голосом кричать и рваться из рук, бежать хотела; повторяя: «Под полом стучат, точно сто человек зашли туда и поднимают меня на воздух!» Необыкновенным голосом не переставала кричать: «Пустите! страшно!» – и пояс, которым была опоясана, разорвала и бросила с себя. Но, однако, опять связали её им, и началось у неё биться в левом боку, как будто сильная птица трепетается: на которое место священник накладывал крест с мощами. Потом сильно закричала: «Смерть моя! в ухе сидит, дайте уховёртку!» – и вот затрепетала. Потом: «В горле, задавил дыханье! в горле сел, удушили меня!» Священник помазывал её святым елеем. Потом [она] говорит: «Чей это голос?» Мы отзываемся, что никого здесь нет. «Вам говорят, не слышите, что ли? дать масла от Матери Божией». Дали ей одну ложку. Она, зажмуривши глаза, хватает и говорит: «Три, три ложки приказывают». И, как после она сказывала, присутствовала в то время матушка схимонахиня Марфа, и она приказывала давать ей три ложки масла. И после стало её рвать. Покончивши [священнику] читать, она со скукою говорила: «Насилу я могла от вас отмучиться». Священник взял её за руку и говорит: «Поклонись в землю, тут лежит праведница схимонахиня Марфа, проси её святых молитв об исцелении твоём». Она не успела поклониться, как сильно ударило её в землю – и [упала] с ужасным криком. [Лёжа] произносила: «Говорил я тебе, Прасковья Александровна, доконают тебя монахини, не ездят туда; ты меня не послушала; теперь валяйся на полу; последний раз: крепись, Пашинька! Не сказывай...» Драла на себе волосы, а священник продолжал над нею, на полу лежащею, читать молитвы; на его слова делала возражение: «Не ты меня исцелишь, хоть все [молитвы] кричи! я тебя не боюсь». И после сего пришла матушка [настоятельница] Марфа Павловна, больную повели ко гробу праведной матери [схимонахини Марфы]. – Конец же её болезни описан собственною её рукой⁷².

⁷² Некоторые примечания. Упоминаемая в тексте настоятельница Марфа Павловна (Пирожникова; †21 августа 1852) – дочь сержанта гвардии из Санкт-Петербурга, духовного сына преподобного Феодора. В 1778 году, будучи трёх лет, осталась сиротою по смерти отца (мать скончалась, вероятно, при родах), и преподобный Феодор, бывший тогда на Соловках, благословил сестёр общины взять младенца на воспитание. И семьдесят четыре года её жизни прошли в обители. В 1828-м, после кончины монахини Олимпиады (Стригалёвой), Марфа Павловна была избрана общим согласием сестёр в настоятельницы общины. Тайно приняла великую схиму без перемены имени. Мы имеем копии нескольких её писем (хранящихся в Арзамасском архиве), из которых виден великий духовный облик схимонахини Марфы 2-й.

Архив Арзамасской Алексеевской (и Феодоровской!..) общины ещё ждёт своего опубликования (в нашей книге мы воспользовались им лишь частично). При настоятельнице Марфе Павловне в общине было более пятисот сестёр. Из предания известно, что отец Феодор неоднократно высказывался так: «Если буду иметь

дерзновение у Господа, место сие прославится и умножится до пятисот духовных сестёр». Под духовным окормлением предыдущей настоятельницы, монахини Олимпиады, был в начале своих монашеских подвигов преподобный Антоний (Медведев; †1877, память 6 июля в Соборе Радонежских святых), с 1831 года наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, который стал духовным другом и сотаинником святителя Филарета, митрополита Московского (Дроздова; †1867, память 19 ноября); преподобный Антоний постоянно и до конца дней посещал Алексеевскую общину, был её благодетелем. Статус общежительного монастыря (и сразу первоклассного) община получила лишь в конце XIX века (в 1897-м, а до того времени, храня заповеданное преподобным Феодором, *сопротивлялась* перемене смиренного своего состояния), тогда же начали открыто совершать монашеские постриги. Произошло это при настоятельнице игумении Евгении (Страгородской; †1914), которая была дочерью знаменитого Арзамасского протоиерея Иоанна, служившего одно время священником общины, и тёткой будущего Патриарха Сергия (Страгородского; †1944). К 1917 году в Арзамасском Новодевичьем Алексеевском монастыре спаслось о Господе более восьмисот сестёр, это был один из знаменитейших женских монастырей России. В августе 1918-го, при последней настоятельнице игумении Евгении (Политаевой; †?), большевицкая власть разместила в обители Артиллерийское управление с тремя гаубичными батареями (так и хочется сказать: *красных* наследников бомбардирской роты Петра Великого); далее, как значится в «Акте от 26 марта 1926 года», монастырь был в буквальном смысле *обобран до нитки* (община славилась в России, Греции, Палестине, на Святой Горе Афон своими мастерицами, особенно золотошвейками), всё самое ценное отправлено «на реализацию в Нижний Новгород», менее же (для мародёров) ценное в «Нижгубмузей». Где всё это теперь? (Одна из чудотворных икон Божией Матери «Достойно есть», переданная в 1853 году «в благословение от Русского Пантелеимонова монастыря, что на Святой Горе Афонской, Алексеевской Арзамасской обители», – ныне обретаема, вся в рубленых шрамах от ударов по Ликам то ли шашкою, то ли топором, и чуждым образом обновлённая: *множеством* глаз Божией Матери и Богомладенца... Поклоняются этой страдальческой иконе в возрождаемом Свято-Николаевском женском монастыре, первом пристанище общины преподобного Феодора.)

На территории Арзамасского Алексеевского монастыря располагается (и давно уже) воинская учебная часть; храмы, колокольня разрушены, лишь единственный – Успения Божией Матери (точнее: что́ от него осталось) – перестроен под административный корпус; снесены и многие непригодившиеся военным корпусá, вместо них выстроены новые; всё вокруг закатано в асфальт. Когда в 1970-х задумали здесь котельную, то котлован под неё рыли в том месте, где было монастырское кладбище: «и с землёй подымали экскаватором кости, черепа; мне запомнилось (рассказывал автору этих строк один из старослужащих офицеров), как всё это вместе с землёю загружали в самосвалы и увозили...» Офицер вспоминал, что несколько лет подряд в одном из сохранившихся монастырских зданий, где теперь размещалась санитарная часть и где каждый год, в мае, производили обязательную побелку стен, – в одном и том же месте на сводах, покуда высыхала извёстка, проступал явственно на краткое время тёмный, как бы монашеский лик... скоро исчезал, но в следующем мае всё повторялось.

«Что это могло быть? – спрашивал офицер. – Вы не знаете?..»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вот Евангельское слово: *такое да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела*¹⁸³. Так сие следует до вас, чтобы ваша жизнь была светом, а не тьмою. Ибо все указывают на

монастырских, как-де живут в монастырях. Так вот Спаситель и говорит: *аще свет тма, то кольми паче тма?*¹⁸⁴ То есть, когда уже повредятся монастырские, то кольми паче мірские? Или вот Апостольское слово: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас*¹⁸⁵, то есть до тех пор печалюсь, покуда ваша жизнь не будет по Христовой заповеди. Так это слово и до меня следует, чтоб и ко мне сия скорбь не дошла о вашей жизни.

Преподобный Феодор Санаксарский

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В святоотеческом предании оставлены нам пророчества о монашестве последних времён. Все они, по существу, об одном; кратчайше это выражено в Древнем патерике у аввы Исхириона:

«Святые отцы Скита пророчествовали о последнем поколении, говоря: “Что сделали мы?” И один из них, великий по жизни, авва Исхирион сказал: “Мы сотворили заповеди Божии”. Ещё спросили: “Следующие за нами сделают ли что-нибудь?” – “Они достигнут половины нашего дела”. – “А после них что?” – “Не будут иметь дел совсем. Но придёт на них *искушение*, и оказавшиеся в искушении этом достойными – будут выше нас и Отцов наших”».

Пророчество весьма популярное ныне среди монахов.

Мы – последнее поколение. Дел у нас (т. е. подвигов монашеских, исполнения *до кровавого пота*¹⁸⁶ заповедей Божиих) никаких нет... Но вот же: окажемся достойными в великом искушении – и... (далее, по скромности говорящего, предполагается умолчание).

Дело, однако, вовсе не так просто.

Ну, последнее мы поколение или нет – об этом Господь ведаёт. (Завтра пошлёт Бог *ангела смерти* ко мне грешнику – вот я и в последнем поколении...) Подвигов, подобных древним, о которых читаем, о которых *тоскуем*, – нет, действительно. Искушений же у каждого (и можно сказать: «превеличайших») более чем достаточно; а есть ещё и такие, которые нашему только времени свойственны: изощрённейшие.

Но как же оказаться в них достойными?..

Нет, братия, не будем обольщаться и убаюкивать совесть, не будем думать, что нам удастся достойно претерпеть *искушение*, о котором пророчествовали святые Отцы, если мы продолжим жить в расслаблении, с распушенными поясами на чреслах, то и дело развлекаясь хитроумными изобретениями міра и преступно отговариваясь при этом, что подвиги древних Отцов не для нас, заповеданные ими уставы общежития непосильны, заветы противостояния міру и всему, яже в міре, несовременны... и так дойдём (сохрани Господь!), что и самые заповеди Божии останутся хотя и драгоценными, но вполне музейными экспонатами.

Вспомним, что ответил преподобный Феодор вопросившим его об *одеждах монашеских*: «Могли бы иметь вы себе оправдание, если бы по каким другим правилам о претерпении нищеты давали свои обеты пред Евангелием при пострижении в монашество. А когда чин пострижения один и обеты одни, то не много требуется тут толкования. По страстям же потакать себе – в суд только будет послаба сия, а не в защищение»...

Это было сказано им о послаблениях внешних. Насколько же более спросится с нас за послабления внутренние!

Завершая повествование о святом старце Феодоре, завершим не от себя, но словами самого Старца: им выстрадавшими и для нас необходимыми – как бы ни пытались мы в потокающем духе развращённого времени *обойти* их!

О ПРИХОДЯЩИХ К ЖИТИЮ МОНАСТЫРСКОМУ⁷²

Старец. Чего ради ты, брате, оставил мир, а пришёл в монастырь?

Ученик. Удобнейшего ради спасения души моей, честный отче. Но молю тя, повеждь ми, чего именно ко спасению монастырское пребывание требует?

Старец. Монастырское пребывание требует жития монашеского.

Ученик. Но что есть монах и каков быть должен?

Старец. Монах толкуется, человек уединённый от мира и от всех пожеланий, яже в мире, то есть отца и матери, жены и чад, друзей и сродников, от богатства и всей человеческой славы, а ко единому токмо Богу всю любовь свою иметь должен, по Апостольскому слову: *вменяю вся уметы быти, да Христа приобретаю*¹⁸⁷. И паки: *мне мир распяся, и аз миру*¹⁸⁸, то есть мир мною не веселится, яко мёртвым, и аз миром не веселюся, яко же мёртвый: по сему состоянию толкуется монах, таков и быть должен.

Ученик. Но молю тя паки, что ещё таковому монаху ко спасению потребно?

Старец. Иметь ему надлежит нестяжание имений и нищету, и паки душевную и телесную чистоту, третье же – послушание.

Ученик. Едина ли токмо по имению его нищета?

Старец. Двойственно разумеется нищета: едина по имению, то есть вещественного имения нестяжательная, другая же нищета есть духовная, то есть познание нашего пред Богом недостойнства и худости, и лишения богатства добродетельного, от нашей лености погибшего: и таковую нищету познающие, всегдашнюю печаль и слёзы иметь должны, да таковой ради нищеты не лишатся милости Господней, ихже ублажает Спаситель Христос: *блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное; блажени плачуущи, яко тии утешатся*¹⁸⁹.

Ученик. Что есть душевная и телесная чистота?

Старец. Телесная чистота – еже храниться от всякого блудного смешения плотского; душевная же чистота есть, еже храниться от всякого любострастного греха, ибо во гресех пребывающая душа скверна́ есть и нечиста; она бо и блудница и прелюбодейца в Писании

состоит, зане от Жениха своего Христа любовь свою отвела и душевредным страстям оную отдала, паче же чрез страсти диаволу самому, ибо он есть князь таковым страстям, и чрез то стала быть невеста сатанина, понеже любовь свою ему отдала. Чисту же быть от греха [означает] не токмо что от дела греховного себя сохранять, но ниже в помысле к делу того принять, по Господню словеси: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*¹⁹⁰.

Ученик. Что же есть послушание?

Старец. Послушание есть воли своей отложение и во всём законном и душе не вредном как к настоятелю, так и ко всей братии покорение, и что от кого повелено будет, аще не душевредное, того есть исполнение.

Ученик. По сих каковы ещё следуют ко спасению монаху добродетели?

Старец. По сих ещё следуют смирение, терпение и воздержание.

Ученик. Что есть смирение?

Старец. Смирение есть, еже ничтоже мнети о себе великое, как пред Богом, так и пред человеки: пред Богом, яко всегда есть грешник, ибо аще бы что и исправил благое, но знать то должен, что не о себе то исправил, но совершенно от помощи Господней, по Апостольскому слову: *не яко доволни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога*¹⁹¹; того ради и ничтоже велико о себе помышляй, а паче всегда слово Пророческое поминай, *яко червь есмь пред Богом, а не человек*¹⁹²; пред человеком же последнейшим себя именуй и, живуще с братством, всё последнее имей, и последнее место избирай, и поклоном братию упреждай, и худейшие ризы люби, и всякие нужные дела безропотно исправляй, и молчание имей; аще же что и речеши нужное, и то не стропотно глаголи, но кротко и смиренно провещай, и не любоприся в словесех; укоряем [же и] досаждаем – не гневайся, а сие токмо помышляй, яко всех есть худейший и всем раб. Сие есть совершенное смирение.

Ученик. Что же есть терпение?

Старец. Терпение есть, еже во всех нужных случаях не стужати и не опечалитися, как в трудах телесных, так и в помыслах душевных, но мужественно и благодушно все злострадания претерпевать даже до смерти, за надежду милосердия Божия, по словеси Господню: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы*¹⁹³. И паки: *претерпевый же до конца, той спасен будет*¹⁹⁴.

Ученик. Что есть воздержание?

Старец. Воздержание есть: по всему, кроме нужных, излишних похотей удержание, по словеси Апостольскому: *плоти угодия не творите в похоти*¹⁹⁵. Воздержание же есть в различных случаях: оно есть и чревом, и языком, и зрением, и слухом, и всякой мысленной похоти плоти и духа; но первое есть воздержание чревом от излишества сластолюбных брашен и безвременного ядения, аще и движет к тому хотение, но не попускать то во исполнение, и конечно удерживать. Языком же движет праздноглаголанье и кощунство и иное многое непотребное, но и то паки не попускать же и, конечно, удерживать; зрение паки простирается на многие дела неподобные и на игры безчинные – и сие паки не попускать же и, конечно, удерживать. Слух же паки движет хотение слушать беседы празднословные и смехотворные, или песни бесовские, и таковой слух паки не

попущать же и, конечно, удерживать; и всякое, кроме нужды, излишнее пожелание не попускать же во исполнение и, конечно, удерживать. Сие есть совершенное воздержание.

Ученик. Что ещё к сему потребно во спасение?

Старец. В конец сего ещё потребна есть к Богу молитва, о ней же бы возмощи вышереченное всё исполнить, по словеси Господню: *без Мене не можете творити ничесоже*¹⁹⁶. Сего ради должен всякий человек, паче же монах, во всегдашней молитве пребывать, по Апостольскому словеси: *непрестанно молитесь*¹⁹⁷; *трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*¹⁹⁸; сего ради рече [Господь]: *молитесь, да не внидете в напасть*¹⁹⁹. Молитву же всегдашнюю заповедал божественный Апостол, то есть умную, а не словесную токмо; ибо двойственна есть молитва: едина словесная, другая же – умная; словесная есть молитва временная, елико кто и в какое время хочет; умная же всегда быть может, по Апостольскому слову: *аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите*²⁰⁰, то есть на всякое время Господа Бога своего поминайте. Молитва же умная посему разумеется: еже ум свой всегда должен человек, паче же монах, возводить к Богу и просить Божественной Его помощи на победу над супостатом нашим диаволом и душевредными страстями его; – добродетелей же во исполнение.

«Святой отец Феодор [вспоминает одна из сестёр Алексеевской общины] в последнюю бытность у нас часто сие слово говорить изволил:

Что есть картина написана – сидит человек да и думает, что время идёт, аки крилами летит. И три печали обдержат мя века сего. Первое: яко имамы умрети. Второе: не вем, когда. Третье: по смерти не вем, где обрящуся... Так сие всякому человеку должно помнить.

Изволил сказать:

“Это я всегда к себе применяю”».

СПРАВОЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТ ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

- 1Рим. 11, 16.
- 2Ср.: Мф. 10, 30.
- 3 Сир. 4, 27.
- 4 Ср.: 1 Тим. 5, 8.
- 5 1 Пет. 2, 11.
- 6См.: Иак. 4, 4.
- 7Ин. 16, 20, 22.
- 8 Мф. 10, 23.
- 9Притч. 15, 13.
- 10 Еф. 5, 19.
- 11 Ср.: 1 Кор. 14, 8.
- 12Пс. 118, 130.
- 13 2 Пет. 1, 5.
- 14Ср.: 2 Пет. 3, 17-18.
- 15 Мф. 7, 8.
- 16 Рим. 11, 25.
- 17 Быт. 2, 16-17.
- 18 Ср.: Притч. 11, 14.
- 19 Ср.: Еккл. 4, 10.
- 20См.: Мф. 18, 8.
- 21Ин. 15, 13.
- 22 Иуд. 1, 22-23.
- 23Мк. 10, 43.
- 24Лк. 18, 14.
- 252 Пет. 1, 20-21.
- 26 См.: Деян. 8, 26-39.
- 27 м.: 1 Цар. 2, 12, 23-25;
4, 17-18.
- 28См.: 3 Цар. 20, 42.
- 29 Мф. 11, 29.
- 30 Мф. 16, 17.
- 31 Мф. 16, 23.
- 32 Мф. 15, 16.
- 33 Ин. 4, 27.
- 34 Иуд. 1, 22-23.
- 35См.: Иов. 1, 21.

-
- 36.....Ср.: Рим. 1, 20.
37.....Пс. 142, 5.
38.....Лк. 10, 16.
39.... См.: 1 Кор. 12, 26-27.
40..... 2 Тим. 4, 2.
41..... Ин. 6, 37.
42..... Иуд. 1, 22-23.
43..... Гал. 5, 24.
44..... Флп. 4, 13.
45 См.: Деян. 22, 30;
 23, 1-3.
46.....См.: Мф. 5, 23-24.
47..... См.: 1 Кор. 5, 11.
48..... См.: Лк. 10, 38-42.
49.....Ис. 55, 8-9.
50..... 1 Пет. 2, 21.
51..... Мф. 16, 24.
52.....Ин. 16, 33.
53..... Ср.: Иак. 4, 4.
54.....Ср.: Мф. 6, 24.
55..... Мф. 11, 38.
56..... 1 Кор. 2, 9.
57..... Рим. 8, 1.
58.....Ср.: Рим. 8, 13.
59..... Ср.: Флп. 3, 19.
60..... Рим. 8, 7.
61.....Рим. 8, 13.
62.....Ср.: 1 Кор. 7, 29-31.
63.....Лк. 16, 13.
64..... См.: Мф. 18, 6-7.
65..... Мф. 26, 31.
66..... См.: Мф. 11, 28-30.
67..... Мф. 24, 13.
68.....Лк. 10, 16.
69..... См.: Мф. 11, 29.
70..... Еф. 6, 12-13.
71..... Апок. 3, 21.
72..... 1 Кор. 2, 9.
73..... См.: Мф. 12, 45.
74.....См.: 2 Кор. 4, 16.
75.....См.: Лк. 12, 32.
76..... См.: Быт. 22, 1-18.

-
- 77 Пс. 21, 7.
78 Пс. 48, 13.
79 Мф. 16, 24.
80 Ин. 14, 15, 23.
81 Мф. 23, 13.
82 Пс. 132, 1.
83 1 Пет. 4, 18.
84 Пс. 142, 2.
85 Ср.: Пс. 74, 3.
86 Мф. 7, 21.
87 Ср.: Втор. 6, 5;
Мф. 22, 37-39.
88 Еф. 4, 30.
89 Ср.: Мф. 12, 36.
90 Ср.: Еф. 4, 29.
91 Пс. 76, 4.
92 Пс. 138, 6.
93 Ср.: Пс. 21, 7.
94 Пс. 15, 8-9.
95 Пс. 22, 4.
96 1 Кор. 10, 12.
97 Ср.: Мф. 13, 45-46.
98 Мф. 5, 16.
99 Ср.: Мф. 6, 23.
100 Гал. 4, 19.
101 2 Тим. 3, 7.
102 Ср.: Иак. 1, 23-24.
103 См.: Мф. 7, 13-14.
104 См.: Евр. 2, 13.
105 См.: Мф. 25, 12.
106 Мф. 11, 29.
107 Мф. 5, 3.
108 Пс. 132, 1.
109 Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5.
110 Пс. 118, 62.
111 Пс. 118, 55.
112 1 Сол. 5, 17-18.
113 Иак. 5, 16.
114 Пс. 144, 2.
115 Пс. 24, 1.
116 Песн. 5, 2.
117 Мф. 6, 15.

-
- 118 Мф. 5, 23-24.
119 Мф. 5, 4.
120 Лк. 7, 47.
121 Мф. 26, 75.
122 Мф. 7, 7.
123 Мк. 11, 24.
124 Кол. 4, 2.
125 Мф. 7, 7.
126 Мф. 5, 44.
127 Мф. 6, 10.
128 Мф. 6, 2.
129 См.: 2 Сол. 3, 10.
130 См.: Сир. 33, 28.
131 Пс. 15, 8.
132 Пс. 37, 10.
133 Пс. 24, 15.
134 Пс. 103, 34.
135 Пс. 76, 4.
136 Пс. 122, 1.
137 1 Сол. 5, 17.
138 Ин. 16, 23.
139 Мф. 18, 20.
140 Пс. 101, 2.
141 Мф. 22, 12.
142 Евр. 4, 16.
143 1 Тим. 6, 10.
144 Кол. 3, 6.
145 Лк. 18, 1.
146 1 Сол. 5, 17.
147 Пс. 28, 9.
148 Ис. 29, 13.
149 См.: Пс. 108, 7.
150 Ср.: 1 Кор. 1, 18.
151 Лк. 18, 13.
152 Мф. 5, 8.
153 Пс. 118, 80.
154 Пс. 23, 3-4.
155 Пс. 63, 8.
156 Пс. 50, 12.
157 Ин. 15, 5.
158 Деян. 2, 21.
159 Иез. 33, 11.

-
- 160 Пс. 144, 18.
161 См.: Мф. 10, 42.
162 Пс. 50, 3.
163 Лк. 23, 42.
164 Пс. 66, 2.
165 Иер. 48, 10.
166 См.: Мф. 26, 41.
167 1 Ин. 2, 15.
168 Иак. 4, 4.
169 1 Кор. 7, 29-32.
170 1 Кор. 7, 32-34.
171 Ср.: Лк. 6, 47-49.
172 Рим. 12, 16.
173 1 Кор. 2, 13.
174 Ср.: Евр. 4, 12.
175 Притч. 11, 14.
176 Лк. 12, 49.
177 Мф. 19, 27.
178 Гал. 6, 2.
179 Ин. 14, 15.
180 Ин. 14, 21.
181 Ин. 14, 24.
182 Мф. 18, 20.
183 Мф. 5, 16.
184 Мф. 6, 23.
185 Гал. 4, 19.
186 См.: Лк. 22, 44.
187 Флп. 3, 8.
188 Гал. 6, 14.
189 Мф. 5, 3-4.
190 Мф. 5, 8.
191 2 Кор. 3, 5.
192 См.: Пс. 21, 7.
193 Мф. 11, 28.
194 Мф. 10, 22.
195 Рим. 13, 14.
196 Ин. 15, 5.
197 1 Сол. 5, 17.
198 1 Пет. 5, 8.
199 Мк. 14, 38.
200 1 Кор. 10, 31.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Житие, наставления, письма преподобного Феодора:

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Библиотечный фонд. Инвентарный №23628.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 218. Д. 734.

Центральный архив Нижегородской области (г. Арзамас). Ф. 11. Оп. 1. Д. Д. 5, 264.

Годы детства:

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Описание коллекции рукописей XIV–XX веков. №24(1054). Л. 287.

Служба в Лейб-Гвардии Преображенском полку:

ГАЯО. Ф. 582. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 171. Л. 4; Д. 195. Л. 24 об.; Д. 197. Л. 48 об.; Д. 205-2. Л. Л. 47, 64 об.; Д. 207. Л. 35 об.; Д. 210. Л. Л. 159–159 об.; Д. 244. Л. 4; Д. 247. Л. 6; Д. 255. Л. 33; Д. 257. Л. Л. 5–5 об.; Д. 258. Л. 172 об.; Д. 262. Л. 7; Д. 268. Л. 13; Д. 271. Л. 3; Д. 274; Д. 278. Л. 54; Д. 302. Л. Л. 28 об.–29; Д. 304-1. Л. 7; Д. 311. Л. 45; Д. 336. Л. Л. 23–23 об.

Поимка в брянских лесах:

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. Л. 2–3.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 753. Д. 42. Л. 31.

В Александро-Невском монастыре:

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 815. Оп. 5. Д. 126. Л. Л. 1–4.

Ф. 796. Оп. 29. Д. 152. Л. 1.

Ф. 796. Оп. 37. Д. 546. Л. Л. 1–6.

В Саровской пустыни:

Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. Л. 3–7 об., 11, 12–23 об.; Д. 127. Л. Л. 9–10, 13–17.

В Санаксарском монастыре:

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 280. Оп. 3. Д. 598. Л. Л. 1, 43–53.

Ф. 406. Оп. 1. Д. 823. Л. Л. 1–1 об.
Ф. 585. Оп. 2. Д. 492. Л. Л. 1–37.
Ф. 585. Оп. 3. Д. 458. Л. 7.
РГИА. Ф. 796. Оп. 55. Д. 53. Л. Л. 1–49.
Ф. 797. Оп. 97. Д. 13. Л. Л. 46–46 об., 92, 258–258 об.
ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. Л. 32–33; Д. 116. Л. Л. 24–34 об.; Д. 127. Л. Л. 18–18 об.;
Д. 137. Л. Л. 7 об.–8 об., 11–14 об., 17, 20 об.; Д. 144. Л. Л. 7–8 об.; Д. 146. Л. Л. 1 об.–2 об.,
9–10, 56 об.–65.
Ф. 3. Оп. 1. Д. 1-а. Л. Л. 2–3; Д. 2. Л. Л. 2–11; Д. 3. Л. Л. 4–10 об.; Д. 4. Л. Л. 1–5; Д. 5. Л.
Л. 2–9; Д. 6. Л. Л. 35–36, 40–46; Д. 7. Л. Л. 5–6 об.
Ф. 122. Оп. 2. Д. 128. Л. Л. 1–14, 18–23 об., 26–26 об., 28–28 об., 30–30 об., 33.

Время соловецкой ссылки:

РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 938. Л. Л. 2, 3, 7; Д. 953. Л. Л. 39, 40 об.; Д. 996. Л. Л. 21–21
об., 89; Д. 1022. Л. Л. 19, 22 об.; Д. 1928. Л. Л. 4–5; Оп. 5. Д. 5123. Л. Л. 2, 6 об., 13 об., 16
об.; Д. 5250. Л. Л. 2 об., 5.
РГИА. Ф. 796. Оп. 55. Д. 53. Л. Л. 50, 69–69 об.
Ф. 796. Оп. 443. Д. 98. Л. Л. 256–257.
Ф. 797. Оп. 97. Д. 18. Л. 24.
ЦАНО (г. Арзамас). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3. Л. 29 об.
Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. Л. 5–7 об., 13–15 об.; Д. 8. Л. Л. 19–21; Д. 10. Л. Л. 32–32 об., 35–37
об.; Д. 13. Л. Л. 11–12, 16–19, 28–30; Д. 14. Л. 11; Д. 15. Л. Л. 8–9.

После возвращения и до кончины:

РГИА. Ф. 796. Оп. 64. Д. 513. Л. Л. 1–4, 6–7 об., 11–13 об.
ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. Л. 12.
Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. Л. 3–6, 10–10 об., 12–14, 19–22, 29; Д. 17. Л. Л. 41–43, 52–52 об.,
54–54 об.; Д. 18. Л. Л. 7, 30–30 об., 53–53 об., 57–59; Д. 19. Л. Л. 50–53 об., 77–78; Д. 21. Л.
Л. 11, 49–49 об., 52; Д. 22. Л. Л. 32–34.

Прочее:

Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Ф. 570. Оп. 557. Д. 4. Л. Л.
14–17; 182–186 об.
Ф. 1016. Оп. 2. Д. 51. Л. Л. 83–84 об.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 701. Л. Л.
378–378 об.
Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 3. Д. 34. Л. Л. 1–1 об.
РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 434. Л. 1.
Ф. 273. Оп. 2. Д. 275. Л. 37.
ЦАНО (г. Арзамас). Ф. 11. Оп. 1. Д. 131.
Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 619. Л. Л. 5–6, 13.

Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 83.
ЦГАРМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. Л. 55 об.
Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 45.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арзамасский Николаевский общежительный женский монастырь: История его и описание /Сост. Н. Щегольков. Арзамас, 1913.
- Архимандрит Феофан, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря /Сост. Н. Субботин. СПб., 1862.
- Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. С. 516–609.
- Валькович А. Чада мои возлюбленные; Летин С. Служилое платье от Петра Великого //Родина, 2000. №11. С. 10–23.
- Высокопреосвященнейший Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский: Вопреки веку Просвещения /Сост. П. В. Калитин. М., 2000.
- Григорьева Г. И. Новые документы о семье Ушаковых в ЦГАРМ //«Да славят потомки твой пройденный путь...». Саранск, 2008. С. 152–197.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1978.
- Жизнеописание старца иеромонаха Феодора (Ушакова), восстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря /Сост. иг. Тихон (Ципляковский) //Тамбовские епархиальные ведомости. 1886. №№ 3, 9, 16, 22.
- Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1997 (Репринт 1908). С. 95–97.
- Жизнь отца Феодора, бывшего настоятеля Санаксарской обители /Сост. монах Порфирий (Григоров). М., 1847.
- Записки отца Феофана, архимандрита Кирилло-Новоезерского монастыря //«Странник». 1862. Февраль. С. 33–58.
- Изгнанный правды ради: Жизнь святителя Арсения (Мацеевича). М., 2001 (Репринт 1905).
- Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской женской общины /Сост. И. Н. Четыркин. Н. Новгород, 1887.
- Историко-статистическое описание Тамбовской епархии /Сост. свящ. Георгий Хитров. Тамбов, 1861. С. 94–96.
- Исторические сведения о городе Арзамасе /Сост. Н. Щегольков. Арзамас, 1911. С. 126, 129–130, 136–139, 162–164, 175–178.
- Историческое описание Темниковского Санаксарского монастыря /Сост. иг. Тихон (Ципляковский). Темников, 1885.
- История Лейб-Гвардии Преображенского полка. Т. 2 /Сост. А. Чичерин. СПб., 1883.
- Кириченко О. В. Дворянское благочестие: XVIII век. М., 2002.

-
- Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций. Т. 2–3. Минск, 2003. Главы 59–81.
- Колчин М.* Ссылные и заточённые в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках. М., 1908.
- Костомаров Н. Н.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Кн. 2. М., 2005.
- Критский П. А.* Наш край: Ярославская губерния – опыт родиноведения. Ярославль, 1907. С. 180–191.
- Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.
- Нечволодов А.* Сказания о Русской земле. Кн. 1. Изд. «Русская энциклопедия», 1991 (Репринт 1913). С. 213.
- Овчинников В. Д.* Святой адмирал Ушаков. М., 2003.
- Полное собрание законов Российской Империи. Т. 9. №6718. СПб., 1830. С.501–507 (см. пункт 3).
- Поселянин Е.* Русская Церковь и русские подвижники 18 века. СПб., 1905.
- Православные Русские обители. СПб., 1994 (Репринт 1910).
- Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника: Лествица, возводящая на небо. На слав. яз. Изд. Киево-Печерской Лавры, 1877.
- Преподобный Феодор Санакарский: Наставления духовным чадам /Сост. иг. Венедикт (Кулешов). 2-е изд. Саранск, 2009.
- Пугачёвский бунт в Краснослободском уезде //Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Пенза, 1870. С. 143–169.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Т. Т. 8 и 9. Изд. «Наука», 1978–1979.
- Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра: 1713–1913. СПб., 1997.
- Саровская общежительная пустынь: Подробное описание. М., 1908. С. 64–65.
- Семёнова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга: XVIII век. М.–СПб., 1998.
- Смолич И. К.* История Русской Церкви: 1700–1917. Части I и II. М., 1996–1997.
- Смолич И. К.* Русское монашество: 988–1917. М., 1999.
- Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. X–XV. Т. Т. 19–29. Изд. «Мысль». М., 1993–1995.
- Старина и святыни города Романова /Сост. А. Л. Беляков, А. Ю. Плотников. Ярославль, 1991.
- Тальберг Н.* История Русской Церкви. М., 2004 (Репринт).
- Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 30. С. 1176.
- Триодь постная. М., 2003 (Репринт 1904).
- Устав общежительной Сатисо-градо-Саровской пустыни, преданный основателем и первоначальником оной иеромонахом Исаакием, в схиме Иоанном. М., 1897.
- Щербатов М. М., князь.* О повреждении нравов в России. М., 1983.